ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

ЧАСТЬ XIII.

МОСКВА, 1804.

Въ Университетской Типографіи

у Любія, Гарія и Попова.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЯНВАРЬ 1804.

№ I.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

ГИМНЪ БОГУ.

Непостижимый, всюду сущій,
Природы Царь, Отецъ, Душа,
Неизрѣченный, Всемогущій!
Всё сущее, Тобой дыша,
Твоимъ святымъ законамъ внемлетъ;
Всё отъ Тебя, Творецъ, пріемлетъ
Свой жребій, образъ, бытіе,
И стройно шествуя стезёю,
Опредѣленною Тобою,
Явитъ величіе Твое.

Твоимъ велѣньемъ круги звѣзды,
Горящи солнцы, тьмы міровъ,
Разсѣянны въ пространствѣ бездны,
Несчетно множество вѣковъ
Вращаясь, движутся, сіяютъ,
Пути назначенны свершаютъ,
Храня чудесный чинъ и строй.
Въ Твоей десницѣ громъ гремящій,
Ревущи бури, зной палящій;
Въ ней и прохлада съ тишиной.

Ты возхотѣлъ — и начинаетъ
Земля вкругъ солнца новый ходъ;
Ты повелѣлъ — и къ намъ слетаетъ
Съ небесной тверди новый годъ.
Пріемлемъ даръ Твой съ восхищеньемъ,
Благодаримъ съ благоговѣньемъ,
Въ восторгѣ движемъ струны лиръ,
Тебя, Всечтимый, славословимъ,
И съ пламенной слезою молимъ:
Вели — да будетъ всюду миръ!

1804 года,
Января 1го дня.

Иванъ Поповъ.

II.

Альцибіадъ пустынникъ.

Щастливое и постоянное исполненіе всѣхъ нашихъ желаній часто обращается въ большое для насъ нещастіе; потому что мы тѣмъ съ живѣйшею горестію чувствуемъ первую неудачу, или отказъ. Альцибіадъ испыталъ это надъ собою. Хотя Историки и сказали намъ, что онъ умѣлъ удобно принаравливаться ко всѣмъ нравамъ и принимать на себя различные характеры; но они забыли объявить, какимъ путемъ достигъ онъ до столь трудной цѣли, но столько однако же нужной въ общежитіи. Кажется невѣроятно, чтобъ молодой, любезный человѣкъ, наполненный талантами, и, что еще болѣе, богатый, сдѣлался мудрымъ безъ помощи какого нибудь злоключенія. Наставленія Сократовы были превосходны; Альцибіадъ иногда ихъ слушалъ, но рѣдко имъ слѣдовалъ. Одна молодая Аѳинянка, которая совсѣмъ не думала его учить, сдѣлала однако же больше сего важнаго Философа.

Аѳины были обиталищемъ красоты и прелестей. Альцибіадъ юный, любезный, милый Альцибіадъ нашелъ болѣе

ста красавицъ, влюблялся во многихъ изъ нихъ и встрѣтилъ одну только жестокую, которая мгновенно заставила его забыть благосклонности всѣхъ прочихъ. Онъ поклялся Венерою, что она его полюбитъ; но богиня столь же мало вняла его клятвѣ, сколь мало нечувствительная Аѳинянка внимала его любви. Отъ сего почувствовалъ онъ по крайней мѣрѣ столько же досады, сколько и огорченія. Къ довершенію его нещастія услышалъ онъ, что сердце ея было тронуто, но только не имъ: въ какое отчаяніе впалъ щастливецъ нашъ въ любовныхъ дѣлахъ!... Старался утѣшиться, предложилъ онъ услуги свои Республикѣ. Тогда была война. Республика отказала ему въ просимомъ чинѣ. Такимъ образомъ, презрѣнный любовницею, отвергнутый Ареопагомъ, заключилъ онъ, что дарованія нещастливы ни въ любви, ни въ политикѣ. Сія мысль такъ поразила молодой его разсудокъ, что въ одномъ сильномъ приступѣ философической горячки почувствовалъ онъ вѣчную ненависть ко всѣмъ людямъ вообще. Видъ каждаго мущины возобновлялъ въ его памяти всѣ злодѣйства рода человѣческаго; видъ женщины — всѣ вѣроломства кокетки.

Съ такимъ расположенїемъ не могъ онъ болѣе жить въ Аѳинахъ; онъ оставилъ сей городъ; пошелъ одинъ, не взявъ почти съ собою ничего. Онъ хотѣлъ возвратиться въ состоянїе Природы.

О Природа! вскричалъ онъ: повергаюсь въ твои объятїя; ты меня не обманешь. Отцы наши были тебѣ вѣрны, и, безъ сомнѣнїя, были щастливы; но какъ дѣти далеки отъ нихъ! Они настроили палатъ, и порокъ въ нихъ обитаетъ; вздумали *украшать* красоту, и развратъ облекся въ сїи блестящїя наружности. Все украшено и все испорчено въ сихъ бѣдоносныхъ городахъ, гдѣ люди заражаютъ другъ друга ядовитымъ своимъ дыханїемъ.

Альцибїадъ вошелъ въ дремучїй лѣсъ. Уединенность мѣста его прельстила; весна начиналась, птицы пѣли подъ юною зеленью: все дышало жизнїю. Онъ остановился подъ дубомъ и сѣлъ на одномъ изъ мшистыхъ корней его. День былъ прекрасной: душа Аѳинянина разтрогалась, сердце его разнѣжилось, мизантропїя смягчилась, и въ безмолвїи лѣсовъ ощутилъ онъ родъ гордаго удовольствїя. Аристидъ, осужденный къ изгнанїю, не имѣлъ, по его мнѣнїю, столько причинъ жаловаться на мущинъ, думающихъ только о себѣ, и на женщинъ, любящихъ однѣхъ себя.

Наступила ночь; роса смочила его одежду, холодъ оковалъ его чувства, и не знавъ, гдѣ поужинать, шепнулъ онъ самъ въ себѣ: мнѣ кажется, что я не совсѣмъ правъ.

По утру купилъ онъ у рыбака соломенный шалашъ, построенный у рѣчки. Таковы были чертоги предковъ нашихъ, сказалъ онъ самъ въ себѣ: лѣсъ этотъ снабдитъ меня своими плодами; я буду разставлять сѣти дикимъ его обитателямъ, и стану ловить рыбъ, плавающихъ въ этой свѣтлой водѣ. Никогда, Альцибіадъ, не былъ ты такъ щастливъ, никогда не былъ такъ богатъ, какъ отрекшись отъ богатства.

Въ этотъ день посѣтилъ его Сократъ, услышавъ о странномъ его намѣреніи. — Философъ, поговоривъ съ нимъ минуту, узналъ причину его моральной болѣзни, и ни мало не противорѣчилъ страннымъ его мыслямъ. Оскорбленная сущность и обманутое честолюбіе очень щекотливы. — Я не знаю, права ли его любовница, думалъ Сократъ, но Ареопагъ можетъ быть виноватъ, поступивъ такъ худо съ этимъ молодымъ вѣтреникомъ: мнѣ кажется, что со временемъ выдетъ изъ него что нибудь хорошее. — И такъ,

другъ мой, ты теперь совершенный Философъ? — Конечно, отвѣчалъ Альцибїадъ, потому что я ненавижу людей. — Но это называется мизантропїею; смотри, не ошибись. — Потому-то я и сталъ такъ мыслить, что здраво обо всемъ разсудилъ; общество есть нѣчто иное, какъ скопище неблагодарныхъ, которые не стоютъ того, чтобъ благоразумный человѣкъ имъ собою жертвовалъ. — Я думалъ совсѣмъ напротивъ. — Ты обманывался, Сократъ .... Философъ улыбнулся и сказалъ самъ въ себѣ: три дни сего новаго щастїя передѣлаютъ эту молодую голову; оставимъ дѣйствовать времени.

Онъ разстался съ пустынникомъ и разсказалъ въ Аѳинахъ о досадѣ своего ученика: онъ говорилъ объ этомъ у Аспазїи, гдѣ, какъ извѣстно, не рѣдко бывалъ — и Аспазїя, подобно ему, забавлялась симъ, но гораздо меньше Сократа: она видала Альцибїада на празднествахъ народныхъ; ей показалось обидно его равнодушїе, а отшельничество его лишало ее надежды имѣть его когда нибудь въ числѣ своихъ любовниковъ.

Прихоть женщины часто превращается въ страсть, когда встрѣтится ей препятствїе. Аспазїя это испытала;

но умѣла скрыть чувства свои отъ Сократа. — Возвратимся къ нашему мудрецу.

Въ первый день не было ему времени скучать: домашнія упражненія заняли всѣ его минуты, а при наступленіи ночи усталость усыпила его на древесныхъ листьяхъ. Тогда находилъ онъ себя точно такъ богатымъ, такъ Ѳеокритовъ рыбакъ. Въ слѣдующій день началъ онъ примѣчать свое одиночество, но не хотѣлъ еще въ томъ самъ съ собою согласиться. Подъ вечеръ сдѣлалось ему довольно грустно; онъ поѣлъ, какъ бы не хотя, жареной на угольяхъ рыбы, и часто ворочался на своей листвяной постелѣ, пока могъ заснуть.

Онъ проснулся на разсвѣтѣ и не шутя уже началъ помышлять о средствахъ учинить убѣжище свое пріятнѣйшимъ; продолжалъ думать о семъ почти до полудня, какъ вдругъ увидѣлъ плывущую внизъ по рѣкѣ небольшую лодку.

Юная пастушка управляла ею: Альцибіаду показалась она Нимфою. Онъ забылъ свою Философію и спѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ думалось ему, что лодкѣ надлежало остановиться.

Простите, сказала дѣвушка, выпорхнувъ, такъ сказать, на берегъ: простите

меня, что я нарушаю тишину вашег убѣжища: я неосторожно ввѣрила себя теченїю этой рѣки, которая занесла меня далѣе, нежели мнѣ хотѣлось. — Я благодаренъ ей за щастїе, ею мнѣ доставленное, отвѣчалъ Альцибїадъ. Безъ сомнѣнїя вижу я самую богиню этихъ водъ? — О! нѣтъ, сударь: я простая пастушка. — Какъ! эта пустыня заключаетъ въ себѣ все, что есть прелестнѣйшаго въ Грецїи? Я не зналъ, что нахожусь въ прекрасной Темпейской долинѣ.

Онъ просилъ пастушку войти въ его шалашъ, и стыдился, что не имѣлъ предложить ей лучшаго стула, какъ совершенно подобнаго тому, на которомъ Улиссъ сидѣлъ у Эвмея. Она сѣла однако же съ такою милою ловкостїю, что хозяинъ ея забылъ причину своего смущенїя. Не дочь ли она Природы? сказалъ онъ самъ въ себѣ: видъ этого священнаго лѣса долженъ ей болѣе приносить удовольствїя, нежели великолѣпнѣйшїе чертоги.

На что, сударь, спросила Дафнида — такъ называлась молодая пастушка — на что избрали вы себѣ въ жилище такое унылое мѣсто? Поля гораздо прїятнѣе. Альцибїадъ былъ очень далекъ отъ того, чтобъ сообщить странную свою фило-

софію пригожей женщинѣ, и признался, что поля пріятнѣе лѣсовъ. — Для чего вы здѣсь одни? спросила Дафнида. — Альцибіадъ согласился и въ томъ, что лучше имѣть сосѣдей.

Ахъ! естьли бы я жилъ возлѣ такой любезной женщины! подумалъ онъ: но за чѣмъ я удалился въ эту дикую, безмолвную пустыню? Жители селъ не похожи на городскихъ: эта простая пастушка не гораздо ли милѣе и прекраснѣе въ своей невинности Аѳинскихъ женщинъ со всѣми тончайшими вымыслами кокетства? Уста ея свѣжи какъ роза, чисты какъ молоко, которымъ она питается, и сладки какъ медъ; уста сіи безъ сомнѣнія никогда не произносили лжи; онѣ суть истинный органъ искренности. Это сердце, біющееся подъ легкимъ покрываломъ, есть сердце младенца; никогда подлый богачь не торговалъ его. Блаженъ тотъ, кому достанется это сердце! О женщины Аѳинскія! я отрекся отъ вашихъ обманчивыхъ заразъ; но не отрекался отъ щастія, доставляемаго дщерями Натуры. Здѣсь, въ этой бѣдной хижинѣ, съ этою милою пастушкою, нахожу себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Сіи размышленія озарили радостію лице Альцибіадово: онъ сдѣлался столь прелестнымъ, что Дафнида принуждена была потупить глаза, закраснѣвшись. Онъ это замѣтилъ и пришелъ въ восхищеніе. Зная, что не всегда должно быть почтительнымъ къ женщинамъ, на этотъ разъ почувствовалъ онъ однако же неизъяснимую сладость быть робкимъ; знакомые его вѣрно бы тогда его не узнали.

Онъ предложилъ прекрасной Дафнидѣ лѣсныхъ плодовъ на древесныхъ листьяхъ, перемѣшавъ ихъ съ цвѣтами, и послѣ самаго умѣреннаго обѣда пастушка начала сбираться въ путь. Естьли бы вы вздумали меня проводить, сказала она, то увидѣли бы мою хижину; она построена на концѣ этого лѣса, и когда бы случились въ нашей сторонѣ, то могли бы иногда покушать простыхъ снѣдей, которыя Природа для насъ приготовляетъ. Я предложила бы вамъ молока нашихъ стадъ — молока, этого нектара отцевъ нашихъ, этого благотворнаго питія, которымъ безъ сомнѣнія богини питаются.

Какъ должно оно быть пріятно, наливаемое твоею рукою! вскричалъ нѣжный Альцибіадъ. Такъ, конечно это былъ нектаръ предковъ нашихъ, и раждалъ

вѣрно въ нихъ чувства, столь же, какъ и самъ онъ, кроткія. Потомки ихъ изобрѣли другой напитокъ, или лучше сказать, совершенный ядъ, которой помрачаетъ разсудокъ и доводитъ насъ до величайшихъ крайностей. Земля часто содрогалась отъ злодѣйствъ, которымъ не было бы и имени, естьли бы люди поступали благоразумнѣе, употребляя виноградъ, каковъ онъ есть, будучи сорванъ съ лозъ. Нѣтъ, я никогда не стану пить ничего, кромѣ чистой воды источниковъ и вкуснаго молока стадъ.

Для чего же не сдѣлаешься ты пастухомъ? прервала Дафнида: это также первобытное состояніе людей. Какъ пріятно гнать медленно передъ собою кроткую овечку, съ невиннымъ ягненкомъ ея, на холмъ, съ котораго можно наслаждаться прекраснѣйшими видами! Пойдемъ со мною; я раздѣлю съ тобою мое стадо. Альцибіадъ былъ въ восхищеніи. Какое великодушіе! сказалъ онъ самъ въ себѣ: нѣтъ! эта благородная, безкорыстная, изящная душа не осквернялась никогда Аѳинскимъ воздухомъ. О Дафнида! вскричалъ онъ, бросясь къ ея ногамъ: я ничего не имѣю, кромѣ сердца моего; оно все твое. Пастушка съ милою улыбкою потупила глаза.

Альцибїадъ вышелъ съ нею изъ шалаша, простился съ своею пустынею, и сильною рукою, которой взоръ Дафниды придавалъ еще болѣе крѣпости, началъ дѣйствовать весломъ, спѣша приплыть къ убѣжищу, въ которомъ сгаралъ отъ нетерпѣнїя себя видѣть.

О! какъ я былъ несмысленъ, что вздумалъ погребсти себя въ этомъ лѣсу! вскричалъ онъ снова, увидя миловиднѣйшую изъ хижинъ. Это мое жилище, сказала Дафнида. . . Оно было построено на отлогомъ берегу рѣки; цвѣты пестрѣлись на зеленой травѣ, его окружающей. Свѣтлый ручей извивался по лугу, гдѣ паслось стадо, подобное тому, которое Аполлонъ стерегъ у Адмета. Солнце, склонявшееся къ вечеру, позлащало лучами своими сей богатый ландшафтъ, и рисовало продолженными тѣнями группы деревъ, увѣнчанныхъ всѣми дарами весны. Пастухъ, сидящїй подъ миртомъ, придавалъ еще болѣе жизни сей великолѣпной картинѣ, играя съ очаровательною прїятностїю на свирѣли. Альцибїадъ былъ въ восторгѣ, а любезная Дафнида наслаждалась его щастїемъ. Остановя лодку, вышли они на берегъ и медленно приближались къ пастушескому убѣжищу.

Дафнида имѣла одну только подругу; но и та была подчинена ей. Молодой Аѳинянинъ, не зная самъ полчинно, для чего, былъ доволенъ, что не нашелъ никого, чье бы присутствіе могло быть въ тягость чувствамъ, которыя онъ съ трудомъ могъ скрывать. Они вошли. Никогда столь простое жилище не представляло такой роскошной удобности. Въ немъ не было ничего богатаго, но все было полезно, покойно и пріятно. Стулья и столы, изъ самаго простаго дерева сдѣланные, свѣтились отъ великой чистоты. Сосуды, хотя изъ простой глины, имѣли однако же щеголеватый видъ; а плоды, перемѣшанные съ цвѣтами, придавали великую прелесть сплетенной изъ ракитника корзинѣ, въ которой они лежали. Весна придавала еще болѣе пріятности сему обиталищу, достойному чувствительнаго Философа, котораго нещастіе заставило возвратиться къ простотѣ Природы; бальзамическій воздухъ придавалъ самому даже блаженству новыя желанія, новыя средства къ наслажденіямъ.

Альцибіадъ думалъ, что дышетъ однимъ только ароматомъ розъ; но онъ дышалъ самою любовію. Въ одной отдаленной маленькой горенкѣ, еще прелестнѣйшей прочихъ, замѣтилъ онъ постелю,

не такую, на какихъ нѣга теряетъ послѣднїя свои силы, и не подобную однако же моху и листьямъ, на которыхъ почивали предки наши; но постелю составленную изъ пуху лебедей, плавающихъ по ближней рѣкѣ, и покрытую тканью изо льна, растущаго въ окрестности; постеля эта была поставлена возлѣ небольшаго окна, украшеннаго виноградною лозою. Альцибїадъ угадалъ, что тамъ-то всякую ночь Дафнида вкушала кроткїй сонъ невинности, и сердце его затрепетало. Дафнида вызвала его изъ хижины, и на открытомъ воздухѣ предложила ему здоровый и умѣренный ужинъ. Никогда сокъ плода, покровительствуемаго Бахусомъ, не упоевалъ Альцибїада столько, какъ молоко, наливаемое ему рукою Дафниды. Въ восхищенїи своемъ схватилъ онъ сїю милую руку, которую казалось, что боги сотворили только для срыванїя розъ, прижалъ ее къ своему пылающему сердцу, и вскричалъ: о Дафнида! я чувствую къ тебѣ все то, что едва ли бы сама Венера могла внушить какому богу. Я люблю тебя — и на всю жизнь; призываю само небо въ свидѣтели моей клятвы.... Въ такомъ случаѣ Аѳинская дама подумала бы, что надобно ей колебаться; но простодушная

Дафнида, подобно Альцибїаду, поклялась также любить вѣчно.

Между тѣмъ начало смеркаться, и стада возвращались домой. Дафнида повела гостя своего въ мѣсто, назначаемое ему для успокоенїя. Это была самая та комнатка, которую Альцибїадъ замѣтилъ. У насъ только двѣ постели, сказала Дафнида: вотъ моя; оставляю ее тебѣ, а сама лягу съ подругою моею. Альцибїадъ не могъ съ нею разстаться, чтобъ не поговорить ещё о любви своей.

Не извѣстно, какъ это сдѣлалось; но только въ слѣдующїй день онъ благодарилъ сына Венеры. О любезнѣйшїй изъ боговъ! говорилъ онъ: благословляю тебя. Невинность упоила меня всѣми благосклонностями красоты, и въ нѣдрахъ блаженства не боялся я вѣроломства кокетки.

Не уже ли, спросила чистосердечная Дафнида, городскїя женщины не такъ любятъ, какъ сельскїя? Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Альцибїадъ, и пастушка заклинала его не оставлять полей, гдѣ столько чувствительности и вѣрности. Онъ еще повторилъ свою клятву, и не столько отъ того, что зналъ обыкновеннѣе божиться женщинъ въ томъ, чего она желаетъ, какъ по тому, что и дѣйствительно твердо рѣшился исполнить свое обѣщанїе.

Милой мой! сказала Дафнида, прижимая его къ груди своей: мнѣ и въ самомъ дѣлѣ кажется, что тамъ должно больше любить, гдѣ видятъ небо во всемъ его великолѣпіи и землю въ ея убранствѣ. Посмотри на этихъ птицъ! продолжала она, заставляя его выглянуть въ маленькое окно: сидя подъ мохомъ этаго стараго дуба, покрытыя его тѣнью, не гораздо ли онѣ блаженнѣе, нежели когда бы сидѣли на мраморныхъ украшеніяхъ палатъ? Альцибіадъ согласился съ нею, и не могъ еще не согласиться и въ томъ, что самъ онъ никогда не бывалъ такъ щастливъ, какъ въ ту минуту. Наконецъ я достигъ до того состоянія, сказалъ онъ, въ которомъ Природа хотѣла, чтобъ человѣкъ находился для вкушенія верховнаго блаженства; я останусь въ немъ навсегда.

Любовники провели день въ разговорахъ о выгодахъ простой жизни и въ наслажденіи сими выгодами. Въ слѣдующее утро Дафнида пригласила Альцибіада кататься по рѣкѣ: они сѣли въ лодку и поплыли, не заботясь о мѣстѣ, гдѣ бы имъ остановиться, какъ вдругъ увидѣли маленькой сельской домикъ, хотя весьма простой, но съ отмѣннымъ вкусомъ построенный.

Вотъ прекрасной домъ! сказала Дафнида. Хижина твоя несравненно прекраснѣе, отвѣчалъ Альцибїадъ. — Однакожь мы будемъ здѣсь обѣдать. — Согласенъ; мы тѣмъ съ большимъ удовольствїемъ возвратимся въ наше уединенное жилище. Они вошли въ домъ, гдѣ Дафнида, безъ сомнѣнїя знакомая, была встрѣчена съ почтительною вѣжливостїю. Она оставила Альцибїада въ залѣ и просила не много подождать. Онъ подумалъ, что она пошла предупредить хозяйку о прибытїи гостя, и взглянувъ на уборы, увидѣлъ, что все его окружающее было хотя далеко отъ великолѣпїя, но что все къ оному стремилось. Между тѣмъ, какъ онъ занимался симъ разсматриванїемъ, молодой невольникъ пришелъ доложить ему, что Лидїя приказала его просить къ себѣ. Альцибїадъ безъ труда заключилъ, что это была хозяйка дому; но какъ онъ удивился, когда подъ богатѣйшею прежней одеждою, которая однакожь не уменьшала ни сколько непритворныхъ ея прелестей, увидѣлъ онъ — Дафниду! Онъ просилъ изъясненїя. Въ этомъ нѣтъ ничего чуднаго, отвѣчала она: я была воспитана въ деревнѣ, гдѣ провела часть жизни моей, какъ простая пастушка; отецъ мой, не будучи очень богатъ, оставилъ однако же мнѣ въ на-

слѣдство этотъ домъ, куда я прихожу иногда отдыхать отъ сельскихъ работъ, такъ какъ вы, жители Аѳинъ, уѣзжаете въ деревню, когда наскучатъ вамъ городскія забавы. Удовольствуясь симъ отвѣтомъ, Альцибіадъ сѣлъ возлѣ Лидіи на мягкихъ подушкахъ, ни мало не жалѣя о мшистыхъ дубовыхъ пняхъ. Въ ожиданіи обѣда, Лидія взяла простую, но весьма стройную лиру, и заиграла на ней такъ прелестно, что восхищенный Альцибіадъ примирился съ художествами, которыя началъ-было онъ презирать. Будь Дафнидою въ хижинѣ, или будь Лидіею въ чертогахъ, вскричалъ онъ: я всегда равно обожать тебя стану. О! конечно всегда, прервала она съ неизъяснимою пріятностію: ты обѣщалъ мнѣ это.

Они начали разговаривать. Лидія, будучи живѣе Дафниды, казалась также умнѣе ее и свѣдущѣе; не умаляя ни сколько милаго своего простодушія, показывала она притомъ болѣе благородства и важности. Это необходимое дѣйствіе перемѣны костума, подумалъ юный Аѳинянинъ, которой за столомъ не очень жалѣлъ о *простыхъ снѣдяхъ, приготовляемыхъ Природою*, насыщаясь кушаньями, гдѣ искусство довольно было примѣтно. Въ блестящемъ кристальномъ стаканѣ смѣшалъ

онъ чистую воду съ алымъ сокомъ винограда, и едва ли вспомнилъ о глиняномъ сосудѣ, изъ котораго съ такою прїятностїю пилъ молоко. Ввечеру подумалъ онъ, что какая нибудь Фея перенесла его въ свой замокъ, когда вошелъ въ комнату, назначенную ему для проведенїя ночи. Все было въ ней убрано со вкусомъ, но безъ лишняго богатства: цвѣточныя гирланды окружали тронъ любви. Альцибїадъ заснулъ среди утѣхъ, и признался проснувшись, что хорошо расположенный домъ всегда гораздо покойнѣе бѣдной хижины. Цѣлый день прошелъ въ наслажденїяхъ всегда возобновляющимся блаженствомъ.

По утру Лидїя повела его посмотрѣть окрестности. Занявшись разговорами, удалились они нечувствительно отъ дому, и не прежде примѣтили, что зашли далѣе, нежели были намѣрены, какъ около полудни. Пройдемъ еще не много впередъ! сказала Лидїя, и чрезъ минуту увидѣли они небольшїя палаты, построенныя съ великимъ вкусомъ, и къ которымъ вела алея, насажденная изъ платановъ. Они пошли по ней.* Множество невольниковъ встрѣтили ихъ, и съ почтенїемъ спрашивали у Лидїи, что она прикажетъ. Изумленный Альцибїадъ не зналъ, что думать, и онѣмѣлъ, когда Лидїя со всею ловкостїю боль-

шаго свѣта сказала ему: извольте, сударь, располагать этимъ домомъ, какъ собственнымъ вашимъ. Мысля, что видитъ все это во снѣ, далъ онъ вести себя черезъ множество комнатъ, отмѣнно богато убранныхъ, и остановился наконецъ тамъ, гдѣ Лидїя просила его остаться. Она вышла на нѣсколько минутъ и возвратилась въ великолѣпнѣйшемъ нарядѣ.

Я вижу въ глазахъ твоихъ удивленїе, сказала она: однакожь и въ этомъ нѣтъ ничего чуднаго; но на этотъ разъ дозволь, чтобъ я оставила тебѣ угадать. Станемъ наслаждаться, любезный Альцибїадъ, прїятностями просвѣщенїя; онѣ не совсѣмъ чужды Природы. За симъ краткимъ разговоромъ слѣдовалъ пышный обѣдъ, послѣ котораго вошли они въ библїотеку, хотя не многочисленную, но избранную. Тамъ нашли они нѣсколько философическихъ сочиненїй; но не читали ихъ, и воспѣли гимнъ любви.

Въ слѣдующїй день великолѣпная колесница въ немногїя минуты примчала ихъ къ несравненно богатѣйшимъ палатамъ.

Но кто ты такая? вскричалъ Альцибїадъ: ты, которая переходишь всѣ степени Фортуны, и которую боготворю я во всѣхъ состоянїяхъ? Я другъ твой,

отвѣчала Лидія усмѣхнувшись. — Ты богиня въ видѣ смертной. — Такъ, я по крайней мѣрѣ Минерва, хотя и не въ лицѣ строгаго Ментора, и думаю, что тѣмъ лучшій имѣю успѣхъ. Положимъ, что я Мудрость, и что я возвращаю тебя къ разсудку. Альцибіаду блеснулъ тогда лучь догадки. Знакома ли ты съ Сократомъ? спросилъ онъ. — Объ этомъ узнаешь послѣ, отвѣчали ему.

Какъ спѣшилъ онъ забыть сію прекрасную и трогательную Природу, въ объятія которой повергался, когда началъ вкушать всѣ роскоши, извѣстныя только Сибаритамъ! Серебряныя и золотыя курильницы, разставленныя всюду, испускали изящнѣйшія благоуханія Азіи. Альцибіадъ ступалъ по золоту и по богатой Тирской багряницѣ; стѣны представляли мастерскія произведенія живописи, а Паросскій рѣдчайшій мраморъ, превращенный магическимъ рѣзцомъ Фидіевъ и Праксителе́й въ сладострастныя групы, являлъ всюду утѣхи боговъ и смертныхъ.

Лидія обладала въ совершенствѣ искусствомъ наслажденія, и будучи слишкомъ умна и опытна, чтобъ упоить Альцибіада всѣми утѣхами вдругъ, умѣла столь хорошо распорядить оными, что

вскорѣ забылъ онъ не только свою пустыню, но даже хижину Дафниды.

Куда ты наконецъ меня перенесешь? говорилъ онъ своей волшебницѣ, по приказанїю которой подъѣхала къ крыльцу богатѣйшая прежней колесница, запряженная двумя гордыми конями: не въ жилище ли боговъ? Нѣтъ, отвѣчала она, я повезу тебя къ тому древнему дубу, подъ которымъ, казалось тебѣ, такъ покойно жить. — Смѣйся, милая философка, смѣйся; ты имѣешь на это право; безъ тебя я былъ бы еще тамъ. — И отъ этова не былъ бы ты ни щастливѣе, ни премудрѣе. — Правда, что я дурачился; но что ты мнѣ ни говори въ свою пользу, тебѣ не удастся однако же сдѣлать меня мудрымъ, примолвилъ онъ, похитивъ у нее поцѣлуй. — Я сдѣлаю тебя не только мудрымъ, но и щастливымъ, любезный Альцибїадъ! ты скоро въ этомъ признаешься.

Разговаривая такимъ образомъ, скоро увидѣли они гордыя башни великолѣпнаго города. — Это Аѳины! вскричалъ Альцибїадъ: и такъ должно мнѣ опять туда возвратиться? Безъ сомнѣнїя, отвѣчала Лидїя: развѣ не видишь ты,

что я мирю тебя съ родомъ человѣческимъ?

Проѣхавъ нѣсколько улицъ сего пышнаго города, колесница остановилась передъ домомъ, который отличался изящностїю Архитектуры и богатствомъ украшенїй.

И такъ вотъ твоя хижина, любезная Дафнида! кроткая и невинная пастушка Темпейской долины! сказалъ Альцибїадъ, улыбнувшись. Гдѣ же стадо, котораго половину ты мнѣ обѣщала? Спасная Сирена! какъ могъ я съ тобою быть Философомъ? Такъ точно, какъ бываетъ Сократъ, когда онъ меня посѣщаетъ, отвѣчала она: вотъ совѣтъ, которой даетъ тебѣ Аспазїя. . . Аспазїя! вскричалъ онъ: о прїятныя мечты первыхъ дней Природы! куда вы дѣвались? — Завтра, естьли ты хочешь, будемъ мы пастухами въ шалашѣ, которой тебѣ такъ понравился. — Нѣтъ! ты и тамъ не возвратишь мнѣ щастїя, которое находилъ я въ моемъ прїятномъ заблужденїи. Ты была такъ простодушна; я любилъ такъ нѣжно.... Ахъ, Аспазїя!... Но ты достойна обожанїя и въ этомъ костумѣ, въ костумѣ Венеры, примолвилъ онъ съ

поропливостїю. — Можетъ быть; но у Венеры нѣтъ невиннаго сердца пастушки. Я разрѣшаю тебя отъ клятвы, данной Дафнидѣ: для меня довольно и того, что я умѣла сдѣлать больше Сократа. Съ нимъ сталъ бы ты разсуждать, спорить, упрямиться; за мною ты послѣдовалъ. Возвращаю тебя отечеству и славѣ. Одинъ Архонтъ, мой прїятель, вступился за тебя въ Ареопагѣ; и теперь требованїе твое будетъ исполнено. Посѣщай меня иногда; мы станемъ вмѣстѣ шутить надъ шалостями нашими, надъ моею *невинностїю* и *простодушїемъ* и надъ твоею разсудительною Философїею; но будемъ этому смѣяться наединѣ. Молодому человѣку, которой имѣетъ столько правъ на славу, не должно вступать въ свѣтъ съ достойною посмѣянїя странностїю.

Альцибїадъ вздохнулъ, вспомнивъ о Дафнидѣ, но отъ сего не меньше былъ благодаренъ Аспазїи, и вскорѣ сдѣлался великимъ человѣкомъ.

(*Изъ Nouvelle Bibliotheque des Romans.*)

III.
РѢЧЬ

О томъ, что изученіе законовъ должно быть главнымъ предметомъ каждаго благовоспитаннаго гражданина (*).

(Читана однимъ изъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона.)

Постеннѣйшіе Посѣтители!

Представляя благосклонному вниманію Вашему незрѣлые плоды годичныхъ своихъ упражненій, мы не смѣемъ надѣять-

(*) Благородной Пансіонъ при Московскомъ Университетѣ существуетъ уже около 25 лѣтъ, къ чести Начальниковъ его, къ удовольствію Родителей и къ пользѣ Отечества. Многіе молодые люди, образовавшіеся въ семъ корпусѣ, занимаютъ нынѣ важныя Государственныя мѣста; многіе показали себя знатоками въ Литтературѣ. — Сія рѣчь и слѣдующіе за нею стихи читаны при награжденіи воспитанниковъ сего Училища за годичные ихъ успѣхи. Надѣемся, что читатели найдутъ, подобно намъ, въ сихъ двухъ піесахъ истинный талантъ. Благодаря кроткому и мудрому правленію АЛЕКСАНДРА, скоро рѣдкіе таланты не будутъ рѣдкостію въ Россіи. — *Примѣч. Издател. Вѣстника.*

ся заслужить Ваше лестное къ намъ благоволенїе. — Все, что внушаетъ въ насъ смѣлость, явиться предъ лицемъ Вашимъ — все это заключается въ одномъ чувствѣ, которое оживляетъ наши сердца, которое составляетъ сладость сердецъ Вашихъ: — въ чувствѣ сыновней нашей благодарности къ Отечеству! — Можемъ ли мы умолчать въ то время, когда общественное просвѣщенїе получаетъ новыя силы и средства къ своему разпространенїю — и когда повсемственное воспитанїе сдѣлалось главнымъ предметомъ попечительнаго Правительства? — можемъ ли мы умолчать въ то время, когда намъ самимъ предоставлены лучшїе способы къ достиженїю предположенной нами цѣли? — Конечно, мы еще слабы; успѣхи наши незрѣлы: но сердца наши, воспламененные чистою любовїю ко всему доброму, сердца наши увѣряютъ насъ въ томъ, что мы будемъ со временемъ достойны таковыхъ попеченїй. Благодѣтельнсе солнце изливаетъ свѣтъ свой не втуне: радость и щастїе творенїя служатъ ему благодарностїю. — Добрые, вѣрные, просвѣщенные граждане да будутъ торжествомъ и наградою Отечества! — И чѣмъ же другимъ можемъ воздать ему, кромѣ точнаго соотвѣт-

ствованія благимъ его намѣреніямъ? — Чѣмъ другимъ можемъ удовлетворить собственному своему сердцу, какъ не ревностнымъ стараніемъ умножать и укрѣплять свои силы во славу и пользу его? — Повинуясь симъ столь сладостнымъ чувствованіямъ, намѣренъ я, съ позволенія Вашего, ПП. ПП. поговорить здѣсь о томъ, *что изученіе законовъ должно быть главнымъ предметомъ каждаго благовоспитаннаго гражданина.*

Разсматривая Вселенную, сіе чудесное вмѣстилище существъ безконечно многихъ и безконечно разнообразныхъ, — мы замѣчаемъ повсюду порядокъ и гармонію. Всѣ части ея имѣютъ свои обязанности, свою цѣль, свое предопредѣленіе; всѣ служатъ другъ другу, и всѣ, въ неизчетныхъ путяхъ своихъ, стремятся къ одному благому концу. — Разсматривая, говорю, сіи сонмы міровъ, человѣкъ, въ сладостномъ восторгѣ своемъ, не можетъ не признаться и не воскликнуть: *Есть Богъ! — есть Правота предвѣчная, сіяющая въ Своемъ твореніи!* ... Такъ, ПП. ПП. *Правота* есть главная пружина во всеобщей гармоніи. Виды ея безчисленны, дѣйствія ея безконечны; но она вездѣ одна и та же. — Міріады солнцевъ держатся взаимнымъ другъ на друга вліяніемъ. Послѣдняя,

почти невидимая пылинка, и величайшая громада, какую только мы можемъ видѣть на лицѣ земли, зависятъ другъ отъ друга. — Бури знаютъ свое кремя; моря не преступаютъ предѣла своего; огонь и вода не забываютъ областей своихъ; — все повинуется законамъ *Правоты.* Она есть душа нравственнаго міра. — Любимое твореніе Природы подъяло главу свою изъ праха, и *Правота* поставила его на степень человѣка сими словами: *чего не хочешь себѣ, того не желай другому.* — Это былъ первый отзывъ гармоніи, которая произвела послѣ грады и царства! Это утвердило жребій творенія сильнаго, и вмѣстѣ слабаго, которое въ самомъ себѣ не имѣетъ довольныхъ средствъ для сохраненія бытія своего; — это тотъ несокрушаемый пiедесталъ, на которомъ всѣ народы водружаютъ знамя мира и знамя брани; — это небесная *Правота* — главный и единственный законъ Вселенной! —

Вдохновенная Поэзія воспѣваетъ намъ очаровательныя прелести золотаго вѣка. — Тогда кроткій агнецъ почивалъ спокойно посреди тигровъ, и голубь не боялся ястреба; тогда простая, не искаженная душа смертнаго умѣла понимать вѣчно-отверстую книгу Природы. Каждое обще-

ство цвѣтовъ было эмблемою для общества людей, и Вселенная была — одно семейство. — Мирное братство и тихое щастїе обитало подъ яснымъ небомъ, не омрачаемымъ тучами. Правота царствовала на земли во образѣ божественной Астреи. — — Щастливое время! для чего существуешь ты въ одномъ только воображенїи Стихотворцевъ! . . . .

Народы умножились; нужды распространились; отношенїя между людьми сдѣлались тончайшею сѣтью, которая приводила ихъ въ замѣшательство. Человѣкъ, обитатель рая, вдругъ очутился посреди темнаго, излучистаго лабиринта, изъ котораго не силенъ былъ вызвать его простый гласъ Природы. Лестные призраки страстей заслонили отъ него чистый свѣтильникъ разума. Онъ не могъ прочитать самого себя. . . . Астрея вознеслась на небо. Родилась Собственность, и потребовала огражденїя. Любовь къ ближнему получила строгое имя должности. Правила Природы, стершїяся на скрижаляхъ сердца, изобразились на вѣчной несокрушаемой мѣди, и *Правота* явилась во образѣ мужественнаго, священнаго *Правосудїя*.

Вотъ начало и происхожденїе законовъ, ПП. ПП. Не ясно ли мы видимъ теперь

и предметъ ихъ, и необходимую нужду познавать ихъ? — Что такое законы? — Гласъ Природы усовершенствованной, утонченной нашими нуждами, нашими обстоятельствами; это непремѣнныя, вѣчныя правила, сохранять гармонїю со всѣми существами, насъ окружающими; это наука, наслаждаться справедливо и свято бытїемъ своимъ. Нравы народовъ, климатъ, степень просвѣщенїя, производятъ разные законы; но духъ ихъ вездѣ одинъ и тотъ же. Они соединяютъ насъ съ Богомъ, невидимымъ Покровителемъ, Которымъ мы живемъ, безъ Котораго человѣкъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ подобенъ лодикой тростн, обуреваемой дыханїемъ вѣтра. Они разкрываютъ для насъ высокую идею Отечества, которое въ нихъ почиваетъ. — Они сопровождаютъ насъ на моряхъ и на сушѣ, въ обществѣ и уединенїи, въ бурѣ и въ тишинѣ, въ щастїи и нещастїи. — Отъ Царя до пастуха, отъ великолѣпныхъ чертоговъ до соломенной хижины — все подвластно ихъ могущественному влїянїю. — Они сохраняютъ во Вселенной жизнь и движенїе.

Солнце не можетъ спросить себя, для чего освѣщаетъ оно мїръ сей. — Звѣрь исполняетъ врожденныя свои обязанности и не имѣетъ нужды судить

объ нихъ. — Глыба земли переносится съ одного мѣста на другое, и не чувствуетъ этого. — Человѣкъ, мыслящее существо, можетъ ли не знать тѣхъ силъ, которыя имъ управляютъ? — Онъ созданъ свободнымъ. Онъ различаетъ добро отъ зла. —Можетъ ли онъ охотно повиноваться законамъ, когда ихъ не понимаетъ? Можетъ ли быть справедливымъ, когда не чувствуетъ нужды въ справедливости? — Можетъ ли быть спокойнымъ, безопаснымъ, провождая жизнь свою въ чуждомъ, такъ сказать, незнакомомъ ему мірѣ? — — Никакая наука, никакое искусство не можетъ замѣнить для насъ познанія людей, съ которыми жить должно, и отъ которыхъ зависитъ наше щастіе и нещастіе. — Всѣ наши наблюденія, всѣ опыты, всѣ изобрѣтенія суть одно пріуготовленіе къ сей великой наукѣ. — Мнѣ говоритъ мое сердце: *познай Бога, тебя сотворшаго, тебя сохраняющаго.* Мудрецъ повторяетъ мнѣ: *познай самаго себя!* — Исторія оживляетъ предо мною времена протекшія. — Геній Природы вводитъ меня въ таинственныя ея сокровищницы. — Какая цѣль всѣхъ сихъ познаній? — Правила нашей жизни въ отношеніи къ Богу, ближнимъ, къ самому себѣ, — однимъ словомъ: *Законы!* И что такое Мудрость Мудраго, естьли не

обратится она къ общей пользѣ? — Суетное гаданіе, бремя тщетное! Въ безумной нашей гордости, будемъ мы изучать гармоніи солнцевъ, и не узнаемъ гармоніи того общества, въ которомъ живемъ! Мы видимъ отношеніе между громомъ небеснымъ и малѣйшею песчинкою, сокрытою на днѣ моря, и не видимъ, что привязываетъ насъ къ нашимъ ближнимъ! Истинный Философъ знаетъ, что братья его на землѣ, а не на планетѣ Сатурновой. — Въ тихомъ уединеніи, вдохновенный Геніемъ Отечества, онъ наблюдаетъ сію чудесную машину нравственнаго міра, гдѣ всякой изъ насъ поступаетъ по правиламъ, поступая по своей волѣ; гдѣ всякой изъ насъ стремится своимъ путемъ, и всѣ несутся къ одной цѣли; гдѣ всѣ мы безпрестанно, такъ сказать, сражаемся подобно пылинкамъ *Санхоніатона*, которыя произвели Вселенную. Онъ соединяетъ прошедшее съ настоящимъ, и будущее раждается предъ нимъ само собою; онъ открываетъ намъ насъ самихъ; въ самой глубинѣ сердецъ нашихъ находитъ для насъ новые законы, и изображаетъ новыя средства къ общему и частному благоденствію. — Такой мудрецъ одинъ только достоинъ сего священнаго имени: память его благословится

въ позднѣйшихъ потомкахъ; слава его превознесется выше гордыхъ титловъ, которыми хвалятся сильные земли. Что значитъ пламенная храбрость Героя безъ Правоты священной? — Это есть бурный вихрь, самъ съ собою сражающійся; это гибельный Ангелъ разрушенія. Истинный Герой знаетъ минуту, когда поднять мечь, и когда опустить его. — Истребить непріятелей не значитъ побѣдить ихъ. Правота побѣждаетъ и злобу и ожесточеніе; Правота творитъ друзей въ самыхъ врагахъ нашихъ; Правота вѣнчаетъ подвиги Героя. — Онъ вѣрной союзникъ; онъ лучшій начальникъ; онъ знаетъ всѣ нужды, всѣ обязанности своихъ подчиненныхъ; — каждой ему преданъ, каждой готовъ пролить за него кровь свою. — И что можетъ устрашить сихъ новыхъ Леонидовъ, которыхъ одушевляетъ сія сладостная мысль: *заслуги мои не забыты; я имѣю все нужное; я умру, но правосудіе наградитъ меня въ моихъ дѣтяхъ?* — Правосудіе есть отецъ побѣды! — Оно составляетъ существенное достоинство служителя Ѳемиды. Опытной умъ его умѣетъ сорвать личину съ преступленія, умѣетъ почтить Невинность въ самомъ рубищѣ. — Сердце его покоится въ законахъ. — Министръ,

раздѣляющій съ Главою политическаго тѣла тяжкое бремя правленія, долженъ обозрѣть всѣ внѣшнія и внутреннія отношенія народовъ. Предъ нимъ открыты всѣ времена, всѣ царства съ ихъ законами, нравами, добродѣтелями и пороками. — Онъ бесѣдуетъ съ Геніемъ своимъ, и вдругъ, какъ бы нѣкою волшебною силою, приводитъ цѣлой міръ въ движеніе.

Но на что исчислять всѣ должности, которые Отечество можетъ возложить на насъ? — Не всѣ ли онѣ заключаются въ единой должности гражданина? — Будь истинный, вѣрный гражданинъ; не ты, а Отечество имѣетъ право назначить тебѣ служеніе. — Кормщикъ, управляющій кораблемъ, можетъ ли предвидѣть, куда занесутъ его вѣтры? онъ долженъ напередъ знать благодѣтельныя звѣзды, руководствующія по бурной стихіи; долженъ напередъ знать, гдѣ скрываются подводные камни и мѣли. Такъ точно благородный воспитанникъ долженъ приготовить себя для всякаго состоянія, для всякаго случая — Есть ли хотя одно звено въ цѣпи творенія, которое бы не служило другому? — Не одинъ Полководецъ, не одинъ Министръ, не одинъ Судья, дѣятельные сыны отечества; бѣдный земледѣлецъ есть ревностнѣйшій служитель олтаря его. Всякой

гражданинъ служитъ Отечеству, когда умѣетъ быть полезнымъ своимъ ближнимъ. — Тихій, небольшій кругъ друзей составляетъ его міръ; — воспитаніе дѣтей, хозяйство — его занятія; благотворительность — его наслажденія. Онъ пользуется всеобщею довѣренностію, потому что всѣ знаютъ его правила, его твердость, его свѣденія; всѣ его любятъ и уважаютъ, потому что справедливость всегда и вездѣ равно привлекательна. Онъ ничего не боится; потому что знаетъ силу Законовъ, его охраняющихъ. Судьба обременитъ его нещастіями: онъ не впадетъ въ отчаяніе; его утѣшаетъ сладостное чувствованіе невинности. — Онъ щастливъ, — и ни одно право щастливцовъ для него не извѣстно, кромѣ права благотворенія. — Не тщеславіе управляетъ его сердцемъ; не пустая суетность заставляетъ его разсыпать злато. Онъ знаетъ, кому, какое и когда оказать благодѣяніе. — Нещастный лобызаетъ благотворную руку его, не краснѣя отъ униженія: дары его чисты, какъ его добродѣтель. — Онъ живетъ въ уединеніи, въ неизвѣстности; но не одно семейство, не одни нещастные — самое Отечество чувствуетъ кроткое его вліяніе; онъ просвѣтитель, благодѣтель юношества,

наставникъ, Патріотъ. — Справедливость, ПП. ПП. вездѣ дѣйствуетъ и не можетъ не дѣйствовать. Безъ нее мужественное постоянство превращается въ жестокость; безъ нее честолюбіе — всесожигающее пламя; безъ нее милосердіе часто бываетъ пищею порока; человѣколюбіе — слабостію; самое благочестіе — злодѣяніемъ. Справедливость есть мачтабъ всѣхъ Добродѣтелей. — Но что я говорю? она всѣ Добродѣтели заключаетъ въ себѣ одной. — Она есть единственная Добродѣтель. — Спросите *Говарда*, подобно небесному Ангелу, проходящаго земли; спросите *Демидовыхъ*, обращающихъ на общую пользу потовые труды своей жизни; спросите, что побуждало ихъ къ толикимъ благотвореніямъ? — *Справедливость*! скажутъ они: *мы сдѣлали должное*! — Такъ, Благодѣтели человѣчества, вы сдѣлали должное! — ибо быть добродѣтельнымъ значитъ ничто иное, какъ быть справедливымъ.

Представьте, ПП. ПП. представьте щастливое общество, гдѣ царствуютъ Законы, открытые для всѣхъ и каждаго. — Какая величественная картина! — Щастливый почерпаетъ въ Законахъ уроки добродѣтели; нещастной — утѣшеніе; добродѣтель — новыя силы и твердость;

гражданинъ — любовь къ Отечеству. Подъ благотворнымъ влїянїемъ Законовъ родятся Леониды, Демосѳены, Эпаминонды и Сократы; — тамъ Государь вѣритъ своему народу, и народъ вѣритъ своему Государю, какъ отцу; процвѣтаетъ Торговля, Науки и Искусства. Государство дѣйствуетъ, и моря не вмѣщаютъ его флотовъ — Вселенная превращается въ храмину его промышленности. — Различные народы соединяются. — Подобно грознымъ Исполинамъ, чрезъ моря пространныя подаютъ они другъ другу руки въ знакъ дружбы. — Они говорятъ: *будемъ справедливы и щастливы!* — Предвѣчная Истина взираетъ на нихъ изъ таинственнаго Своего чертога, покрываетъ ихъ животворною Своею дланїю — и Вселенная существуетъ! . . .

Дивно ли теперь, ПП. ПП., что Древность, въ священномъ благоговѣнїи, почитала Законы излїянїемъ Божества, назидающаго благоденствїе смертныхъ? Дивно ли, что изученїе ихъ всегда почиталось первою, главною обязанностїю гражданина? Что значитъ сїя волшебная лира Орфеева, оживляющая дерева и камни? — Что значитъ пѣснопѣнїе Амфїона, возвышающее Ѳивскїя стѣны? — Это всесильный, божественный языкъ Правоты,

внушающій человѣку взаимныя его обязанности! — Персы, Римляне славились Правотою своею болѣе, нежели оружіемъ. — Законамъ посвящено было гремящее краснорѣчіе Демосѳена и Цицерона. — Спросите самого непросвѣщеннаго обитателя Кафріи, кого почитаетъ онъ истинно мудрымъ, своимъ защитникомъ, своимъ благодѣтелемъ. — *Того*, говоритъ онъ, *кто примиряетъ наши ссоры.* Что привязываетъ дикаго Американца и хладнаго Камчадала къ безплоднымъ пустынямъ, въ которыхъ онъ родился? — Это безъ сомнѣнія тѣ немногія права, которыя приняли его отъ колыбели, которыя возрастали вмѣстѣ съ нимъ, и которыя оставляютъ его только при гробѣ. Просвѣщенная, богатая Европа не можетъ ослѣпить его всѣми своими выгодами: его не согрѣваетъ наше солнце; его не плѣняетъ наше небо; и солнце и небо оставилъ онъ въ своемъ Отечествѣ. Онъ умираетъ, подобно цвѣтку, пересаженному на чужую землю, которая не даетъ ему нужной пищи. —

Но для чего приводить здѣсь столь отдаленные примѣры? — Дражайшее наше Отечество! ты издавна славилось Правотою своею. За десять вѣковъ, ты было уже Судіею и примирителемъ народовъ. —

Гордые Владыки Византійскіе склонялись предъ престолами *Олеговъ* и *Владимировъ*; ихъ дружба и вѣрность были послѣднею отрадою умирающей Имперіи Греческой. — Великодушный *Ярославъ*, справедливый къ самому злѣйшему извергу человѣчества, первый начерталъ законы своего времени. — *Александръ* кротостію и безпристрастіемъ усмиряетъ звѣрское неистовство потомковъ Чингисхановыхъ. — Что сказать о *Пожарскомъ*, который, усмиривъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей, на высочайшей степени славы и величія умѣлъ быть справедливымъ, и отказался отъ Трона? Тамъ мужественный *Алексѣй* одною рукой устрояетъ войска, а другою держитъ скрижаль Законовъ. — Великій Геній ПЕТРА даетъ всему жизнь и движеніе. — ЕКАТЕРИНА совершила дивныя намѣренія Своихъ Предшественниковъ. Европа съ благоговѣніемъ читаетъ божественный Наказъ Ея, и не можетъ рѣшить, какое имя Ей приличнѣе: Героини, или Законодательницы. Но Судьба хотѣла еще болѣе возвеличить ЕЯ славу, и добродѣтельный, великодушный ВНУКЪ идетъ по стопамъ Ея. Всесильною рукою подъемлетъ Онъ вѣсы надъ возмущенною Европою. — Воскриленные громы молчатъ, и *Кротость* повелѣваетъ. . .

Любезные товарищи! въ сїю самую минуту слышу я, кажется, священный голосъ славныхъ нашихъ Предковъ. — „Мы завидуемъ вашему щастїю, вѣщаютъ они отъ высоты небесной. — Вамъ доставлены всѣ способы къ благоденствїю. — Попеченїя Отечества принимаютъ васъ отъ колыбели. Вы достигаете ближайшею дорогою того, къ чему вели насъ трудный опытъ и медленное наблюденїе. Вы читаете будущее свое щастїе въ отверстыхъ предъ вами Законахъ. — Какъ не любить вамъ Отечества? Первые уроки ваши — любовь его! — Какъ не любить вамъ Добродѣтели? — Въ образѣ священныхъ Законовъ, она сама ведетъ васъ въ путь, предназначенный вамъ Судьбою. — Вы щастливы! — Милосердїе Государя озаряетъ васъ съ блистательнаго Своего Трона. Мудрые Меценаты, достойные Его довѣренности, показываютъ вамъ предметъ вашъ. Ревностные Начальники неусыпно пекутся о вашей пользѣ. — Укрѣпляйтесь въ духѣ и сердцѣ. Умѣйте заслужить сїи благодѣянїя. — Будьте добрыми, вѣрными гражданами, и сохраните честь нашего имени. Да возсїяетъ оно лучами вашихъ добродѣтелей, болѣе, нежели своею древностїю!

Клянемся, клянемся Вами, великія тѣни, немерцающая красота Отечества! клянемся вѣчно шествовать по стопамъ Вашимъ. Вы живы въ пламенныхъ сердцахъ потомковъ своихъ. — Невечерняя слава Ваша освѣщаетъ путь нашъ! Мы будемъ, подобно Вамъ, полезными, вѣрными гражданами. Мы совершимъ надежду нашихъ родителей, нашего Отечества. — Чего не въ силахъ мы сдѣлать? — Духъ *Правоты* и Добродѣтели — Духъ АЛЕКСАНДРА исполняетъ сердца наши!

IV.

Время.

Паритъ Сатурнъ немилосердый
Полетомъ быстрымъ, роковымъ;
Падутъ столѣтни дубы, тверды,
Какъ трость, какъ быліе предъ нимъ;
Десницей сильною коснется:
Дрожатъ сердца кремнистыхъ горъ; —
Все цѣпенѣетъ, все трясется,
Куда ни броситъ страшный взоръ.

*

Гдѣ прежде грады возвышали
Огромны башни къ небесамъ,
Законы міру подавали, —
Теперь звѣрей жилище тамъ;
Гдѣ свирѣпѣли бурны воды,
Тамъ нынѣ дикій лѣсъ реветъ;
Проходятъ царства и народы,
Величье, блескъ, какъ тѣнь, минетъ.

*

Вездѣ зіяетъ разрушенье,
Весь міръ есть пища смерти злой;
Одинъ лишь смертный, въ заблужденьѣ,
Не видитъ бездны предъ собой.
Забота, страсть его снѣдаетъ;
Стремленьямъ сердца нѣтъ преградъ;
Онъ въ гордыхъ мысляхъ воспаряетъ,
Какъ будто ввѣкъ не умирать.

*

О вы, ужасными стезями,
Грядущіе за славой въ слѣдъ!
Постойте, разсудите сами,
Что значитъ звучный громъ побѣдъ.
Взгляните на сіи премѣны,
Взгляните на развалинъ рядъ: —
Кровавы лавры ваши тлѣнны;
Ихъ поздны вѣки помрачатъ.

*

Великолѣпны чада свѣта
Богатство, Чести, Суеты,
Желаній ненасытныхъ мета!
Надежныль ваши красоты? —
Сатурнъ свирѣпый кинетъ взоры:
Забавы, радости прошли!
Вчера Щастливецъ двигалъ горы,
Сегодни тлѣетъ внутрь земли.

*

Не лучшель умереть навѣки, —
Чѣмъ имя страшное носить? —
Пускай не будутъ человѣки
Объ насъ по смерти говорить; —
Пускай могилы той не знаютъ,
Въ которой скрытъ нашъ хладный прахъ:
Но внуки насъ не называютъ:
Онъ былъ народовъ бичь и страхъ!

*

Все въ мірѣ тлѣнно и не вѣчно,
И все со временемъ пройдетъ,
Какъ сонъ пріятной, скоротечной;
Блаженства твердаго здѣсь нѣтъ. —
Падутъ Египетски громады,
Суетъ безумныхъ гордый знакъ;
Погаснутъ солнцевъ миріады,
И все покроетъ вѣчной мракъ! —

*

Одна святая Добродѣтель
Отъ смерти къ Небесамъ паритъ;
Лишь съ Ней вселенныя Содѣтель
Свое безсмертье раздѣлитъ.
Сатурнъ — она не устрашится
Губительной косы твоей;
Пускай міръ въ хаосъ превратится:
И миръ и слава вѣчно съ Ней.

*

Безсмертно имя ввѣкъ Героя,
Которой лавръ побѣды рветъ
Своихъ согражданъ для покоя;
Герой сей вѣчно не умретъ; —
Его не суетная слава
Понудила токъ крови лить,
Но истины святыя права
Чтобы отъ злобы защитить.

*

Безсмертенъ тотъ, кто миліоны
Людей щастливыми творитъ;
Благіе издаетъ законы,
Науки милуетъ, хранитъ;
Добротой образуетъ нравы
И всѣхъ покоитъ правотой. . . .
О *Солнце* истинныя славы,
МОНАРХЪ! безсмертны мы съ Тобой. . . .

Н. Граматинъ.

V.

Письмо одного Нѣмца къ пріятелю, содержащее критику на драматическія сочиненія Г. Коцебу.

Довольно долгое время надѣялись мы видѣть въ Германіи возрожденіе златаго вѣка для драматическаго искусства. Одного только не смѣли мы рѣшить, то есть, которой изъ славнѣйшихъ нашихъ театровъ будетъ первенствовать; и сомнѣнія наши имѣли въ предметѣ только сей вопросъ: которой изъ четырехъ городовъ: Вѣна, Гамбургъ, Мангеймъ, или Берлинъ будетъ нашими Аѳинами? Но сія прекрасная перспектива изчезла. Авторы наши, занимаясь единственно настоящимъ, перестали заботиться о мнѣніи потомства. Они желаютъ нравиться публикѣ, которая хвалитъ и платитъ. Гласъ народа сталъ нынѣ не только гласомъ Божіимъ, но и гласомъ вкуса. Народъ хочетъ смѣяться или плакать; а мы, въ досаду Граціямъ и Музамъ, хотимъ производить надъ нимъ одно изъ сихъ дѣйствій. Шредеръ, желая противоположить оплотъ страшнымъ и быстрымъ успѣхамъ испорченнаго вкуса, покусился, за нѣсколько времени предъ симъ,

вывесть на нашу сцену Альзиру. Сія піеса сначала понравилась, но вскорѣ публика вознегодовала на иго, налагаемое ей Шредеромъ. Возопіяли на такое тиранство; Альзира упала, и съ тѣхъ поръ сдѣлано постановленіе, чтобъ никто не осмѣливался находить удовольствіе въ представленіи Французскихъ піесъ: патріотизмъ безъ сомнѣнія весьма похвальный! Не походитъ ли это на исторію мужика, которой, слушая въ страстную пятницу трогательную проповѣдь, одинъ только изъ предстоящихъ не плакалъ, и въ нечувствительности своей извинялся тѣмъ, что онъ былъ не того прихода.

Знай, мой другъ, что та же самая публика, которая не требуетъ Ифигеніи и не хочетъ видѣть Альзиры, помѣщаетъ Г. Коцебу подлѣ Расина, Вольтера и Лессинга. У насъ только и разговоровъ, что о семъ плодовитомъ Писателѣ. . . Такъ, конечно онъ очень плодовитъ, когда въ полтора года наградилъ насъ шестью или семью піесами!! *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, *Сынъ любви*, *Братъ Морицъ*, *Индѣйцы въ Англіи*, *Дѣва солнца*, *Благородная ложь*, *Клубъ Якобиновъ*, *Попугай*: таковы суть заглавія его Драмъ и таковы права сего Автора на одобреніе публики; сего Автора, которой овладѣлъ

изключительною привилегїею заставлять насъ плакать и смѣяться. Я не стану тебѣ говорить о каждой изъ сихъ пїесъ особо. Въ этой длинной галлереѣ всѣ картины между собою сходны; но это не слишкомъ удивительно. Извѣстно, что и лучшїй Писатель имѣетъ свои любимыя идеи, которыя безпрестанно почти вертятся у него въ умѣ; когда же удастся ему хотя однажды употребить ихъ съ успѣхомъ, то трудно уже бываетъ ему отстать отъ нихъ. Такимъ образомъ найдешь ты въ пїесахъ Г. Коцебу Философа, которой попираетъ ногами всѣ принятыя въ обществѣ постановленїя, а иногда и самыя правила нравственности, возстаетъ противъ неравенства состоянїй, и въ доказательство привязанности своей къ принятому имъ образу мыслей, кончитъ всегда тѣмъ, что женится на какой нибудь развратной женщинѣ. Вездѣ найдешь у него неьѣрную жену, или молодую дѣвушку, сдѣлавшуюся прежде времени матерью, которыя сбѣ оплакиваютъ свои проступки и наказываются за нихъ бѣдностїю; но которыя однакожь скоро опять находятъ щастїе: одна, помирясь съ мужемъ; другая, вышедъ за мужъ за Философа; вездѣ найдешь одну или двѣ простенькихъ дѣвочекъ, либо

столько же вертопрашныхъ женщинъ, которыя усердно помогаютъ въ нещастной любви, здѣсь кающейся преступницѣ — тамъ, оставленной любовницѣ; вездѣ увидишь дурака или дуру, надутыхъ своимъ благородствомъ; изъ чего выходитъ *удивительный* контрастъ съ Философомъ; наконецъ вездѣ найдешь полдюжины шутовъ, отряженныхъ Автоpомъ для утѣшенія отъ времени до времени бѣднаго зрителя, или, какъ нынѣ должно говорить, для облегченія души его, стѣсненной нѣсколькими будто бы трогательными сценами.

Такая же единообразность видна и въ перемѣнахъ, случающихся въ состояніи дѣйствующихъ лицъ. Вездѣ увидишь невинную дѣвушку, бросающуюся съ отмѣнною ловкостію на шею къ первому мущинѣ, которой за особливое щастіе почитаетъ жениться на сей невинной дщери Натуры, чтобъ имѣть удовольствіе образовать ее; вездѣ жена, кругомъ, какъ говорится, виноватая, выспреннею своею добродѣтелью возбуждаетъ участіе и любовь въ *честномъ человѣкѣ*. Вездѣ видно торжество *чуждой предразсудковъ* Философіи надъ робкими возраженіями *разборчивости и пристойности*. Среди всей этой чепухи разбросаны, яко украшенія, сцены великодушія, нечаянныхъ свиданій, об-

мороковъ, и многія другія театральныя разительности, *нигдѣ* будто бы *невиданныя*. Коцебу не удаляется никогда отъ своихъ обыкновенныхъ правилъ, такъ что даже многіе самые ощутительные недостатки у него часто повторяются. Въ піесахъ его нѣтъ ничего *необходимаго*. Интрига и развязка, все есть дѣло слѣпаго случая. Дѣйствующія лица приходятъ, уходятъ, видятся, не видятся, любятся, разлюбливаются: все это дѣлается по верховной волѣ Автора, которой, заступивъ мѣсто рока, думаетъ, что властенъ распоряжать произшествіями, и что никто не имѣетъ права требовать отъ него отчета. Прибавь къ этому вкусъ самый ложный, ни малѣйшаго чувства *изящнаго въ морали*, никакого слѣда того щастливаго искусства, которое обнаруживается въ выборѣ характеровъ, въ разпредѣленіи ихъ между собою, въ расположеніи сценъ, въ языкѣ страстей, наконецъ въ пристойномъ разпоряженіи побочныхъ украшеній. Можетъ быть, назовешь ты критику мою слишкомъ строгою; но я не требую, чтобъ ты повѣрилъ однимъ только моимъ словамъ; представлю тебѣ доказательства самыя убѣдительныя: ихъ такъ много однако же, что выборъ несказанно меня затруднятъ. Ты конечно

знаешь *несравненную*, *удивительную* пїесу: *Ненависть къ людямъ и раскаянїе*, или по крайней мѣрѣ слыхалъ объ ней. Что скажешь ты о томъ щастливомъ случаѣ, которой привелъ Гжу. Миллеръ въ самое то мѣсто, куда мужу ея разсудилось удалиться, оставя весь родъ человѣческїй? Вся деревня хотѣла видѣть и видѣла сего чудака, прогуливающагося по звѣринцу замка. Одна только Гжа. Миллеръ не имѣла сего любопытства. Все это однако же объяснится, когда подумаешь, что ей надлежало дать время надѣлать, подъ симъ чужимъ именемъ, нѣсколько добрыхъ дѣлъ, способныхъ интересовать въ ея пользу того, которому надлежало ее ненавидѣть, когда она была его женою, и изгладить изъ памяти его проступки ея передъ нимъ. Что скажешь ты о нечаянномъ прибытїи господина замка, а особливо о услужливой его поспѣшности упасть въ прудъ, нарочно для того, чтобъ подать Барону Мейнау случай къ человѣколюбивому и отважному дѣянїю? Какова тебѣ покажется скорость, съ какою сей мизантропъ — которой однако же только-что успѣлъ доказать почти геройски свое добросердечїе — укрывается отъ изъявленїя благодарности. . . Поэтъ зналъ,

что чѣмъ скорѣе онъ побѣжитъ, тѣмъ усерднѣе за нимъ погонятся. Сверхъ того, избавитель Графа долженъ быть дорогъ его семейству. И дѣйствительно, преодолѣвъ всѣ препятствія, добрались до него . . . . Усильнѣйшими прозьбами склонили его дать слово отужинать въ замкѣ, и тамъ — подивитесь Провидѣнію! — онъ находитъ въ Графскомъ шуринѣ одного изъ старинныхъ своихъ товарищей, которой, будучи страстно влюбленъ въ Гжу Миллеръ, и желая на ней жениться, вздумалъ возложить сватовство на Мейнау. Всѣ сіи произшествія, безъ сомнѣнія *весьма естественныя*, нужны были для сближенія супруговъ. Естьли бы они одною минутою прежде примѣтили . . . . то прощай ихъ примиреніе, и прощай піеса! . . . .

Въ *Сынѣ любви*, солдатъ, идя въ отпускъ, находитъ на большой дорогѣ мать свою, которой онъ не зналъ. Баронъ Вильденгайнъ, обольстивъ ее, бросилъ, и сія нещастная женщина, не имѣя пропитанія, принуждена ходить по міру. Солдатъ желаетъ облегчить участь матери своей . . . . У него нѣтъ денегъ. Тщетно прибѣгаетъ онъ къ великодушію прохожихъ. Наконецъ пришедъ почти въ бѣшенство отъ полученныхъ отказовъ, изли-

ваетъ свое негодованіе въ длинномъ монологѣ, и, къ великому щастію, слышитъ его Баронъ Вильденгайнъ, бывши на охотѣ, и котораго безъ сомнѣнія добрый духъ привелъ къ этому мѣсту. Солдатъ проситъ у него флоринъ. Вильденгайнъ не безъ причины удивляется, что здоровый, молодой воинъ проситъ милостыни. Но какъ онъ отмѣнно добрый человѣкъ, то конечно не отказалъ бы ему, естьли бы молодой солдатъ не забылъ сказать, для кого онъ проситъ подаянія. Но естьли бы онъ это сказалъ, то піеса тотчасъ бы кончилась; а поелику публика заплатила за пять актовъ, то Сочинитель и долженъ непремѣнно ихъ *поставить*. Сверхъ того мы бы лишились той страшной сцены, въ которой отчаянный сынъ готовъ заколоть отца своего. По щастію, прибѣгаютъ на шумъ — Авторъ для всякаго случая разставилъ по близости отъ того мѣста людей — солдата обезоруживаютъ и отводятъ въ тюрьму .... Переходя отъ приключенія къ приключенію и потомъ опять къ приключенію, отецъ, мать, сынъ, узнаютъ другъ друга; заключается бракъ и — всѣ довольны, по крайней мѣрѣ Автору этого хотѣлось. . . . .

(*Окончаніе впредь.*)

VI.

Мысли Лихтенберговы.

Люди вообще наклонны къ медлительности, и какъ обыкновенно — то, что назначено сдѣлать въ пятомъ часу, дѣлается въ шестомъ. Можно смѣло держать десять противъ одного за рѣшительнаго человѣка, которой безъ отлагательства производитъ намѣренія свои въ дѣйство.

*

Вѣрнѣйшимъ доказательствомъ нашего исправленія есть то, когда мы платимъ долги, съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ получаемъ деньги.

*

Естьли я когда нибудь сочиню проповѣдь, то это будетъ о способности дѣлать добро, способности, которую всякой имѣетъ. Мы очень были бы нещастливы, естьли бы одни только Государи могли благотворить. Каждой въ разсужденіи сего въ своемъ положеніи есть Государь.

*

Въ молодыхъ дѣвушкахъ бываетъ нѣкоторая душевная дѣвственность, равно какъ и моральное растлѣніе. Сіе послѣднее у многихъ случается очень рано.

*

Не должно судить о людяхъ по ихъ образу мыслей, но по тому, что сдѣлалъ изъ нихъ сей образъ мыслей.

*

Порядокъ ведетъ насъ ко всѣмъ добродѣтелямъ; но что ведетъ къ порядку?

*

О естьли бы хотя десятая часть Религіи и Морали, находящихся въ книгахъ, существовала въ сердцахъ нашихъ!

*

Есть люди, которые вѣрятъ всему, чему только они захотятъ: щастливыя созданія!!

*

Многіе читаютъ единственно для того, чтобъ не думать.

*

Есть болѣзни, которыя смертельны; есть другія, которыя хотя и легко можно примѣтить, однакожь отъ нихъ не умираютъ; наконецъ есть такія, которыя едва ли можно усмотрѣть безъ помощи микроскопа, но за то сіе орудіе ужасно ихъ увеличиваетъ. Сей микроскопъ есть ипохондрія. Думаю, что естьли бы люди захотѣли въ самомъ дѣлѣ наблюдать *микроскопическія* болѣзни, то имѣли бы удовольствіе быть безпрестанно больными.

*

Нѣтъ въ свѣтѣ ни одного человѣка, которой, сдѣлавшись бездѣльникомъ за тысячу рублей, не остался бы честнымъ за половину сей суммы.

*

Краснѣютъ ли въ потемкахъ люди отъ стыда? Говорятъ, что отъ страха блѣднѣютъ въ темнотѣ: послѣднему вѣро; но въ первомъ сомнѣваюсь, ибо мы блѣднѣемъ по причинѣ только себя, а краснѣемъ по причинѣ себя и другихъ. Женщины краснѣютъ ли въ потьмах!? На сей вопросъ трудно отвѣчать; по крайней мѣрѣ онъ есть одинъ изъ тѣхъ, которыхъ въ свѣтломъ мѣстѣ рѣшить не можно.

*

Молодыя дѣвушки самыя скромныя и любезныя бываютъ еще скромнѣе и любезнѣе, когда зеркало ихъ скажетъ имъ, что онѣ пригожи.

*

Съ перваго взгляда на всякую новую вещь, или на человѣка, не можемъ мы не сдѣлать объ нихъ какого нибудь сужденія. На семъ-то основана наука, называемая Физіогномикою.

*

Удивительно и забавно, что Лафатеръ находитъ гораздо болѣе вещей въ устроеніи носовъ нынѣшнихъ нашихъ

Писателей, нежели просвѣщенная публика въ ихъ сочиненіяхъ.

*

Едва ли есть на свѣтѣ товаръ удивительнѣе книгъ. Онѣ печатаются людьми, которые ихъ не понимаютъ; продаются людьми, которые ихъ не понимаютъ; переплетаются, критикуются и читаются людьми, которые ихъ не понимаютъ, а часто и сочиняются людьми, которые ихъ не понимаютъ.

*

Естьли бы кто отказалъ въ духовной милїонъ рублей величайшему бездѣльнику въ Европѣ, желалъ бы я знать, сколько бы явилось требователей.

*

Одно изъ величайшихъ открытїй, дѣлающихъ честь уму современниковъ нашихъ, есть безъ сомнѣнїя рѣдкое искусство судить о книгахъ, не читавши ихъ.

*

Въ системахъ Зоологовъ, обезьяна помѣщена непосредственно послѣ человѣка, хотя впрочемъ разстоянїе между ими и неизмѣримо. Естьли бы какой новой Линней вздумалъ классировать животныхъ по ихъ щастїю, или по выгодамъ ихъ состоянїя, то сколько бы людей помѣстилъ онъ ниже собакъ, и даже почтовыхъ лошадей!

VII.

Эпиграмма.

Когда смѣются надъ тобой,
Ты говоришь, пріятель мой,
Что самъ надъ тѣми ты смѣешься.
Ахъ! какъ мнѣ жаль тебя! ты вѣрно надорвешься.

VIII.

Шарада.

Я съ головой мертва, но пользу приношу:
И людямъ и скотамъ я пищу доставляю.
Отрѣжь мнѣ голову, жива я, но дышу
Лишь злобою одной, и больно уязвляю.
Теперь, читатели, отгадывать прошу:
Я, можетъ быть, сей часъ предъ вашими очами,
Или у васъ же за плечами.

IX.

О новооткрытой безцѣнной пользѣ, происходящей отъ прививанія коровьей оспы.

Докторъ Медицины Гангъ въ Раштатѣ получилъ отъ собрата своего Вѣнскаго

Доктора Декаро письмо, изъ коего мы сообщаемъ читателямъ нашимъ слѣдующее:

„Вы удивитесь и порадуетесь, любезный другъ, узнавъ, что коровья оспа предохраняетъ людей отъ моровой язвы. Симъ открытіемъ обязаны мы двумъ Врачамъ, кои дѣлали опыты свои каждой особо, и оба съ равнымъ успѣхомъ, а именно: Г. Обонъ въ Константинополѣ, и Г. Лафонъ въ Салоникѣ. Доказательство перваго состоитъ въ томъ, что изъ 6000 человѣкъ, коимъ была привита коровья оспа, ни къ одному не пристала чума; второй доказываетъ истину сего открытія тѣмъ, что оспа и чума никогда въ одно время и въ одномъ мѣстѣ не бываютъ. Сверхъ того замѣчено, что Армяне, у которыхъ давно уже рачительно прививаютъ коровью оспу, никогда чумою не заражаются.“

X.

Чудные заклады.

Извѣстна склонность, или лучше сказать, страсть Англичанъ къ закладамъ; но всякой ли знаетъ, что предметы оныхъ бываютъ часто такъ странны,

что во всякой другой землѣ почли бы закладчиковъ; зрителей и судей за сумасшедшихъ. Мы приведемъ два примѣра сего рода дурачества, не давно случившіеся. Лордъ Г.... бился о двухъ тысячахъ гиней, что онъ въ четыре дни пріѣдетъ изъ Лондона въ Эдимбургъ (120 миль) верьхомъ на лошади, сидя лицемъ къ хвосту, — и выигралъ закладъ, пріѣхавъ въ назначенное мѣсто за четыре часа до сроку. — Лордъ Орфордъ держалъ закладъ, что стадо гусей придетъ прежде изъ Норвика въ Лондонъ (30 миль), нежели стадо Индѣйскихъ куръ. Гуси шли день и ночь, не останавливаясь; но индѣйки при наступленіи ночи усѣлись на деревьяхъ и пришли не прежде, какъ черезъ два дни послѣ гусей. — Лордъ Орфордъ выигралъ свой закладъ.

XI.

Нѣчто о Японцахъ.

Чай и пиво изъ Сарацынскаго пшена составляютъ обыкновенное питье Японцевъ. Они не любятъ вина, а кофе имъ почти не извѣстенъ.

Пшенное пиво хорошо только для тѣхъ, которые сдѣлали къ нему долго-

временную привычку. Въ Японіи продается оно въ пивнейныхъ домахъ, какъ у насъ, но только всегда грѣтое. Японцы никогда не пьютъ ничего холоднаго. Сіе пиво производитъ родъ опьянѣнія, которое скоро однако же проходитъ, оставляя по себѣ сильную головную боль.

Во всей Японіи въ жажду ничего не пьютъ, кромѣ чаю. Въ каждомъ домѣ цѣлой день стоитъ на огнѣ котелъ съ водою и чаемъ. Изъ него черпаютъ по мѣрѣ надобности весьма густой кипящій наваръ, къ которому подливаютъ холодной воды для разжиженія и простуженія. Въ знатныхъ домахъ подчиваютъ гостей однимъ только зеленымъ чаемъ.

Чайной кустарникъ растетъ самъ собою во всей Японіи. Онъ размножается отъ сѣмянъ, выростаетъ фута на три съ половиною, и съ третьяго года даетъ уже листья для употребленія. Сіи листья собираются по три раза въ годъ: въ Мартѣ, въ Апрѣлѣ и въ Іюнѣ; но Мартовской чай всѣхъ превосходнѣе.

XII.

Плоды просвѣщенія.

Авторъ одного новѣйшаго путешествія, описывая подробности претерпѣннаго имъ кораблекрушенія, говоритъ такимъ образомъ: „Я шелъ одиннадцать часовъ, не видя слѣдовъ ни единаго смертнаго; наконецъ, къ *великому удовольствію* моему, увидѣлъ повѣшеннаго на висѣлицѣ человѣка. Радость моя при семъ *утѣшительномъ* предметѣ была чрезмѣрна, ибо онъ удостовѣрилъ меня, что я находился въ *просвѣщенной землѣ.*“

XIII.

Анекдоты.

Одинъ Нюкастельскій Аптекарь, взявъ на себя лѣченіе нѣкотораго больнаго, при смерти уже находившагося, прислалъ къ нему пузырекъ лѣкарства, съ надписью: *хорошенько потрясти прежде принятія.* На другой день пошелъ онъ освѣдомиться о дѣйствіи своей микстуры; вошедъ къ больному, спросилъ у слуги его: каковъ баринъ? Слуга отвѣчалъ ему однѣми слезами. — Какъ! развѣ ему стало хуже? спросилъ Аптекарь: принялъ ли

онъ мое лѣкарство? — Принялъ, сударь; но какъ вы приказали намъ *хорошенько его потрясти* прежде принятія, мы исполнили ваше повелѣніе, и онъ бѣдняжка умеръ на рукахъ нашихъ.

*

Молодой студентъ, показывая рѣдкости Оксфордскаго Музеума любопытнымъ посѣтителямъ, подалъ имъ между прочимъ старую заржавѣлую шпагу. Господа! вскричалъ онъ: вотъ шпага, которою Валаамъ грозилъ заколоть своего осла! — Я что-то не слыхалъ, сказалъ одинъ изъ предстоящихъ, чтобъ у Валаама была шпага, а видѣлъ только въ Исторіи, что онъ желалъ ее имѣть. — Ваша правда, отвѣчалъ студентъ: и вотъ самая та шпага, которую онъ желалъ имѣть!!!

*

Нѣкто спросилъ у одного бѣднаго Англичанина, какихъ бы трехъ вещей онъ себѣ преимущественно пожелалъ. Вопервыхъ, отвѣчалъ онъ, я желалъ бы имѣть столько пива, сколько могу выпить. — Потомъ? — Я желалъ бы имѣть столько говядины, сколько могу съѣсть. — Хорошо! а какое же третье желаніе? — Правду сказать, мнѣ кажется, что я пожелалъ бы еще немного побольше пива.

*

Двѣ духовныя особы разговаривали о злочестіи своихъ прихожанъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: мои заражены *Деизмомъ*. А мои *Атеизмомъ*, отвѣчалъ другой. Нѣкто, подслушавъ ихъ разговоръ, сказалъ имъ: Господа! для чего не упоминаете вы о тѣхъ, которые заражены *рюматизмомъ*!

❋

Одна дама говорила при Докторѣ Джонсонѣ, что мужъ ея былъ бы прекрасной мущина, естьли бы по нещастію ротъ его не былъ слишкомъ великъ. Какое это нещастіе, сказалъ Докторъ: напротивъ, это ему очень много поможетъ когда онъ вздумаетъ ему шепнуть что нибудь на ухо самому себѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

Засѣданіе Нижняго Парламента, 9 Декабря.

Военный Секретарь представляетъ собравшемуся Комитету счетъ суммамъ, потребнымъ для содержанія арміи на 1804 годъ. Суммы сіи простираются до 11 милліоновъ 159,628 фунт. стерлинг. (около 100 милліоновъ рублей)! Онъ говоритъ, что регулярное войско состоитъ нынѣ изо 166,697 человѣкъ, слѣдовательно 58,000 болѣе прошлогодняго. Приращеніе сіе произошло отъ резервной арміи, изъ которой 20,000 человѣкъ помѣщены въ регулярные полки. Изъ сихъ регулярныхъ войскъ 129,059 человѣкъ находятся въ Англіи и Ирландіи; да 60,000 въ Колоніяхъ обѣихъ Индій. Милиція въ Англіи и Ирландіи простирается до 109,947 человѣкъ, что все вмѣстѣ составляетъ 300,513 человѣкъ. Волонтеровъ въ Англіи 379,945, а въ Ирландіи 70,000. Къ симъ послѣднимъ прибавится еще 24,000 человѣкъ, въ томъ числѣ будетъ 12,000 конницы. На содержаніе волонтеровъ по-

требно въ годъ 750,000 въ Англїи, а въ Ирландїи миллїонъ 290,000 ф. стерл.

Г. Виндамъ, до вступленїя въ матерїю о издержкахъ на волонтеровъ, которыхъ онъ мало уважаетъ, нападаетъ на теперешнюю систему правленїя. „Министры стараются оправдать всѣ свои дѣянїя, говоритъ онъ, утверждая, что дѣлали все лучшее и выгоднѣйшее для Государства.

„Положимъ, продолжаетъ онъ, что Министры благоразумно поступили, разпустивъ армїю и разснастивъ корабли наши послѣ Амьенскаго трактата; положимъ даже и то, что выгоднѣе было тогда отказывать людямъ, которые за 5 гиней записывались въ службу, а нынѣ принимать ихъ за 50, и что мы должны хвалить Министровъ за разпущеніе армїи, потому что они надѣялись на прочность мира; но я желалъ бы знать, что Министры наши дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ началась у насъ опять война, то есть, цѣлые девять мѣсяцевъ.

„Можно безъ всякаго прибавленїя сказать, что населенїе Королевства простирается до 15 миллїоновъ человѣкъ. Наборъ рекрутовъ для резервной армїи, полагая обыкновенную цѣну записыванїю въ службу, долженъ стоить миллїонъ, хотя сїя

армія и не укомплетована. Парламентъ, правда, не требовалъ сбора сей суммы; но не ужели кто усомнится, чтобъ народъ не заплатилъ дѣйствительно этого милліона? Конечно онъ заплатилъ его и еще съ большимъ утѣсненіемъ, нежели въ видѣ налога. Военной Секретарь представилъ теперь Комитету счетъ содержанію волонтеровъ; сумма простирается до 750,000 ф. стерл. — Надобно положить, что 20 шиллинговъ, даваемые на одежду, уже издержаны; такимъ образомъ учрежденіе волонтернаго корпуса стоитъ милліонъ ф. ст. Издержки могутъ быть меньше на будущій годъ; но должно счесть, что каждой человѣкъ будетъ стоить 2 ф. ст.; слѣдовательно сіи издержки будутъ простираться до 800,000 ф. стер. — И такъ народу будетъ стоить 3 милліона не укомплетованіе, или образованіе, но только призракъ военной силы, которая, по мнѣнію моему, не можетъ отвѣтствовать цѣли ея учрежденія."

„Я намѣренъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія о духѣ волонтеровъ. Не опроверіаю ихъ усердія; народъ нашъ не имѣетъ нужды въ побужденіяхъ Министровъ; онъ ждалъ только сигнала, чтобъ показаться такимъ, какимъ только можно же-

лать его видѣть. Усердіе было столь быстро, что стѣснило Министровъ со всѣхъ сторонъ.

„Намъ сказали теперь, что у насъ будетъ около 500,000 человѣкъ войска. Первая мысль, раждаемая столь сильною арміею, есть та, что нѣтъ уже для насъ никакой опасности и что мы должны презирать Бонапарте съ его легіонами. Вотъ величественной столпъ! но на чемъ онъ утвержденъ? Намъ нужно воздвигнуть прочное зданіе. Не хочу сравнивать Французскую армію съ Австрійскою, или Англійскою; желаю только говорить вообще о превосходствѣ регулярныхъ войскъ надъ прочими. — Что такое наша регулярная армія? Отложимъ въ сторону 370,000 волонтеровъ и милицію, хотя я и соглашаюсь, что она сдѣлала успѣхи въ дисциплинѣ, и могла бы съ пользою отправлять нѣкоторой родъ службы. Велика ли наша резервная армія? Естьли не ошибаюсь, то 10,000 человѣкъ не приписаны еще ни къ какимъ регулярнымъ полкамъ. И такъ у насъ только 24,000 резервнаго войска; изъ сего числа 5000 вступило въ регулярные полки. Люди, записанные на ограниченное время, не могутъ принять характера, свойственнаго солдату. Слѣдовательно регуляр-

ная наша армїя увеличилась только 5000 человѣкъ.

„Что касается до волонтеровъ, я не сомнѣваюсь въ ихъ храбрости, усердїи и дѣятельности. Однакожь надобно отличить волонтеровъ, вступившихъ въ службу изъ усердїя, отъ тѣхъ, которыхъ нужда заставила предложить ихъ услуги. Теперешнее образованїе волонтеровъ заставляетъ меня опасаться, что они не принесутъ большой пользы. Я вижу только въ нихъ 318.000 человѣкъ безполезныхъ Государству, отторгнутыхъ отъ работъ и не имѣющихъ случая оказать свою храбрость. Не нахожу ничего столь безразсуднаго, какъ теперешняя система волонтеровъ, изъ которыхъ, кажется, хотѣли сдѣлать солдатовъ, предупредивъ ихъ, что они должны будутъ переносить всѣ тягости и труды регулярныхъ войскъ. Не разсудили, что ихъ физическїя силы, привычки, мѣста, занимаемыя въ обществѣ, дѣлаютъ для нихъ солдатскую жизнь морально невозможною. Потеряли изъ виду страшныя неудобства, причиняемыя въ семействахъ отсутствїемъ сихъ волонтеровъ. Естьли бы хотѣли, или умѣли разсуждать, то почувствовали бы, что двѣ разнаго свойства силы, соединенныя вмѣ-

стѣ, часто мѣшаютъ и вредятъ другъ другу, вмѣсто ожидаемаго вспоможенія.

„Волонтеры должны быть употребляемы только въ такихъ случаяхъ, гдѣ храбрость не имѣетъ нужды въ дисциплинѣ, чтобъ утомить непріятеля, а отнюдь не испытывать силъ ихъ противъ регулярныхъ войскъ. Намъ не надобно забывать, что Генералъ Бургоинъ былъ принужденъ уступить войскамъ не только необученнымъ, но которыя даже не имѣли на два дни провіанту; это случилось отъ того, что сіи войска безпрестанно замѣщаемы были свѣжими, такъ, что наконецъ совершенно утомили непріятеля. По моему мнѣнію, должно бы намъ употреблять однѣ только такія войска, для вспоможенія регулярной арміи.“

Виндамъ заключаетъ рѣчь свою объявленіемъ, что онъ недоволенъ теперешнею системою службы волонтеровъ, и что нужно прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ для образованія регулярной арміи, въ которую бы никто не могъ отказаться вступить, не заплатя штрафа. Я утверждаю, говоритъ онъ, что волонтеры, каковы они теперь, не могутъ замѣстить регулярныхъ войскъ.

Йоркъ отвѣчаетъ Виндаму, что въ послѣднемъ засѣданіи слышалъ онъ много рѣчей противной правительству стороны; но что рѣчь почтеннаго Члена (Виндама) несказанно его удивляетъ: въ ней охуждаются всѣ мѣры правительства и система, принятая Парламентомъ.

Питтъ. „Я не намѣренъ разбирать въ тонкость предмета, которымъ Комитетъ занимается, какъ то сдѣлалъ мой почтенной другъ; еще меньше желаю разбирать поступки правительства и изыскивать, употребили ли Министры, со всею ожидаемою отъ нихъ дѣятельностію и благоразуміемъ, чрезвычайныя средства, ввѣренныя имъ Парламентомъ. Опасность наша еще не миновалась, усилія еще нужны; намъ должно взять большія предосторожности, чтобъ выйти изъ критическаго нашего положенія. Я хочу обратить ваше вниманіе на предметы, требующіе неукоснительнаго исполненія; въ противномъ случаѣ подвергнемся мы великой опасности.

„Не входя въ изслѣдованіе всѣхъ рѣшеній, предложенныхъ Комитету, и которыя представляютъ обширное поле къ спорамъ о поведеніи Министровъ, ограничусь я разсмотрѣніемъ свойства, числа и употребленія нашихъ военныхъ силъ.

Скажу, что я совершенно не такъ думаю, какъ почтенной другъ мой, о томъ, какія войска удобнѣе отвратить отъ насъ всю опасность въ теченіе нынѣшней войны, сколько бы она ни продлилась. Никто болѣе меня не увѣренъ въ важности регулярной арміи, и должно примолвить, регулярной Англійской арміи. Но я объявлялъ уже, и теперь еще повторяю, что есть способы образовать оборонительную систему, которая придаетъ истинную силу регулярной арміи. Утвердивъ волонтерные корпусы, Парламентъ принялъ сію самую систему, и правительство, одобривъ сіе утвержденіе, получило право на похвалы. Регулярной арміи, сколь бы она хороша ни была, и милиціи, еще не довольно. Въ войнѣ, представляющей столько опасностей, имѣющей столь особливое свойство, и которой продолженія опредѣлить никакъ не можно, необходимо надобно къ регулярной арміи присоединить надежную систему національной обороны; для сего должно употребить отчасти понудительныя мѣры и отчасти возпользоваться предложеніями, которыя внушаетъ патріотизмъ. Таково должно быть основаніе нашей внутренней безопасности. Армія да будетъ точкою соединенія; она должна подать примѣръ,

снабдить насъ потребными наставленіями и правилами для образованія арміи волонтеровъ, которая не уступитъ никакому войску, когда дѣло дойдетъ до защищенія родины и выгодъ драгоцѣнныхъ всякому человѣку, имѣющему отечество, мудрыми законами управляемое. Я увѣренъ, что сія система послужитъ намъ не только вѣрною обороною, но и доставитъ еще правительству нужную удобность переводить регулярную армію въ тѣ мѣста, гдѣ присутствіе ея наиболѣе будетъ нужно.

„Разсматривая выгоды, могущія произойти отъ волонтерныхъ корпусовъ для нашей защиты, а можетъ быть со временемъ и *для освобожденія Европы*, я радуюсь учрежденію оныхъ. Но можно жаловаться на многочисленность ихъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ правительство соразмѣрило число ихъ съ мѣстными опасностями; хотѣлъ бы, чтобъ не въ шестеро противъ милиціи, но гораздо болѣе ихъ было; или по крайней мѣрѣ, чтобъ въ приморскихъ мѣстахъ число ихъ было увеличено. Жалѣю, что не принято другихъ разпоряженій въ случаѣ непріятельскаго къ намъ владенія. Нѣкоторые люди, гораздо способнѣйшіе меня разсуждать о такихъ матеріяхъ, говорятъ, что войска, и не

столь многочисленныя, но которыя утомили бы непріятеля при самой высадкѣ, предпочтительнѣе сильнѣйшей арміи, которая не прежде могла бы напасть на него, какъ давъ ему время оправиться отъ трудовъ мореплаванія. Хотя число войскъ нашихъ и достаточно, чтобъ заставить непріятеля раскаяться въ его покушеніяхъ; но лучше было бы, по моему мнѣнію, не давать ему и надежды ступить хотя одинъ разъ по Британской землѣ, а для сего непремѣнно надобно умножить число волонтеровъ.

„Теперь сообщу я свое мнѣніе о средствахъ, сдѣлать изъ волонтеровъ прочную и хорошую армію: естьли оставить ихъ отдѣленными ротами, то они никогда не будутъ знать дисциплины; изъ нихъ должно образовать корпусъ, и для скорѣйшаго обученія, мнѣ кажется, что очень было бы полезно, къ каждому волонтерному баталіону прикомандировать по одному Офицеру и Адъютанту изъ регулярныхъ полковъ. Сіи Офицеры считались бы по арміи, получая жалованье и другія армейскія выгоды. Такое прибавленіе стало бы дорого, но польза была бы такъ велика, что не должно колебаться. Въ семъ отношеніи не представлено вамъ никакого изчисленія. Я разсчитываю, что

на содержанїе двухъ Офицеровъ при каждомъ баталїонѣ вышло бы 180,000 ф. ст. — Но можетъ ли сїя издержка перевѣсить великїя выгоды, которыя принесла бы искусно обученная армїя, состоящая изъ 350,000 человѣкъ?

„Естьли бы случилась необходимость послать регулярную нашу армїю внѣ Англїи, на примѣръ, въ Ирландїю, прогнать непрїятеля, въ случаѣ высадки его, то у насъ осталась бы другая нацїональная армїя, на храбрость и искусство которой могли бы мы съ твердостїю полагаться. Не взирая на неусыпную осторожность нашихъ флотовъ, непрїятель можетъ и дѣйствительно сдѣлать высадку въ Ирландїи, и намъ не должно опускать ни одного случая сразиться съ нимъ, гдѣ только можно на него напасть; для сего должно намъ предоставить себѣ удобность посылать нашу регулярную армїю всюду, не оставляя себя безъ надежной обороны. Естьли бы одной храбрости довольно было для истребленїя непрїятеля, когда отважится онъ показаться на берегахъ Англїи, я желалъ бы, чтобъ противъ него послали однихъ только нашихъ волонтеровъ; но храбрость имѣетъ нужду въ хорошей дисциплинѣ; и для сего-то надобно усовер-

шенствовать ихъ. Кто не почувствуетъ, что естьли бы могли мы со временемъ воевать на твердой землѣ; естьли бы области, стенящія подъ игомъ Франціи, захотѣли освободиться отъ постыднаго своего рабства; естьли бы показалась надежда къ прекращенію бѣдствій на твердой землѣ: кто не почувствуетъ, говорю я, какая бы великая польза произошла отъ Англійской арміи въ семъ благородномъ и разумномъ предпріятіи? И такъ не должно ли намъ съ сего часа начать старательно изыскивать всѣ случаи, которые только обстоятельства могутъ намъ представить, къ освобожденію наслѣдія нашего Государя (Ганновера), къ изторженію Голландіи изъ рукъ врага нашего и къ возстановленію въ Европѣ системы, отъ которой зависѣла наша безопасность? Не уже ли Парламентъ отречется отъ всѣхъ сихъ надеждъ для сбереженія 500,000 ф. стерл. въ годъ?

„Естьли Комитетъ одобритъ мои мысли, я желаю, чтобъ онѣ скорѣе были произведены въ дѣйство. Теперь мы почти избавились отъ опасности высадки въ Англіи; но не должно намъ ласкать себя, чтобъ непріятель оставилъ свои замыслы. Воспользуемся же принужденнымъ его отдыхомъ, приведемъ въ совер-

женство нашу систему національной обороны, и не станетъ откладывать до другаго времени выдачу суммъ для сего потребныхъ."

Гренвиль. „Не смотря на все мое желаніе, согласиться съ моимъ почтеннымъ родственникомъ (Питтомъ), держусь я въ теперешнемъ случаѣ мнѣнія Г. Виндама."

Лордъ Кастельригъ. „Я совершенно однѣхъ мыслей съ Г. Гренвилемъ. Теперь самое время изслѣдовать не только военную систему, которую правительство намѣрено принять, но также и то, какое употребленіе сдѣлали Министры изъ средствъ, ввѣренныхъ имъ Парламентомъ. Я не сталъ бы жаловаться, слыша, что другой Членъ (Виндамъ) охуждаетъ принятую и Парламентомъ утвержденную систему, естьли бы его критика клонилась болѣе къ показанію намъ впредь лучшихъ путей, нежели къ уничиженію чрезвычайныхъ усилій народа для общественной безопасности, и къ лишенію всѣхъ войскъ, кромѣ регулярной арміи, права, которое имѣютъ они на уваженіе и благодарность соотечественниковъ своихъ. Можно утвердительно сказать, что правительство не имѣло никогда такихъ пособій, какъ нынѣ, и въ Исторіи нѣтъ

примѣра, чтобъ народъ съ такимъ усердіемъ поспѣшествовалъ его намѣреніямъ.

„Что касается до употребленія, какое Министры сдѣлали изъ способовъ, ввѣренныхъ имъ Парламентомъ, то мы знаемъ, что сухопутныя силы въ Англіи, въ Джерзеѣ и Гернзеѣ простираются до 150,000 человѣкъ — въ Ирландіи до 50,000."

Здѣсь Лордъ Кастельригъ продолжаетъ исчислять Британническія военныя силы, которыя читатели наши уже выше видѣли.

Онъ продолжаетъ: „Естьли станемъ сравнивать наши оборонительные способы съ наступательными непріятельскими, то увидимъ, что нечего, кажется, опасаться, хотя и не совсѣмъ благоразумно ввѣрить исключительно защиту Государства такой арміи (здѣсь разумѣется флотъ), которой дѣйствія часто зависятъ отъ столь непостоянной стихіи, каково есть море."

Лордъ Кастельригъ отдаетъ справедливую похвалу артиллерійскому Департаменту, которой удвоилъ число пушекъ и другихъ орудій, также подъемныхъ лошадей и проч.

(*Продолженіе впредь.*)

II.

Описанїе города Алтоны.

Сей достойный примѣчанїя, но еще мало извѣстный городъ, принадлежащїй съ 1640 года Датскому Королю, какъ Герцогу Голштинскому, былъ до 1664 года ничто иное, какъ деревня.

Онъ стоитъ на правомъ берегу Эльбы, подъ 53°34′ широты, и подъ 27°46 долготы, почти въ верстѣ отъ Гамбурга. — Въ немъ считается 4,060 домовъ и около 25,000 жителей.

Алтона раздѣляется на четыре квартала, которые соотвѣтствуютъ четырем главнымъ странамъ свѣта. Въ ней 46 улицъ, 39 переулковъ, два рынка и 4 площади. Все сїе занимаетъ пространства на 35 тысячь саженъ. Публичныя зданїя составляютъ разныя Лютеранскїя церкви, одна Реформатская для Англичанъ и Голландцевъ, одна для Французскихъ Реформатовъ, Католицкая, Меннонитская; нѣсколько Синагогъ Нѣмецкихъ Евреевъ; Синагоги Португальскихъ Евреевъ; ратуша, Банкъ, Гимназїя, институтъ для бѣдныхъ, сиротской домъ, смирительной домъ, домъ для родильницъ и анатомїя, богадѣльня для старыхъ и увѣчныхъ, Еврейская больница, тюрьма,

караульни, десять магазиновъ съ полными пожарными снарядами и проч. Есть также монетный дворъ, лотерея, институтъ коммерческій, казармы и проч.

По довольно вѣрнымъ изчисленіямъ находится въ семъ городѣ

Богатыхъ купцовъ и банкировъ	150.
Купцовъ мѣлочныхъ - -	300.
* Фабрикантовъ - - -	70.
Отправляющихъ Королевскую и городскую службу - -	100.
Докторовъ Медицины, Хирурговъ, не считая цырюльниковъ -	20.
Маклеровъ - - -	40.
Школьныхъ учителей и учительницъ - - -	22.
Книгопродавцевъ - - -	5.
Уксусниковъ - -	6.
Химистовъ, дистиллаторовъ -	14.
Скорняковъ - -	10.
Сѣдельниковъ - -	13.
Позументщиковъ - -	8.
Парусниковъ - -	23.
Веревошниковъ - -	28.
Садовниковъ - -	22.
Типографщиковъ - -	7.
Оловянишниковъ - -	4.
Щеточниковъ - -	5.
Мѣльниковъ - -	9.

Корабельныхъ строителей -	10.
Водочныхъ мастеровъ - -	46.
Пивоваровъ - -	8.
Хлѣбниковъ - -	40.
Переплетчиковъ - -	11.
Токарей - - -	17.
Стекольщиковъ - -	10.
Золотыхъ дѣлъ мастеровъ -	11.
Плотниковъ (мастеровъ) -	10.
Кузнецовъ - - -	16.
Шляпниковъ - - -	11.
Жестяниковъ - -	16.
Ткачей - - -	14.
Кожевниковъ - - -	24.
Живописцевъ - - -	25.
Перукмахеровъ - -	26.
Мясниковъ - - -	20.
Поршныхъ - - -	140.
Сапожниковъ и башмашниковъ	270.
Столарей - - -	91.
Гончаровъ - - -	13.

Число людей, отправляющихъ вышеписанныя ремесла, изъ которыхъ иные здѣсь не включены, простирается до 956, кромѣ поварищей, помощниковъ и работниковъ. — Прочее населенїе составляютъ небольшое число ученыхъ людей, содержатели постоялыхъ дворовъ, кофейныхъ домовъ, ресторанцёры, трактирщики, хар-

чевники, барышники, ночные стражи, всякаго рода работники, солдаты и проч. и проч.

Сверьхъ того считается въ Алтонѣ

Фабрикъ бархатныхъ, шелковыхъ, галунныхъ и ленточныхъ - - -	4.
Фабрика шерстяныхъ матерій	1.
Чулошныхъ - -	3.
Ситцовыхъ - -	2.
Мыльныхъ - -	2.
Крахмальныхъ - -	3.
Сахарныхъ - -	4.
Фаянсовой заводъ -	1.
Фабрикъ клѣеношныхъ -	2.
——— бумажныхъ обоевъ -	2.
Пергаментная - -	1.
Канатныхъ - - -	4.
Сургучныхъ - -	1.
Печей для жженія извести -	3.
Фабрикъ зеркальныхъ - -	2.
Табачныхъ - - -	9 и проч.

Число кораблей и судовъ, употребляемыхъ для ловли сельдей, простирается до 259. Они поднимаютъ 18,770 ластовъ грузу и требуютъ 2852 человѣка экипажа.

Городъ управляется главнымъ судьею, имѣющимъ титулъ Президента; сверхъ того есть Сенатъ, Обер-полицїймейстеръ и Полицїймейстеръ. Президентъ печется о исполненїи закоповъ, о исправности полицїи, объ успѣхахъ торговли, художествъ и промышленности. Онъ предсѣдаетъ въ Консисторїи; въ Гимназїи, въ Коммерцъ-коллегїи, въ гошпиталяхъ и почти во всѣхъ гражданскихъ и духовныхъ судахъ; даетъ паспорты, и проч. и проч.

Городъ Алтона пользуется многими особливыми преимуществами. Всякой честнаго поведенїя человѣкъ можетъ въ немъ основаться и за нѣсколько сотъ талеровъ получить право мѣщанства. Всякой иностранецъ, оставляя городъ, имѣетъ право вывезть съ собою всѣ свои собственности, какъ благопрїобрѣтенныя, такъ и наслѣдственныя. — Свобода торговли здѣсь неограничена; нѣтъ никакихъ монополїй, столь частыхъ въ другихъ мѣстахъ, и которыя причиняютъ столь великой вредъ, подавляя соревнованїе.

Между заведенїями въ пользу страждущаго человѣчества, которыхъ здѣсь очень много, и притомъ наблюдается въ нихъ рѣдкой порядокъ, достойно особеннаго примѣчанїя одно учрежденїе, имѣющее

предметомъ доставлять приличную работу бѣднымъ и дѣтямъ. Роформаты, Меннонисты, Католики и Евреи имѣютъ также особливыя суммы для вспоможенія неимущимъ, одинакаго съ ними исповѣданія, что однако же не препятствуетъ имъ быть вкладчиками въ сборы, дѣлаемые еженедѣльно для содержанія бѣдныхъ. — Нѣмецкіе Евреи управляются почти во всѣхъ случаяхъ собственными законами; первый Раввинъ есть ихъ судья.

Хотя обыкновенно въ торговыхъ городахъ мало радѣютъ о учености; но сего не льзя сказать объ Алтонѣ, въ которой есть Гимназія, гдѣ искусные Учители преподаютъ правила языковъ, Латинскаго, Греческаго, Еврейскаго, Французскаго, Англійскаго, Нѣмецкаго, также учатъ Религіи, Географіи, Натуральной Исторіи; а въ нижнихъ классахъ обучаютъ писать, рисовать и Ариѳметикѣ. Гимназія имѣетъ хорошую библіотеку, изъ 10,000 томовъ состоящую; но доходы сей библіотеки не простираются выше 100 талеровъ въ годъ, что не подаетъ выгоднаго мнѣнія объ охотѣ къ чтенію Алтонскихъ жителей. — Не менѣе Гимназіи приноситъ пользы такъ называемая Королевская школа, учрежденная для неимущихъ и сиротъ, и управляемая двумя надзирателями,

однимъ гражданскимъ, а другимъ духовнымъ. Ихъ опредѣляетъ Король. — Есть еще въ семъ городѣ и другія многія полезныя заведенія.

Щастливое мѣстоположеніе, великолѣпный и обширный видъ на рѣку Эльбу, всегда покрытую кораблями, нѣсколько веселыхъ острововъ, и, можно сказать, магической ландшафтъ противулежащаго берега; прелестное гульбище (*Паль-маль*); два живописныхъ публичныхъ сада; два Воксала; множество миловидныхъ сельскихъ домиковъ, разбросанныхъ по берегу рѣки и занимающихъ на двѣ мили пространства къ западу; близость Гамбурга; тѣсныя и безпрестанныя сношенія между жителями обѣихъ городовъ; истинная свобода, рѣдкая полиція, слѣдовательно доброй порядокъ и совершенное спокойствіе: вотъ выгоды, отличающія городъ, которой можно справедливо назвать совмѣстникомъ Гамбурга, и дѣлающія пребываніе въ немъ интереснымъ и пріятнымъ.

(*Изъ одного иностраннаго Журнала.*)

III.

Извѣстія.

Послѣднія письма изъ Турецїи увѣдомляютъ, что извѣстный Абдулъ Вехабъ принужденъ былъ оставить Мекку и Медину. Однакожъ думаютъ, что онъ скоро получитъ новыя подкрѣпленія.

Желтая лихорадка свирѣпствуетъ въ Ямайкѣ. Пакетботъ *Лордъ Спенсеръ* потерялъ отъ нее лекаря своего и шесть человѣкъ служителей. Онъ теперь выдерживаетъ карантинъ.

Линейный Англїйской корабль Аргусъ овладѣлъ Голландскимъ кораблемъ Восточно-Индѣйской Компанїи, котораго грузъ оцѣнили въ 150,000 ф. стерлинговъ.

Изъ Константинополя пишутъ что большая часть жителей города и предмѣстїй была на сихъ дняхъ въ великой тревогѣ. Приближенїе двухъ недовольныхъ Пашей съ сильнымъ корпусомъ мятежниковъ и переписка съ ними недовольныхъ Константинопольцевъ, причинили величайшїй ужасъ. Не извѣстно, что произходило въ это время въ сералѣ, ибо Султанъ тщательно скрываетъ свои безпокойства; однакожъ старанїемъ Министровъ и принятыми благоразумными мѣрами отвращена опасность. Янычары

выступили противъ бунтовщиковъ, прогнали ихъ; а недовольные сидѣли между тѣмъ спрятавшись въ сокровеннѣйшихъ мѣстахъ домовъ своихъ. Нѣкоторые думаютъ, что отъ бунтовщиковъ отдѣлались деньгами; но какъ бы то ни было, городъ теперь довольно спокоенъ.

Король Этрурійскій 9 Декабря вступилъ во владѣніе Герцогствъ Парискаго, Піаченцскаго и Гвастальскаго, поелику Французское правительство отказалось отъ требованій своихъ на оныя.

Прибывшій въ Гагу курьеръ изъ Парижа въ ночь 31 Декабря привезъ извѣстіе, что при отъѣздѣ его главный Консулъ отправился уже въ Брюжь, иначе называемый Бритте, куда его давно съ часу на часъ ожидали.

Лордъ Гакесбури объявилъ нотою всѣмъ иностраннымъ Министрамъ, „что Его Величество за нужное счелъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ запретить всѣмъ неутральнымъ кораблямъ входъ въ Англійскія гавани, отъ Гомбера до Мартата, выключая Ярмута и Дюновъ.“

Американецъ, пріѣхавшій недавно въ Лондонъ изъ Франціи, не Джефферсонъ, какъ говорили, но Ливингстонъ. Онъ прибылъ для сбора нужной суммы на покупку Луизіаны. Франція согласна

сдѣлать большую уступку, естьли получишь наличныя деньги.

Пять канонирскихъ Французскихъ шлюпокъ перваго класса пошли 8 Декабря изъ л² Оріана въ Булонь. При островѣ Ст. Круа встрѣтились онѣ съ двумя Англійскими военными кораблями, изъ которыхъ одинъ былъ о 74 пушкахъ. Сегюръ, командовавшій флотиліею, поступилъ столь искусно и столь сильно дѣйствовалъ артиллеріею, что принудилъ Англійскіе корабли къ бѣгству, и безпрепятственно продолжалъ путь свой.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЯНВАРЬ 1804.

№ 2.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Къ Парижскимъ дамамъ.

Знаете ли, милостивыя государыни, отъ чего вы томитесь скукою среди всѣхъ забавъ; отъ чего терзаетесь безпокойными желаніями, и вѣчно ропщете на судьбу; отъ чего разоряете мужей вашихъ, жалуясь на ихъ скупость; однимъ словомъ, отъ чего вы бѣдны въ изобиліи, нещастны въ нѣдрахъ блаженства? — Выслушайте меня, и не сердитесь; я скажу вамъ сущую правду: отъ того, что вы не любите сидѣть дома и заниматься хозяйствомъ; отъ того, что предпочитаете шумъ свѣта мирной семейственной жизни; отъ того, что, гоняясь за призраками, за ложнымъ блескомъ;

не уважаете святѣйшихъ обязанностей матерей и супругъ.

Ни одна изъ васъ, милостивыя государыни, не знаетъ, что истинное удовольствїе не совмѣстно съ праздностїю, и что всегдашнее разсѣянїе есть источникъ безчисленныхъ золъ.

Вы не умѣете укрѣпить связь супружества дружбою постоянною и неразрывною; не знаете удовольствїй, сопряженныхъ съ исполненїемъ должностей — и домъ вашъ обращается въ жилище скуки, непрїятностей и досадъ. Выходите за мужъ для однѣхъ выгодъ свободы — и разсѣянїе, шумъ, многолюдство, дѣлаются необходимою вашею потребностїю: надобно играть ролю въ свѣтѣ, надобно окружить себя обожателями, прельщать, заманивать. . . . и тогда до того ли вамъ, чтобы стараться о воспитанїи дѣтей, объ украшенїи юныхъ сердецъ ихъ правилами добродѣтели; до того ли, чтобъ взглянуть на счетъ повара, которой дѣлаетъ такїе дорогїе и дурные обѣды; на счетъ дворецкаго, которой грабитъ васъ со всѣхъ сторонъ?

Можетъ ли хотя одна изъ васъ сказать, что стоитъ ей содержанїе дома, наряды, столъ, дѣти и слуги? —

Я знаю, что вамъ отдаютъ преимущество и въ пріятности и въ возвышеніи ума предъ Гжею Севинье, которая входила во всѣ подробности домашней жизни, и такъ любила говорить объ ней въ безпримѣрныхъ своихъ письмахъ. Чегожъ бы вамъ стоило, когда вы и разсуждаете и пишете, и изъясняетесь лучше ея — счесть расходы ваши и устроить порядокъ въ хозяйствѣ?

Вольтеръ, выдавая за мужъ дѣвицу Варикуръ за Маркиза Виллета (который имѣлъ 100,000 ефимковъ годоваго доходу), сдѣлалъ ей странный свадебный подарокъ. Онъ подозвалъ ее къ постелѣ своей, и благословя, вручилъ книгу, переплетенную въ сафьянъ. Она открыла ее, и съ большимъ изумленіемъ увидѣла — бѣлые листы; на первой только страницѣ написано было рукою Вольтера: *реестръ расходу для Маркизы Виллетъ*. Старикъ, улыбнувшись, сказалъ: „женщина, желающая быть уважаемою въ домѣ своемъ, и даже самымъ своимъ мужемъ, должна заниматься хозяйствомъ. Правда, милостивыя государыни, что Вольтеръ былъ человѣкъ стараго вѣка; однакожь, при всей вашей любезности, красотѣ, остроуміи, вы никогда не превзойдете *доброй и прекрасной* Маркизы.

Я слышалъ, что одна очень извѣстная дама, случась за обѣдомъ съ Генераломъ Бонапарте, послѣ перваго его похода въ Италїю, не переставала говорить объ эпической, лирической и драматической Поэзїи, и утомила Героя безчисленными похвалами. Чѣмъ можно быть на свѣтѣ, вскричала она въ восторгѣ, не будучи Генераломъ Бонапарте? — Онъ отвѣчалъ ей: *можно быть доброю матерью семейства.*

Вы не скажете, милостивыя государыни, что я ссылаюсь на старинное мнѣнїе, и призываю человѣка съ того свѣта; не скажете, что *доброю матерью семейства* можно назвать ту, которая проводитъ цѣлые дни за туалетомъ, цѣлыя ночи въ блестящемъ обществѣ; которая хочетъ нравиться всѣмъ, кромѣ своего мужа; которая видитъ дѣтей своихъ — два раза въ недѣлю! . . Вы слишкомъ благоразумны, чтобъ сказать это; но согласитесь со мною, что *добрая мать семейства* всего почтеннѣе, всего прекраснѣе въ свѣтѣ. Она знаетъ, что главное и важнѣйшее ея занятїе есть исполненїе моральныхъ должностей; знаетъ, что рабское наблюденїе ничтожныхъ обычаевъ, и всѣ блестящїя, шумныя забавы подчинены всегда скукѣ и

принужденію; знаетъ, что мирныя, неизмѣнныя удовольствія добродѣтели суть самыя вѣрнѣйшія въ жизни — и *нѣжная супруга* осыпаетъ пріятностями домашнюю жизнь своего мужа; кротостію, благонравіемъ пріобрѣтаетъ любовь и почтеніе его; открывая въ немъ недостатки, слабости, спѣшитъ исправить ихъ — не пасмурнымъ видомъ досады, не ядовитыми попреками, но нѣжнымъ взглядомъ, снизходительною улыбкою. Власть скромной и благоразумной женщины неограниченна! — *Попечительная мать* — она старается о нравственномъ образованіи дѣтей своихъ, согрѣваетъ въ юныхъ душахъ ихъ драгоцѣнное сѣмя добродѣтели и дѣлаетъ не модныхъ куколъ суетныхъ, необузданныхъ, но готовитъ достойныхъ сыновъ отечеству. *Добрая хозяйка* — она занимается экономіею, считаетъ разходы и управляетъ домомъ; бережливостію и умѣренностію въ желаніяхъ сохраняетъ имѣніе дѣтямъ своимъ, и даетъ имъ примѣры порядка и хорошаго поведенія. — Такая женщина, милостивыя государыни, вездѣ и всегда обратитъ на себя вниманіе; вездѣ и всегда будетъ отличена и уважена. Въ обществѣ — она наслаждается знаками лестнаго почтенія; дома, — согласіемъ, невинностію, дарованіями и талантами.

Пусть изчезнутъ наружныя ея прелести; пусть увянутъ розы на щекахъ ея — добродѣтель, этотъ истинный и нелицемѣрный другъ, останется съ нею. Любовь и нѣжныя попеченія супруга, благодарность дѣтей, общее уваженіе, будутъ вѣрными ея утѣшителями; они украсятъ весенними цвѣтами зиму лѣтъ ея! . . . .

Послѣдуйте ея примѣру, милостивыя государыни! занимайтесь моральными должностями, будьте нѣжными супругами, попечительными матерями, добрыми хозяйками — и вы никогда, никогда не пожалуетесь на скуку.

Не въ вихрѣ свѣта, не въ шумныхъ, утомительныхъ забавахъ — но подъ кровомъ мирнаго семейства, въ объятіяхъ любви и дружбы наслаждаются истинными благами жизни.

(*Изъ Abeille du Nord.*)

II.

Новое путешествіе въ Малороссію (*).

(Сочиненіе Князя Шаликова.)

Балъ.

Однимъ днемъ ввечеру изъ села очутился я въ городѣ (**) и на *балѣ*.

Богатый житель давалъ его корпусу дворянства, съѣхавшагося изъ цѣлой Губерніи по случаю выборовъ.

Тѣснота была чрезвычайная. Я люблю ее на балѣ — и не безъ причины: пусть толкаютъ меня; за то красавица не имѣетъ права объявить негодованія своего, ежели стою подлѣ нее такъ близко; ежели съ такимъ любопытствомъ устремлены глаза мои на ея прелести. . . которыя, къ щастію, и не таятся — какъ бывало прежде — подъ флёромъ, или чѣмъ нибудь еще толще флёра! . . Отдайте справедливость моему разсчету.

Магической *экосезъ* раздавался по всѣмъ комнатамъ, которыя заняты были столами игроковъ въ карты. Прекрасныя ножки Нимфъ мелькали подъ *тактомъ* музыки и увеселяли зрителей.

(*) Первые отрывки сего сочиненія были напечатаны въ Московскомъ Меркуріѣ.

(**) Полтавѣ.

Хозяина зналъ я прежде, но хозяйк увидѣлъ въ первый разъ; искалъ случа поговорить съ нею, нашелъ — и не мног познакомился. — Здѣсь не *Москва*: не ско ро, не скоро *хозяйка* дому обласкает вась; не станетъ тотчасъ звать на *вечеръ* на *обѣдъ*, на *ужинъ*. . . за то Москва един ственная, говорятъ, со стороны госте пріимства въ цѣломъ свѣтѣ!

Балъ заключился прекраснымъ ужи номъ. Длинная комната уставлена была въ два ряда маленькими столиками, за которыми сидѣло по пяти, по шести человѣкъ мужчинъ и женщинъ вмѣ стѣ — однимъ словомъ, по *нынѣшнему*; и нынѣшняя эта мода благоразумнѣе мно гихъ: вольность должна быть непремѣн но характеромъ большаго ужина; иначе кто станетъ ожидать его до разсвѣта? кто не уѣдетъ отъ него? — Довольно муки и за обѣдомъ *парадным*.

Красавицы.

Я не сходилъ почти съ мѣста, лю буясь красавицами, которыя летали въ *аксезахъ*.

„Знаете ли вы здѣшнихъ дамъ?“ спро силъ у меня Генералъ-Губернаторъ. — Нѣкоторыхъ, отвѣчалъ я. — „А въ со-

бранїи видите ихъ въ первый?“ Въ первый разъ. — „Какъ вы находите ихъ?“ — Прекрасными. — „Есть щастливыя физїономїи.“ — Это правда.

И послѣднїе отвѣты мои не были только одною учтивостїю: вообще женщины здѣсь очень миловидны; почти всѣ съ томными и вмѣстѣ пламенными глазами, въ которыхъ чувствительность души и сердца такъ ясно изображается. Природа положила на лицахъ ихъ печать любви и нѣжности.

Одна изъ нихъ благодарила меня за то привѣтствїе, которое сдѣлалъ я Полтавскимъ жителямъ (*). — „Будучи въ числѣ ихъ,“ сказала она съ прїятною улыбкою: „я беру участїе въ привѣтствїи вашемъ и имѣю право благодарить васъ.“ — Вотъ что значитъ быть *Авторомъ*!.. Такой милой благодарности другому не льзя дождаться вовѣки.

Переходя взорами отъ *щастливыхъ физїономїй* красавицъ здѣшнихъ къ одеждѣ ихъ, я вспомнилъ, что я не на *Сѣверѣ* — то есть, вспомнилъ Руссо, который, съ обыкновеннымъ своимъ краснорѣчїемъ, говоритъ въ *Эмилѣ*, какъ сильно дѣйствїе женскихъ прелестей на чувства

(*) См. Путешествїе въ Малороссїю.

наши, и какъ необходимы для нихъ стыдливость и скромность.

„Естьли бы" — вотъ слова его — „при той легкости, съ которою женщина можетъ трогать (émouvoir) чувства мужчины, и возбуждать въ сердцѣ его *остатки* почти угасшаго темперамента, былъ такой нещастный климатъ на землѣ, въ которомъ *Философія* уничтожила бы стыдливость и скромность женскую, а особливо въ странахъ *горячихъ*, гдѣ родится менѣе мужчинъ, нежели женщинъ, то терзаемые ими мужчины сдѣлались бы наконецъ жертвою ихъ, и увидѣли бы себя влекомыхъ на смерть безъ всякаго средства къ защитѣ своей."

Не смотря на *софизмы и парадоксы* любезнаго мудреца сего, я замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ прелести женщинъ на *Югѣ* опаснѣе — замѣтилъ, увы! на собственный счетъ!..!

Рѣдкость.

„Кто эта молодинькая дама, у которой такое картинное лицо?" спросилъ я знакомаго мнѣ человѣка, который смотрѣлъ вмѣстѣ со мною на танцующихъ. — „Дочь одного Священника," отвѣчалъ онъ. —

„Дочь Священника!“ повторилъ я съ живостїю удивленїя. — „Такъ точно; а вотъ и сестра ея (продолжалъ онъ, указывая на другую даму, также очень не дурную)! онѣ бываютъ на всѣхъ балахъ здѣсь.“ — „Прекрасно! .. Это рѣдкость,“ сказалъ я, и смотрѣлъ съ удовольствїемъ, какъ онѣ прыгали въ *контрединцахъ*.

И это обстоятельство можетъ еще дать идею о степени просвѣщенїя между здѣшними попами — о томъ, какъ воспитываютъ они дѣтей своихъ, какой въ нѣкоторыхъ вещахъ имѣютъ образъ мыслей и проч. — Вспомните предразсудки этова класса людей вообще; потомъ скажите, видали ли вы когда нибудь въ Россїи *половну* на балѣ, прыгающую *контреданцы*?

Знаю однакожь, что найдутся такїе странные люди, которымъ *просвѣщенїе* это не понравится: спросите о причинѣ, и откроется чистое предубѣжденїе. Что мѣшаетъ духовному человѣку приготовлять сына, дочь для свѣта, въ которомъ часто Судьба опредѣляетъ жить имъ; приготовлять такимъ образомъ, чтобы они могли пользоваться всѣми его выгодами? .. Не вижу никакова препятствїя, никакова *несоотвѣтствїя*.

Для чего, на примѣръ, не жениться мнѣ (*) на *половинѣ*? для чего *полу* не выдать дочери своей за меня?.. Въ такомъ случаѣ я останусь ему очень благодарнымъ даже и за *контрединцы*, которымъ будетъ научена жена моя.

Поэтъ.

„Позвольте питомцу Музъ представить себя ихъ любимцу," сказалъ я, подошедъ на балѣ къ одному изъ нашихъ извѣстныхъ Поэтовъ (**), котораго давно желалъ я видѣть съ обыкновеннымъ моимъ энтузіазмомъ къ талантамъ. — Именамъ К — на и Д — ва, съ которыми нѣкоторая связь его извѣстна мнѣ, и которыхъ знакомствомъ я похвалился ему, былъ я обязанъ, думаю, его привѣтливостію и снизхожденіемъ ко мнѣ.

Суетность моя желала, въ свою очередь, нетерпѣливо свѣдать, читалъ ли онъ

(*) То есть, свѣтскому человѣку, дворянину или *Князю*. — „Въ обществѣ отличные только два класса людей," говоритъ одинъ Писатель: „*добрые* и *злые*." —

(**) В * В * К *. Онъ живетъ въ Полтавѣ.

Путешествіе въ Малороссію — и я, кажется, немного поспѣшно спросилъ его объ этомъ. — „Читалъ и съ удовольствіемъ," отвѣчалъ онъ... Учтивости должно ожидать отъ такова человѣка; но онъ *читалъ* — и для меня довольно.

По томъ спросилъ я у него, пишетъ ли онъ стихи. — „Совсѣмъ нѣтъ; ему не съ кѣмъ совѣтоваться, а безъ этова нѣтъ охоты писать," сказалъ онъ.

Какое наставленіе для молодыхъ писателей, которые прямо съ *бюра* своего кладутъ подъ *прессъ* всякое произведеніе своего Генія, и которые черезъ это (по шуточнымъ словамъ остроумнаго нашего Поэта (*)) похожи на выбѣгающихъ изъ горъ *Легзинцовъ*.... которыхъ никто не ожидаетъ, которыми никто не предводительствуетъ, и которые — опять изчезаютъ!

Разговоръ нашъ дошелъ до комедіи его *Ябеда*. Онъ разсказалъ мнѣ исторію рожденія ея, и видѣлъ, думаю, на лицѣ моемъ, съ какимъ чувствомъ я выслушивалъ ее... Ахъ! такъ недавно еще страдалъ я по *ея* милости!

(*) Не назову его — а скажу только, что слова этѣ, слышанныя мною отъ него самаго, сдѣлали во мнѣ живое впечатлѣніе.

Заключу объ немъ слѣдующею чертою: Его примѣчанія на разные предметы, на разные случаи, которые встрѣчаются на *балахъ*, и проходятъ *невидимо* мимо обыкновенныхъ глазъ; острыя его шутки, щастливыя слова и проч. и проч. дѣлали то, что я не отставалъ отъ него ни на шагъ.

Удовольствіе.

„Ахъ! вотъ и она!" сказалъ я съ живѣйшимъ удовольствіемъ, увидѣвъ на балѣ ту любезную женщину, съ которою *ярмонка* познакомила меня. — Она была нарядна, шла въ *Польскомъ* и показалась мнѣ — богинею: такъ была блистательна, такъ величава!

Какъ скоро она отстанцовала, я подошелъ къ ней и... *обрадовалъ ее* собою.... Развѣ *улыбки* и *словъ* не довольно отъ любезной женщины?.. Развѣ онѣ не могутъ замѣнить *истины*?... Что до меня, то я былъ совершенно доволенъ *ласковостію* милой новой моей знакомки.

Расхаживая по комнатамъ, я встрѣчался то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ знакомыхъ мнѣ, и наконецъ, къ полному удовольствію моему, увидѣлъ за картами

любезнаго моего хозяина (*), съ которымъ такъ давно былъ я въ разлукѣ: мы сердечно обрадовались другъ другу. — Онъ, подобно мнѣ, пріѣхалъ туда повеселиться.

Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ *встрѣча* съ короткими людьми тамъ, гдѣ другіе намъ незнакомы или почти незнакомы! Все тогда сдѣлается для насъ веселѣе, занимательнѣе. Такъ случилось въ то время и со мною — хотя *общество* (**), съ которымъ я *путешествовалъ*, было тамъ же, а въ добавокъ къ тому былъ и *гусарской Офицеръ* мой; но чѣмъ болѣе хорошаго, тѣмъ лучше.

Скажу еще слова два о моемъ гусарскомъ Офицерѣ. Я любовался новымъ для меня талантомъ его: онъ танцовалъ какъ *Вестрисъ*, и обратилъ на себя вниманіе всей публики, особливо красавицъ, изъ которыхъ каждая хотѣла съ нимъ танцовать; кружилъ ихъ какъ вихорь и оставлялъ, послѣ *Вальса*, въ головѣ у нѣкоторыхъ кружеціе другова роду.... Тутъ я радъ былъ видѣть въ немъ *Цесаря*, и бралъ искреннее участіе въ славѣ трофеевъ его.

(*) Смотри *Незабвенный случай*.
(**) Вспомните *Новобрачныхъ*.

Природа.

На другой день, лишь только проснулся, побѣжалъ я взглянуть на прекрасную Природу щастливой *Полтавы.*

Не боюсь *повторенiй*, и скажу смѣло, что сердце мое *улыбалось* (*), подобно устамъ моимъ, при видѣ тѣхъ сценъ, которыя всегда плѣняли меня, которыя глубоко впечатлѣлись въ воображенiи моемъ, и которыми, думалъ я, не скоро или вовѣки уже не буду наслаждаться. . . Скажу еще — и со всею вѣрностiю — что сама Природа, *казалось* мнѣ, улыбалась къ страстному своему любовнику. . . . Иначе сказать не возможно — и кто прямо любитъ Природу, тому извѣстно, что такiя *мечты* имѣютъ свою *истину.*

Я стоялъ на возвышенiи, по которому растягивается городъ; прелестнѣйшая въ свѣтѣ картина простиралась отъ ногъ моихъ и изчезала въ необозримости

(*) „Часто *улыбка* подъ перомъ у васъ!“ сказалъ мнѣ однажды мой любезный Т *, въ разговорѣ о слогѣ молодыхъ нынѣшнихъ Писателей. . . . Конечно не хорошо, ежели улыбка *только* подъ перомъ; но есть случаи, въ которыхъ она бываетъ *на устахъ*, *на сердцѣ*, и въ которыхъ дозволено сказать объ ней.

горизонта. „Вотъ тотъ холмъ,“ говорилъ я самому себѣ въ восторгѣ духа: „вотъ тотъ монастырь, вотъ тотъ курганъ, вотъ та рѣчка, вотъ тѣ господскіе и крестьянскіе домики, вотъ тѣ хутора и вотъ наконецъ то мѣсто, гдѣ я хотѣлъ построить себѣ философскую хижину и жить съ милою (*)!“. . . Ахъ! уже въ третій разъ вижу его съ тѣхъ поръ, какъ возбудило оно въ душѣ моей пріятную мечту сію! . . Судьба не исполняетъ моего желанія. . . Она вѣрно смѣется надо мною и надъ моею *хижиною*, въ то время, какъ для другихъ строитъ пирамиды Египетскія! . . . Несправедливая! . . . за чѣмъ одному *все*, а другому *ничего*? . . Чтобы оправдать *слѣпоту* свою? . . Но я не забѣду на встрѣчу къ тебѣ вовѣки: покой и удовольствія любезнѣе для меня всякаго *слѣпца* на свѣтѣ!

Le repos eſt un bien lorsque notre ame eſt pure,
Et lorsqu'elle eſt ſensible, un champ peut l'attendrir;
D'un oeil indifférent qui peut voir la verdure,
N'était pas né pour le plaisir.

(*) Смотри Путешествіе въ Малороссію, No 2.

Сказалъ я съ Лагарпомъ, окинулъ взоромъ всю картину — всѣ сцены, которыя были передо мною, и возвратился — съ разными чувствами въ душѣ моей.

Садъ.

Я обѣдалъ у того Полтавскаго жителя, который давалъ балъ, описанный мною. — Онъ живетъ за городомъ или, лучше сказать, на краю города. Его не было дома; хозяйка обошлась со мною довольно ласково; за столомъ сидѣло человѣкъ пятнадцать — и *гостемъ* былъ, какъ казалось мнѣ, я одинъ.

Послѣ обѣда пошли въ садъ — три Нимфы и четвертый... какъ бы назвать себя?.. Фауномъ — обидно; Фаономъ — несправедливо... И такъ просто — я... Къ тому же эта буква милѣе другихъ буквъ — для меня и для каждаго.

Мы пришли въ галлерею — и тѣ самыя сцены, тѣ самыя картины, которыя такъ не давно восхищали меня, явились опять глазамъ моимъ. — „Ахъ! какіе виды!“ сказалъ я съ новымъ восхищеніемъ, взглянувъ быстро на спутницъ своихъ. — „Прекрасныя!“ сказали онѣ, и такъ же съ чувствомъ.

Удовольствїе, вкушаемое сердцемъ моимъ въ *объятїяхъ* Природы, было на этотъ разъ несравненно живѣе обыкновеннаго: она украсилась лучшимъ произведенїемъ своимъ, — любезнѣйшими существами на свѣтѣ... съ которыми говорилъ я о чувствахъ своихъ!....

Изъ галлереи вошли мы въ виноградную алею. — Представьте себѣ, какъ прїятно — не будучи на берегахъ Рейна или въ горахъ Швейцарїи — гулять по винограднымъ алеямъ! Я радовался какъ ребенокъ; щипалъ ягоды, которыя въ половинѣ Сентября были уже спѣлы совершенно — и получилъ изъ рукъ одной Нимфы цѣлую кисть... Нѣтъ никакой диковинки, ежели скажу, что ягоды въ этой кисти показались мнѣ гораздо слаще другихъ.

„Вотъ и цвѣты!“ сказалъ я — и подбѣжалъ къ парперу. Милыя спутницы мои начали срывать ихъ. — „Могу ли такъ же...?“ спросилъ я, кинувъ на парперъ выразительный взглядъ. — „Къ вашимъ услугамъ,“ отвѣчали мнѣ. Я сорвалъ три цвѣтка и поднесъ каждой Нимфѣ. Двѣ изъ нихъ тотчасъ поквитались со мною. — Какїе свѣжїе цвѣты! говорилъ я, любуясь подаркомъ своимъ...

„Такъ какъ вы“ — хотѣлъ примолвить — и замолчалъ.

Левкои.

„Узнайте подарокъ свой,“ сказалъ я одной изъ тѣхъ Нимфъ, которыя подарили меня цвѣтами, указывая на приколотые у меня ко фраку *левкои.* Это случилось на балѣ (*) черезъ день послѣ того, какъ я гулялъ съ *Нимфами* по саду.

„Какъ вы умѣете сохранять и бездѣлки!“ отвѣчала она съ гордою и вмѣстѣ ласковою улыбкою. Я еще хотѣлъ сказать что-то, но она, танцуя *Польской*, ушла съ кавалеромъ своимъ.

Слова ея и физїономїя, которую замѣтилъ я еще до этова, впечатлѣлись въ душѣ моей. Первыя подтвердили то, что показываетъ другая. . . Надобно конечно имѣть довольно хорошїй умъ, чтобы отвѣчать въ одну минуту такъ прї-

---

(*) Въ теченіе осьми дней, которые прожилъ я въ Полтавѣ, было, послѣ перваго, еще три бала: у Генералъ-Губернатора, у новой моей знакомки и у одного помѣщика въ селѣ, верстахъ въ шести отъ города.

ятно, такъ льстиво и такъ двусмысленно.

Я говаривалъ съ нею и прежде, но о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ; однакожь все была нѣкоторая интересность въ томъ, о чемъ говорила она: ея голосъ, взглядъ, улыбка . . . .

Скажите тонкое ласкательство молодой женщинѣ, заставьте ее немного прибѣгнуть *къ оборотамъ* ума — и тогда увидите, имѣетъ ли она его.

Я не возобновлялъ разговора *о левкояхъ* съ прелестною моею Нимфою, боясь сыграть въ глазахъ ея ролю *Селадона*. . . Вотъ дѣйствіе *истиннаго* чувства! . . Но признаюсь, что хотѣлъ бы быть *ея* Селадономъ, и поздравлю съ щастіемъ того, кто будетъ имъ по ея выбору.

Почтенное семейство.

Естьли бы я имѣлъ кисть *Августа Лафонтена* (*), то изобразилъ бы *кар-*

(*) Нѣмецкой Романистъ. Между прочими, вообще хорошими его романами, одинъ, подъ титуломъ: *Новыя семейственныя картины*, такъ живописенъ, такъ инте- . . . . . Вотъ что переводчица его на Французской, Гжа. Монтодьё, говоритъ

тину семейства, со всѣми оттѣнками со всѣми подробностями, со всею интересностїю, которыхъ требуетъ эта картина: я видѣлъ ее — и могу только простыми словами сказать объ ней.

Мнѣ чрезвычайно хотѣлось быть въ домѣ здѣшняго (*). Губернатора (который по случаю домашняго траура не давалъ у себя никакихъ праздниковъ) — не съ *визитомъ*: это былъ долгъ мой за ту благосклонность, съ которою обошелся онъ при первой встрѣчѣ со мною; но желалъ познакомиться съ семействомъ его, о которомъ говорили мнѣ такъ много прїятнаго — и желанїе мое исполнилось.

Почтенное семейство! .. Супруга, пожилая женщина и двѣ дочери, молодыя

объ Авторѣ въ предисловіи своемъ переведеннаго ею другова его романа, подъ титуломъ: *Деревня Лобенштеинъ*: „Лафонтенъ есть болѣе глубокой Моралистъ, нежели хорошїй Сочинитель романовъ; онъ разкрываетъ сердце человѣческое, проницаетъ до малѣйшихъ его изгибовъ и обнаруживаетъ тайныя причины дѣйствїй и мыслей съ такимъ искусствомъ, съ такою истиною, къ которымъ немногїе Писатели сближились.“

(*) Полтавскаго.

дѣвицы, составляли его. — Какая ласковость, какая любезность и какой примѣръ для дочерей со стороны матери! какая скромность, какая учтивость и какой образецъ со стороны дочерей для подобныхъ имъ! . . . Взаимная искренность, чистосердечіе, довѣренность — вотъ очевидной характеръ семействъ щастливыхъ!

Не было ни одного такого слова, ни одного такого обстоятельства, въ продолженіи пяти или шести часовъ, которое бы напомнило мнѣ обыкновенную *свѣтскую* вѣтреность, легкомысліе, неморальность; но разговоръ вели почти непрерывно, — шутили и смѣялись.

Я также въ свою очередь говорилъ много и охотно, по тому, что меня — слушали (*).

Тайное, особливое влеченіе сердца моего къ пріятностямъ такого общества, и ласки, которыми былъ я удостоенъ, до-

---

(*) Отъ чего у насъ вообще не умѣютъ говорить складно, пріятно, краснорѣчиво? — Отъ того, что не слушаютъ другъ друга; отъ того, что, сдѣлавъ вопросъ, не ожидаютъ отвѣта или ожидаютъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ.

великодушнымъ противъ меня на счетъ ея благополучія. Сверьхъ того могу ли я принять твое пожертвованіе? Честь запрещаетъ мнѣ жениться на такой дѣвушкѣ, которая вышла бы за меня по принужденію, и которой сердце уже не свободно." — Со временемъ она тебя полюбитъ. — „Нѣтъ! нѣтъ! отъ первой страсти никто еще совершенно не изцѣлялся. Дѣвица Фэрлисъ не первая, въ которую я влюбился; чувствую, что разсудокъ можетъ одержать верьхъ надъ склонностію довольно слабою. Но ты, котораго она любитъ, ты долженъ быть вѣрнымъ; естьли же оставишь ее, то будешь обольститель." — Обольстителемъ я никогда не буду. — „Вѣрю. Не дозволяй же обманывать себя ложному великодушію; прими щастіе, тебѣ предлагаемое." — Но отецъ мой? — „Ты получишь его согласіе. Прежде всего надобно тебѣ исполнить то, чего требуютъ отъ тебя чувствія Луизы; ты долженъ просить руки ея у матери. Въ теперешнемъ волненіи былъ бы ты не въ состояніи говорить съ нею. . ." — Такъ, я очень встревоженъ. — „Ты даже не можешь и писать. Я несравненно тебя спокойнѣе, и сочиню письмо, которое ты спиши и пошли къ ней; потомъ скажешь мнѣ, какимъ образомъ узналъ ты,

другое, тогда *было* такъ." — Вотъ общее и всегдашнее *повторенїе* романса жизни нашей!"

Такъ думалъ я, прощаясь томными глазами съ незабвенною Полтавою. . . Синяя завѣса воздуха скрыла ее — *и сердечный вздохъ* мой сказалъ ей послѣднее *прости!*

Иллократъ нашего времени.

И такъ я оставилъ *Полтаву* со вздохомъ — можетъ быть, и съ слезою. . . Однакожъ умѣренно жалѣйте обо мнѣ, друзья мои! . . Я не предавался унынїю моему, не питалъ его; щастливое обстоятельство не допустило меня къ тому: я возвращался *домой* съ *новобрачными*, которые также домой возвращались; дорога была намъ общая. . . Только *уединенїе* благопрїятствуетъ меланхолїи: кто *самъ-другъ*, тотъ не застрѣлится.

На пути нашемъ заѣхали мы въ одно славное здѣшнее селенїе — селенїе, въ которое прїѣзжаютъ изъ обѣихъ столицъ нашихъ, изъ всѣхъ городовъ и провинцїй.... Въ немъ живетъ *Иллократъ нашего времени* (*), который *своими* чудесами не

(*) М* Я* Т*** — въ *Сорочинцахъ.*

уступаетъ въ славѣ никакимъ на свѣтѣ, съ тою впрочемъ разницею, что они не *Калїостровы*, не *Шведенбурговы*, а самыя простыя, подобно *талисману* его, который ничто иное, какъ только ключь. . . къ Природѣ.

Онъ мнѣ знакомъ былъ давно. Я жилъ нѣсколько мѣсяцовъ въ этомъ селенїи; часто имѣлъ случай удивляться блестящимъ успѣхамъ его въ помощи больнымъ своимъ, а еще чаще удивлялся добродушїю его. . . . Я бывалъ свидѣтелемъ, съ какою торопливостїю оставлялъ онъ перо или книгу — чтобы выбѣжать къ больному поселянину, который не въ силахъ подняться съ телѣги; слыхалъ, съ какимъ человѣколюбїемъ уговаривалъ онъ страждущаго къ терпѣнїю; видалъ, съ какимъ попеченїемъ входилъ онъ въ состоянїе его; давалъ совѣты и лекарства безъ всякой платы — кромѣ сердечныхъ благословенїй, которыми осыпаются всѣ дни его — и тогда же излилъ чувства души моей слабыми стихами (*).

(*) Смотри въ книгѣ: *Плодъ свободныхъ чувствованїй*, Часть 1, пїесу: *Истинный Благодѣтель.* — Она была первенецъ моего — *таланта*!!

Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось увидѣть его. Мы пріѣхали очень поздно; надлежало ожидать утра: за то первый новый предметъ по утру. . . былъ *онъ*.

Ахъ! какъ я ему обрадовался! . думалъ, что онъ не узнаетъ меня, но ошибся: съ живѣйшимъ движеніемъ пожалъ онъ руку мою; сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ самыхъ обязательныхъ; а всего для меня было пріятнѣе видѣть, что онъ черезъ восемь или девять лѣтъ ни въ чемъ почти не перемѣнился. Не смотря на глубокую его старость, — умъ, память, лицо, такъ еще свѣжи у него, что невѣроятно: слѣдствіе единакаго образа жизни до самыхъ мѣлкихъ ея подробностей. . . Онъ совѣтуетъ обыкновенно *и больнымъ своимъ* вести жизнь, сколько можно единообразнѣе. . . Горе намъ, ежели не слушаемся такого совѣта!

„Самое время чтитъ вашего супруга," сказалъ я женѣ его, бывъ у него въ домѣ: „не смѣетъ прикасаться къ нему для утѣшенія рода человѣческаго. . . съ которымъ впрочемъ поступаетъ оно такъ нещадно!" — Она встревожилась; съ видомъ неудовольствія посмотрѣла на меня — на него — потомъ опять на меня, и сказала нѣсколько *суевѣрныхъ* словъ. . .

думаю, все притворно — для шутки. Онъ молчалъ, улыбался — и отъ чистаго сердца, конечно.

Люди извѣстныхъ достоинствъ похожи всѣ. . . на Лафонтена.

Вечеръ у К К**.*

Видъ этова селенія не соотвѣтствуетъ славѣ его. Жаль!.. Взоръ съ трудомъ находитъ *деревянную* кровлю: все соломенныя, и представляютъ болѣе *гумно*, нежели человѣческое жилище.

Какъ желательно, чтобы были здѣсь покойные и хорошенькіе домики для пріѣзжающихъ лечиться! Вмѣстѣ съ пользою, это украсило бы и селеніе, которое, кажется, *должно* быть красиво.

Многіе даже выговариваютъ славному его жителю, для чего онъ не выстроитъ ихъ на свой коштъ, прибавляя къ тому, что съ доставленіемъ выгоды больнымъ своимъ, онъ находилъ бы въ томъ новую и для себя. — Отвѣтъ его на это, какъ сказывали мнѣ, коротокъ: „не хочу лишить жителей дохода ихъ, а себя утѣшенія, что я имъ полезенъ“... „Сношу всю невыгоду дурной *квартиры* и уважаю столь священную причину!“ скажетъ другъ добродѣтели.

Кто не поѣдетъ лечиться къ такому безкорыстному Лекарю?.. И не смотря на *невыгодныя квартиры*, здѣсь во всякое время года множество пріѣзжихъ, больныхъ и здоровыхъ, и бываетъ очень весело.

Извѣстно, что въ такомъ мѣстѣ знакомятся весьма скоро: всѣ *этикеты*, подобно нарядамъ, оставляются; все просто, какъ одежда, и общая цѣль дѣлаетъ все какъ-то общимъ. Особливо весною и лѣтомъ здѣсь весело чрезвычайно: непрестанно гуляютъ, другъ отъ друга переходятъ, другъ друга ищутъ; новыя лица встрѣчаются ежедневно, и проч. и проч.

Мы нашли здѣсь К* Б* А* К* (*). Я поблагодарилъ случаю за чувствительную для меня услугу; ибо желалъ увидѣться съ симъ любезнымъ молодымъ человѣкомъ отъ всего сердца; вошелъ къ нему безъ всякаго предувѣдомленія, и удивилъ его...

Узнавъ о моемъ обществѣ — о *новобрачныхъ*, довольно знакомыхъ людяхъ ему, онъ пришелъ къ нимъ на квартиру и пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать. — Съ нимъ были еще два молодыхъ человѣка, сотоварищей уединенія его, на которое осудило

(*) Сына здѣшняго Генералъ-Губернатора.

его въ то время слабое здоровье, и. . . *гусарской Офицеръ* мой былъ тутъ же.

Ввечеру сѣли играть въ карты — кромѣ хозяина и меня. Дамы наши позволили намъ курить трубки, до которыхъ нашлись мы всѣ охотниками. — Между тѣмъ любезный хозяинъ читалъ мнѣ *Журналъ* свой, которой пишетъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Малороссію. Я слушалъ съ большимъ удовольствіемъ, и скажу искренно, что ежели этотъ молодой человѣкъ будетъ упражняться въ Литтературѣ съ порядкомъ и методою, то успѣетъ въ ней безъ сомнѣнія. — Онъ пишетъ на Французскомъ; все одно: научась слогу на иностранномъ языкѣ, не трудно со временемъ писать и на своемъ.

Послѣ того игралъ онъ на скрыпкѣ, на гитарѣ и пѣлъ (*).

Я взглянулъ на чернилицу, на бумагу, которыя были передо мною на столикѣ; задумался и . . . начертилъ слѣдующее:

Богъ съ вами, милыя *Цирцеи*!
Осмѣлюсь думать, что подчасъ

(*) Я говорилъ о мастерствѣ его на скрыпкѣ (См. *Путешествіе въ Малороссію*); могу прибавить къ тому, что онъ и поетъ очень пріятно.

Наскучатъ *розы* и *лилеи*,
И . . . можно не грустить безъ васъ!
Такъ, можно трубками, Бостономъ —
Дымя и хлопая объ столъ —
Веселымъ разговоровъ тономъ,
(Кто ввѣкъ угрюмъ, тотъ, знайте, золъ!)
Гитарой, скрыпкою и пѣньемъ,
Стиховъ иль прозы громкимъ чтеньемъ
Пріятно вечеръ проводить . . . .
„Но только вечеръ, два, недѣлю —
А тамъ придется загрустить!"
Сказало сердце . . . . Пустомѣлю
Никакъ я слушать не хотѣлъ . . . .
Но, ахъ! огонь подъ пепломъ тлѣлъ! . . .
Къ побѣдѣ вѣрной надо мною
Назвало сердце мнѣ *ее*,
И . . . вдругъ я пріунылъ душою . . .
Виюсь: нѣтъ щастья безъ *нее*!

Прощаніе.

Ничего нѣтъ въ мірѣ тяжелѣе слова *прости*, и ничего нѣтъ притомъ необходимѣе его въ жизни нашей!.. Съ какимъ чувствомъ выговариваетъ *прости* страстный любовникъ предмету души своей; нѣжный другъ второй половинѣ существа своего, и наконецъ каждый человѣкъ свѣту сему!.. Сколько еще дру-

гихъ случаевъ, гдѣ тиранствуетъ надъ сердцами слово это!.. Ахъ! какъ я не люблю его! Самое равнодушное *прости* для меня мука!

Думаю, что отвращенїе мое къ этому слову не есть обыкновенное, а слѣдствїе какой нибудь особливой организацїи моего сердца. . . Тѣмъ хуже для меня! — Впрочемъ можно сказать съ Жан-Жакомъ: l'averſion contre tout ce qui trouble & combat nos plaiſirs, eſt un mouvement naturel.

Мы прожили въ новомъ Эпидаврѣ (*) гораздо болѣе, нежели какъ намѣрены были — то есть, намъ было гораздо веселѣе, нежели какъ мы думали; а въ такомъ случаѣ размѣръ времени не бываетъ вѣренъ. . . въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего; но въ противномъ ему. . . ахъ! какъ несносно ошибиться! . . Какъ несносно *брать* шляпу въ самое то время, когда надѣялся забыть, что есть шляпы на свѣтѣ! . . . Сколько разъ Дельфира заставляла меня испытывать жестокой оборотъ этотъ! сколько разъ! . . Перестанемъ объ ней; она заведетъ меня и здѣсь — въ свой Лабиринтъ, которой стоитъ Дедалова!

(*) Мѣстопребыванїе Ипократа древности.

Напослѣдокъ въ одинъ день и почти въ одинъ часъ всѣ мы разъѣхались — въ разныя стороны: К * К *, съ двумя своими компаньйонами и милымъ моимъ гусарскимъ Офицеромъ, въ Полтаву; а я съ своимъ обществомъ — то есть, съ новобрачными, въ Роменъ, который долженствовалъ быть мѣстомъ разлуки моей съ ними.

Ихъ ласки, любезность и время, проведенное мною вмѣстѣ съ ними, сдѣлали разлуку сію для *привязчиваго* сердца моего весьма — весьма чувствительною!

Переводъ изъ Гельвеція.

Разныя обстоятельства и случаи, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, сближали меня, болѣе или менѣе, съ зрѣлищемъ страстей человѣческихъ, которыя по этой причинѣ сильно дѣйствовали на чувства мои.

Я видѣлъ, можно сказать, на сценѣ корыстолюбіе, тщеславіе, гордость, любочестіе и проч. и проч.; прилѣжно разсматривалъ характеры ихъ со всѣми изгибами и оттѣнками; разсуждалъ о пушяхъ и предметѣ ихъ, о вредѣ и пользѣ, о славѣ и посрамленіи... дивился и унывалъ, грустилъ и веселился. . . . Такъ,

на сценѣ страстей человѣческихъ сердце зрителя соединяетъ чувства самыя противоположныя въ Природѣ! . . . и — ничего нѣтъ простѣе и понятнѣе сего. . . . Списываю Гельвецїеву *картину страстей* въ замѣну *подлинника*, который бы собственная кисть моя изобразила весьма несовершенно.

„Страсти въ Морали суть то же, что движенїе въ Физикѣ; оно творитъ, уничтожаетъ, сохраняетъ — все, и безъ него все мертво: подобнымъ образомъ страсти оживляютъ моральный мїръ.

„Скупость управляетъ кораблями на грозномъ Океанѣ; гордость возвышаетъ равнины, уравниваетъ горы, возноситъ Мемфискія пирамиды, искапываетъ Мередское озеро и сооружаетъ колоссъ Родосскїй.

„Любовь, говорятъ, очинила карандашъ первому живописцу. Въ странахъ куда Откровенїе не достигло еще, любовь, питая горесть злополучной вдовы, лишившейся обожаемаго супруга, открываетъ ей систему безсмертїя души. — Энтузїазмъ благодарности включилъ въ число боговъ благодѣтелей человѣчества.

„Единственно страстямъ сильнымъ обязаны мы изобрѣтенїемъ и чудесностїю всѣхъ искусствъ. Онѣ долженствуютъ

быть почитаемы первою причиною дѣйствій разума и могущественною пружиною, которая ведетъ людей къ дѣламъ чрезвычайнымъ.

„Только однѣ страсти въ высочайшей степени могутъ производить великое, презирать опасности, мученія, смерть и. . . самое небо.

„Дицеархъ — Генералъ Филипповъ — возвышаетъ въ присутствіи арміи своей два жертвенника — одинъ Невѣрію, другой Несправедливости; дѣлаетъ на нихъ жертвоприношенія — и идетъ противъ Цикладовъ.

„Нѣсколько дней прежде убійства Цесаря, супружеская любовь, соединенная съ страстію благородной гордости, заставляетъ Порцію разрѣзать себѣ лядвею. Показавъ рану своему супругу, она говоритъ ему: „Брутъ! ты помышляешь о великомъ намѣреніи, и скрываешь его отъ меня. До сихъ поръ я не дѣлала тебѣ ни одного нескромнаго вопроса; знала однакожь, что полъ нашъ, самъ въ себѣ слабый, укрѣпляется въ сообществѣ мужей добродѣтельныхъ; что я дочь Катонова и жена Брутова; но робкая любовь моя дѣлала меня недовѣрчивою къ моей твердости... Теперь ты видишь

денъ, повторяя всѣмъ своимъ знакомымъ, что изъ исторіи зятьевъ ея можно сдѣлать прекрасной романъ, или самую трогательную Драму. Холодная и премудрая Луиза была во всю жизнь свою неукоризненною и щастливѣйшею супругою, и Вердакъ замѣчалъ, что его блаженство опровергаетъ пословицу, которая говоритъ, что браки, заключаемые по любви, всегда бываютъ нещастливы. Юлія, имѣя склонность къ кокетству и проискамъ, часто была неосторожна, вѣтрена, легкомысленна. Блистательный Фонрозъ въ продолженіе многихъ лѣтъ не рѣдко подавалъ ей поводы къ ревности, и самъ былъ очень ревнивъ. Много разъ, среди сихъ домашнихъ бурь, завидовали они судьбѣ *любовниковъ безъ любви*, которыхъ хитростями своими соединили.

II.

О нравахъ, обыкновеніяхъ и забавахъ Португальцевъ.

Путешественники, говоря о націи Португальской, ни въ чемъ столько не розвлекся, какъ въ ихъ характерѣ. Большая часть отзывается о нихъ весьма невы-

его . . . Катонъ живъ — и Римъ свободенъ (*)!"

„Въ какой странѣ сія добродѣтельная любовь къ отечеству не производила дѣлъ геройскихъ? — Одинъ Китайскій Императоръ, преслѣдуемый побѣдоносным оружіемъ своего подданнаго, желалъ воспользоваться суевѣрнымъ почтеніемъ, которое въ землѣ сей имѣетъ сынъ къ повелѣніямъ матери — чтобы принудить подданнаго сего положить оружіе. Онъ посылаетъ къ матери его одного изъ своихъ Офицеровъ, который входитъ къ ней съ кинжаломъ въ рукѣ, и говоритъ ей: *избирай — смерть, или повиновеніе...* „Что!" перерываетъ она съ горестною улыбкою слова его: „Государь твой льститъ себѣ, что я не знаю тайныхъ, но священныхъ условій, которыя соединяютъ народъ со владѣтелемъ, и черезъ которыя народъ обязывается къ повиновенію,

(*) Тотъ самый Катонъ, который, удалясь въ Утику, отвѣтствовалъ принуждающимъ его совѣтоваться съ Оракуломъ Юпитера Аммона: „Оставимъ Оракуловъ женщинамъ, трусамъ и невѣждамъ. Человѣкъ мужественный умѣетъ жить и умереть самъ собою; онъ предстаетъ равномѣрно участи своей, знаетъ ли ее или не знаетъ."

спрашиваетъ о состоянїи семейства своего собрата, доноситъ о здоровьѣ своихъ домашнихъ и разстается не иначе, какъ по увѣренїи: „estoy a seus ordens seu criado, я въ вашихъ повелѣнїяхъ, вашъ слуга.“ Они въ разговорахъ наблюдаютъ благопристойность и стараются красно изъясняться; не употребляютъ никакихъ безразсудныхъ клятвъ, никакихъ словъ соблазнительныхъ, изключая черни самаго низкаго класса.

Многїе упрекаютъ ихъ въ сребролюбїи; но сїя укоризна основывается только на томъ, что они мало издерживаютъ денегъ на домашнїя потребности и не прилѣпляются къ роскошной жизни. Португальцы не скупы ни въ разсужденїи себя самихъ, ни въ отношенїи къ другимъ. Они желаютъ только нужнаго, не болѣе, и потому умѣренно ведутъ себя съ посторонними. Кто, посѣтивъ домъ Португальца, будетъ судить объ угощенїи по сравненїю съ обыкновенїями сѣверной Европы, тотъ весьма ошибется; тутъ не видно ни излишней пышности, ни недостатка. Неимущїй, чужестранецъ или единоземецъ, всегда можетъ быть увѣренъ въ пособїи. Въ южной Португалїи находится много постоялыхъ домовъ, въ которыхъ содержатель обязанъ имѣть

телей наукъ въ Египетъ, Еѳіопію и до самой Индіи — чтобы видѣть славнѣйшихъ Философовъ, и почерпнуть въ обращеніи съ ними правила ихъ науки.

„Какое владычество сія страсть ко славѣ имѣла надъ Демосѳеномъ, который — для того, чтобъ усовершенствовать выговоръ свой — приходилъ всякой день на берегъ моря говорить, набравъ полонъ ротъ камушковъ, съ шумящими волнами! — Она же заставила Демокрита (*), для избѣжанія разсѣянности свѣта, заключиться между гробницами, и искать сихъ великихъ истинъ, которыхъ открытіе всегда столь многотрудно и всегда столь мало уважаемо людьми. — Наконецъ она же рѣшила Гераклита уступить престолъ Эфесской меньшому брату своему, для того, чтобъ предаться совершенно Философіи.“

Вы ожидали, думаю, картины однѣхъ страстей ужасныхъ? . . А я тѣмъ охотнѣе списывалъ эту, что она представляетъ интересное смѣшеніе бѣдственныхъ и щастливыхъ страстей.

(*) Демокритъ былъ богатъ, но онъ не думалъ быть отъ того въ правѣ презирать умъ и жить въ уважаемой глупости.

Стихи.

Нечаянное путешествіе мое продолжалось болѣе мѣсяца. — Оно много имѣло для меня пріятнаго; но возвращеніе въ милое семейство моего любезнаго хозяина было для меня еще пріятнѣе. —

И въ самомъ дѣлѣ я возвратился въ семейство его такъ точно, какъ въ свое собственное. Чувства мои отдыхали въ немъ на всякомъ предметѣ — отдыхали отъ усталости физической и моральной. Самыя малютки (*) служили мнѣ какимъ-то цѣлебнымъ бальзамомъ: я возобновилъ съ ними рѣзвости мои, за которыя дѣти обыкновенно любятъ взрослыхъ, которыми и нѣжный Вертеръ нашелъ любовь ихъ, и при которыхъ всегда думаю о Вертерѣ — думаю съ чувствомъ живѣйшей грусти, нежели при взглядѣ на *листолеты*. . . Они прекратили страданія злополучнаго.
Тамъ гробъ его — лице руками закрываю,
и. . . всему конецъ!

Щастливъ тотъ, кто находитъ подъ чуждымъ кровомъ любовь искреннюю, и въ нѣдрахъ семейства людей сторон-

(*) Дѣти моего хозяина.

нихъ наслаждается покоемъ и удовольствіями! — —

Помышляя напослѣдокъ о собственномъ кровѣ и семействѣ — о возвращеніи къ Пенатамъ родины и друзьямъ любезнѣйшимъ, я сталъ разбирать и приводить въ порядокъ бумаги свои. Вдругъ попадаются стихи — читаю, и сердце мое взволновалось. . . . Ахъ! они привели мнѣ на мысль достопамятный случай въ жизни моей. . . . Перемѣняю судьбу ихъ: вмѣсто *портфёля*, они будутъ здѣсь, подобно предмету ихъ въ душѣ моей, — здѣсь, въ сліяніи съ другими ея чувствами. . . . .

Стихи

Къ * * *.

Пусть *щастья* ввѣкъ я не познаю,
Когда не искренно тебѣ,
Не съ пламенной душей желаю
Найти *его* въ своей судьбѣ!
Ахъ! естьли розами усѣетъ
Судьба весь путь твой въ жизни сей,
И мрачны облака развѣетъ
Сіяньемъ радостныхъ лучей,
Никто судьбой твоей не будетъ —
Никто доволенъ такъ, какъ я! —
Пускай меня мой рокъ забудетъ;

Пусть жизнь въ тоскѣ течетъ моя:
Но *сердцу милая щастлива*! . .
Я скрою грусть, печаль его. . . .
Ахъ! горесть сердца молчалива! . .
Оставимъ слезы для него!
Пусть ноетъ долго . . . . перестанетъ;
Печаль и грусть его пройдетъ;
Или для щастья ввѣкъ увянетъ,
Иль вновь для щастья разцвѣтетъ!

Вѣеръ.

Продолжая разбирать бумаги и другія вещи мои, нахожу *вѣеръ*, мною во время страшныхъ жаровъ злѣшнихъ въ подарокъ полученной. . . Нужно ли сказывать, что отъ дамы? . .

Но вѣеръ изъ рукъ дамы любезной — дѣло самое опасное! Прохлаждая жаръ лица, онъ нечувствительно раздуетъ огонь сердца. . . Ахъ! пусть лучше пылаютъ щеки мои, нежели. . . оправдается мысль о сходствѣ вѣера съ женщиною! . . .

Къ нещастію, на моемъ, исписанномъ вокругъ стихами, есть одни, которые говорятъ прямо жестокую истину:

Le plus charmant amour
Eſt celui qui commence
Et finit un jour!

А вотъ другіе, которые служатъ доказательствомъ слѣдствія *вѣрной сентенціи*:

Quand je jouais un air nouveau,
Ausſitôt ma bergere
Venait au ſon de chalumeau
Unir ſa voix légere.
A préſent je forme en vain de ſons;
J'ai fait des vers exprès pour elle,
Et l'infidelle
Chante d'autres chanſons.
De porter mon premier bouquet
Delphire était si fiére,
Qu'elle en a paré ſon corſet
Une ſemaine entiere.
Je lui donne aujourd'hui des barbeaux,
Sous ſon mouchoir elle les cache,
Et les arrache
En voyant mes rivaux!

Легко можно догадаться, что послѣдніе стихи сіи написаны мною (не сочинены, но только написаны) — и не безъ причины!.. Единственнымъ утѣшеніемъ моимъ было прочесть ихъ той, которая сдѣлала мнѣ этотъ роковой подарокъ. Она улыбалась, слушая ихъ; и въ самую ту минуту, какъ ожидалъ я чего нибудь въ пользу свою, она стала хвалить стихи... такъ искренно, такъ усердно,

что я — въ отмщенїе ей, или себѣ — точно не знаю — въ глазахъ ея присоединилъ еще къ нимъ — *исторїю любви* (*)...

Видя, какъ прелестныя играютъ вѣерами и не допускаютъ разгорѣться прекраснымъ щочкамъ своимъ, посредствомъ сихъ неодушевленныхъ Зефировъ, размышляешь о судьбѣ своей и . . . .

Кажется, что употребленїе вѣеровъ выдумано благодѣтельнымъ Генїемъ мужчинъ — для осторожности ихъ при взглядѣ на столь выразительную эмблему.

(Окончанїе вмѣстѣ съ тѣмъ, что помѣщено въ Меркурїѣ, будетъ напечатано особливо.)

III.

Къ К И* Е — ой* (**).

Ахъ! вѣрю щастью душъ въ раю, на небесахъ!..
Онѣ гармонїи плѣнительной внимаютъ;
И въ Ангельскихъ всегда сладчайшихъ голосахъ,
Подобныхъ твоему, утѣхи почерпаютъ!

К. Ш — въ.

(*) Стихи изъ сочиненїй И * И * Д *.

(**) Авторъ слышалъ, какъ она пѣла въ концертѣ — слышалъ и восхищался.

IV.

БЫВАЛО.

Бывало утро начинаю
Бесѣдой съ Настинькой моей;
Часовъ никакъ не примѣчаю
Бывало въ разговорахъ съ ней;
Бывало съ Настинькой любезной
Простая пища для меня
Казалась райскою, небесной —
Амброзіей питался я;
Бывало въ полдень на колѣняхъ
У нѣжной Настиньки моей,
На зелени въ прохладныхъ тѣняхъ
Смежитъ глаза мои Морфей;
Бывало съ Настинькой гуляю
Въ пріятный вечеръ по лугамъ;
Вывало душу открываю
Предъ нею безъ помѣхи тамъ;
Бывало прелести Природы
Прелестнѣе казались съ ней. . .
Ахъ! сладостной въ любви свободы
За щастье кто отдастъ Царей!..
Бывало съ Настинькою двое
Въ любезной сердцу тишинѣ. . . .
Увы! теперь ужь все иное! . .
„Теперь — Судьбы сказали мнѣ —
Одинъ съ сердечною тоскою
И день и ночь препровождай;
Безмолвно слезною рѣкою
Лишь грусть изъ сердца изливай!“

К. Ш — въ.

V.

СКРОМНОСТЬ.

Когда Юпитеръ взялъ на мысль распредѣлить,
По щастью, между нами
Для добродѣтелей мѣста съ чинами,
То Скромность, *яблоко* бывъ въ правѣ получить,
Стояла въ уголку; объ ней не помышляли,
Ее и не видали.
„О ты, которая любезностью своей
Всегда мила сердцамъ!“ сказалъ Юпитеръ ей:
„Тебѣ ужь мѣста не достало,
Но не жалѣй о томъ ни мало;
Будь добродѣтелей подругою иныхъ,
И возвышай ты цѣну ихъ!“

Съ Французскаго — К. Ш — въ.

VI.

РОМАНСЪ.

Съ Французскаго: Je suis natif d' Angleterre.

Я въ Англіи на свѣтъ родился,
И странствую по всѣмъ мѣстамъ;
Тоску души разсѣять льстился —
Тоска за мною по слѣдамъ.
Она въ душѣ моей таится;
Я страстью пагубной горю.

Въ минуту разумъ мой затмится,
Когда объ ней заговорю.

*

Подъ бѣдственнымъ небесъ вліяньемъ
Даръ жизни мною полученъ;
Моимъ печальнымъ состояньемъ
Навѣкъ я съ щастьемъ разлученъ.
Я раненъ былъ любви стрѣлами
Еще во цвѣтѣ юныхъ дней,
И подъ сѣдыми волосами,
Увы! ношу знакъ раны сей!

*

Давно, оставя край свой милый,
Влачу я цѣпь въ чужой странѣ. —
„Къ инымъ народамъ духъ унылый
И грусть неси,“ сказали мнѣ:
„Тамъ кончатся твои печали;
Тамъ въ мирѣ, въ радости живи!“
Пришелъ... и чтожь? смѣяться стали
Надъ бѣдной жертвою любви.

*

О вы, которые цвѣтами
Любви красуетесь всегда!
Страшитесь, чтобъ тоски слезами
Не окропить ихъ иногда!
Страшитесь мукъ любви нещастной,
И сожалѣйте... ахъ! о томъ,
Кто, розы не сорвавъ прекрасной,
Уколотъ злымъ ея шипомъ!

VII.

К Ъ Л Ю Б В И.

Причина горестей, бесчисленныхъ мученій,
Источникъ радостей, небесныхъ наслажденій,
Огнь, воспаляющій всѣ чувства, сердце, кровь,
Стихія нѣжныхъ душъ — всесильная любовь!
Напрасно я тебя въ груди моей питаю;
И тщетно пламенемъ твоимъ горю, пылаю;
Мнѣ нѣтъ въ тебѣ отрадъ; безъ пользы слезы лью,
И безъ надежды я жестокую люблю:
Но вольность потерявъ, свободнымъ быть страшуся;
Грущу безъ ропота, и — жизнію клянуся,
По самый гробъ, Любовь, одной тобой дышать;
По самый гробъ мою Эльвиру обожать.
Коль можешь, умножай мои страданья злыя;
Губи мои лѣта цвѣтущія, младыя:
Испытывай меня .... я все готовъ сносить:
Не чувствовать тебя есть тоже, что не жить.

* *

VIII.

О боѣ быковъ въ Гишпаніи.

Письмо изъ Барцелоны, 16 Декабря 1803 года.

. . . . . Я ходилъ смотрѣть бой быковъ. Дамы Гишпанскія предпочитаютъ эту забаву всѣмъ прочимъ; а простой народъ продаетъ не только послѣднія свои рубашки, но даже и ремесленныя орудія, чтобы имѣть чѣмъ заплатить за входъ въ циркъ. Сей циркъ, или амфитеатръ помѣщаетъ 15 тысячь зрителей. Такое многочисленное собраніе представляетъ великолѣпный видъ. Всѣ сидятъ на скамьяхъ, устроенныхъ одна выше другой, чтобы всѣмъ была видна средина, которая есть много сраженія. Семеро пѣшихъ, дротиками вооруженныхъ людей, и трое конныхъ съ копьями являются на сценѣ для сраженія съ быками, которыхъ выпускаютъ по одиначкѣ. Какъ скоро одного убьютъ, тотчасъ выгоняютъ другаго. Чѣмъ злѣе быкъ, чѣмъ болѣе причиняетъ вреда людямъ и лошадямъ, тѣмъ болѣе народъ изъявляетъ удовольствіе громкими рукоплесканіями и смѣхомъ. Естьли по нещастію разъяренное животное ранитъ кого нибудь смертельно, тогда, нарочно для такихъ случаевъ, находя-

тонова, которая, для забавы будущихъ поколѣнїй, представляетъ и будетъ представлять послѣднюю степень учебнаго суемудрїя — злѣйшаго, нежели человѣческое невѣжество. Но не довольно быть самому увѣреннымъ — нѣтъ, надобно и Публику увѣрить въ истинѣ." и проч. — Сїю увѣренность въ Публикѣ должна произвести упомянутая книга, въ которой, по свидѣтельству Мерсье, собраны всѣ возраженїя и опровержены сильными, неоспоримыми доводами.

Письмо заключено слѣдующими словами: „О какъ утѣшительна истина! какъ я возхищаюсь, *поймавъ* заблужденїе въ самомъ его началѣ! какъ оно смѣшно и нелѣпо! Теперь перестанемъ шутить и смѣяться надъ Ирокезцами; мы сами съ непонятнымъ невѣжествомъ, съ ребяческимъ легкомыслїемъ вѣримъ, что *земля обращается на своей оси и совершаетъ путь около солнца.*"

Нападенїя сего Автора на Астрономїю и Математику уже извѣстны изъ другихъ, вышедшихъ въ свѣтъ, его сочиненїй, въ которыхъ упоминаемая имъ пещера на земномъ шарѣ, шутки на щетъ плаванїй вокругъ Свѣта, называемыхъ имъ сказками, и прочїя мнѣнїя сего рода показываютъ пустословїе и не-

вкусомъ, а ихъ самихъ легко можно узнать по богатству и щегольскому платью.

Не одни придворные вѣтреники одержимы болѣзнїю, или; лучше сказать, бѣшенствомъ разоряться съ сими женщинами. Славная Миссъ Китти Фишеръ получила въ началѣ нынѣшней зимы легкую простуду, которая не дозволила ей принимать посѣщенїй. Швейцаръ ея въ одинъ день представилъ ей визитные билеты шести Перовъ Королевства и столькихъ же Членовъ Нижняго Парламента. — Миссъ Китти есть кумиръ, которому покланяются теперь всѣ мущины. Объ ней разсказываютъ многїе довольно странные анекдоты. На примѣръ: она не давно ввела въ моду разливать чай въ ложѣ во время спектакля; въ первой разъ сїя новость произвела ропотъ, но рукоплесканїя заглушили его, и скоро къ этому привыкли. Ей захотѣлось въ Февралѣ земляники, которая нашлась только у одного славнѣйшаго Лондонскаго садовника, и ее набралось не болѣе самой маленькой корзинки, за которую садовникъ потребовалъ 20 гиней (около 200 рублей). На сїю сумму можно бы купить столько земли, чтобы посаженною на ней земляникою продо-

вольствовался цѣлой городъ; но Миссъ Китти заплатила 20 гиней, не торговавшись. — Въ Англіи, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ, купцы просятъ много лишняго за продаваемые товары, но здѣсь не торгуются: *это не въ тонѣ*.

IX.

Парижскія моды.

Лучшій костюмъ для щеголихи, хотя бы ей было 50 лѣтъ, есть такъ называемый дѣтскій (à l' enfant): надобно, чтобы волосы были острижены по-дѣтски, чтобы платье было сшито по-дѣтски, чтобы башмаки были по-дѣтски; хотя *нѣсколько* и трудно имѣть дѣтскій станъ и ноги. Вся мудрость состоитъ теперь въ искусствѣ надѣвать поясъ, которой есть ничто иное, какъ бѣлая лента, съ небреженіемъ завязанная въ низу таліи. Горничная дѣвушка, умѣющая мастерски завязывать такой поясъ, есть рѣдкость неоцѣненная; и первое, о чемъ спрашиваютъ теперь у нанимающихся горничныхъ, есть то: *умѣешь ли ты одѣвать по-дѣтски?*

Петиметръ не можетъ нынѣ показаться *въ серклѣ*, не имѣя кармановъ на-

полненныхъ конфектами; это старинная мода, которая воскресла, можетъ быть, на недѣлю. Но такъ, какъ на все есть этикетъ, то любезныхъ женщинъ подчиваютъ только особливаго названія лакомствами, каковы на примѣръ фисташки *а ла фаншонъ*, *завтраки любви* и проч.

Рогатыя шляпы нашихъ модниковъ уменьшились тремя пальцами во всѣхъ измѣреніяхъ, хотя и теперь имѣютъ еще болѣе, нежели порядочную величину. Нѣтъ уже на нихъ плоскихъ петлицъ и черныхъ пуговицъ; мода требуетъ нынѣ петлицъ, свитыхъ изъ золотаго снурка, и плетеныхъ золотыхъ же пуговицъ.

Въ числѣ полезныхъ исправленій модныхъ фраковъ достойно примѣчанія пониженіе воротниковъ сзади и спереди. Симъ способомъ избѣгнутъ наши щеголи безпрестаннаго тренія шляпы объ воротникъ, которое было очень непріятно и безпокойно. — Сверьхъ того шея спереди кажется не такъ уже глубоко вдавленною въ плеча, и движенія головы сдѣлались гораздо свободнѣе. — Дай Богъ, чтобъ и бѣдному мозгу была отъ этого какая нибудь выгода!!

Лебяжій пухъ вышелъ уже изъ моды. Женскія шляпки по большой части бѣлыя, ленты бархатныя. Простыя платья

шьютъ изъ крепа или дымки, амарантоваго, лиловаго, розоваго и небесноголубаго цвѣтовъ, изъ бѣлаго атласа.

X.

Волтеровы мысли.

Выбранныя изъ его писемъ.

Надобно стараться только о томъ, чтобы жить съ самимъ собою и съ друзьями, а не искать химерическаго бытія въ умѣ прочихъ людей. Щастіе и нещастіе имѣютъ дѣйствительное существованіе; но слава есть сонъ.

Дни слишкомъ коротки; надлежало бы ихъ удвоить для ученыхъ людей.

По моему мнѣнію не было, нѣтъ и не будетъ въ свѣтѣ ни одного человѣка, которой бы заслуживалъ, чтобы объ немъ написать два тома въ четвертку. Не все то, что сдѣлано, достойно быть написано.

Отъ людей, предводительствовавшихъ арміями, осталось одно только имя. Сто сраженій не приносятъ ни малѣйшей пользы роду человѣческому. Я думаю, что великіе люди должны итти впередъ, а Герои позади. Великими людьми называю я всѣхъ тѣхъ, которые превосходство-

вали въ полезномъ, или пріятномъ. Опустошители областей суть только Герои.

Всякой человѣкъ, хотя мало извѣстный публикѣ, можетъ быть увѣренъ, что его оклеветутъ. Вотъ преимущество, которымъ я давно уже пользуюсь!

Споры между учеными людьми служатъ только къ тому, чтобы глупцы надъ ними смѣялись, и еще къ безчестію талантовъ, которые надлежало бы сколько можно сдѣлать достойными уваженія.

Кто хочетъ написать что нибудь хорошо, тому не надобно спѣшить. Воображеніе упрямится, когда станешь его слишкомъ принуждать.

Какъ люди несправедливы! они наказываютъ какъ злодѣя того человѣка, который хотѣлъ угодить имъ, но не успѣлъ въ томъ.

Многочисленность законовъ въ государствѣ означаетъ то же самое, что и многочисленность врачей: болѣзнь и слабость.

Люди, одаренные сильнымъ воображеніемъ, говорятъ съ деспотическою властію; невѣжды и слабоумные слушаютъ ихъ съ рабскимъ удивленіемъ — умные изслѣдываютъ ихъ рѣчи.

Люди ошибаются; великіе люди признаются въ своихъ ошибкахъ.

Какъ легко и скоро дѣлается зло! а добро какъ медленно!

Клевета всегда оставляетъ по себѣ рубцы, естьли не раздавишь скорпіона на ранѣ, имъ сдѣланной.

Хорошіе стихи суть только тѣ, которые можно безъ скуки перечитывать, и которые невольно остаются въ памяти.

Лѣнивцы суть всегда посредственные люди, въ какомъ бы родѣ ни было.

Я люблю Литтературу для нее самой. Она всегда будетъ мнѣ мила, не смотря на враговъ, которыхъ я отъ нее себѣ нажилъ. Но не ужели должно перестать любить вкусные плоды за то, что змѣи хотѣли излить на нихъ ядъ свой?

Безславіе и порочность столь многихъ ученыхъ людей ни мало не мѣшаютъ мнѣ любить Литтературу. Я подобенъ истинно-набожнымъ людямъ, которые любятъ Религію, не взирая на злодѣянія лицемѣровъ.

Осторожность очень хороша; но въ Поэзіи отмѣнно скучна. Благоразумный Стихотворецъ необходимо долженъ быть холоденъ. — Это не дѣлаетъ чести разсудку.

До сего времени писали у насъ исторію однихъ только Королей, а о народѣ

молчали. Кажется, что въ теченіе 1400 лѣтъ во Франціи не было никого, кромѣ Королей, Министровъ и Генераловъ; но не уже ли наши нравы, законы, обычаи, умъ, ничего не значатъ?

Богатырское тѣло и Сократова душа — вотъ что надобно, чтобы быть щастливымъ!

Думать, ничего намъ не стоитъ; но какъ трудно писать!

Чѣмъ злобнѣе люди, тѣмъ драгоцѣннѣе добродѣтель; а дружба казалась мнѣ всегда главною добродѣтелію, потому что она составляетъ главное наше утѣшеніе.

Кто долго говоритъ, тотъ безъ сомнѣнія говоритъ много лишняго. Я не знаю ни одной Ораторской рѣчи, которая бы не могла быть короче; нѣтъ ни одной трагедіи безъ пустаго набора словъ; ни одной Оды безъ лишнихъ строфъ. Но когда гдѣ хорошаго больше, нежели дурнова, то должно быть довольнымъ.

Проклятые пауки! долго ли вамъ терзать другъ друга, вмѣсто того, чтобы дѣлать шелкъ?

Какой человѣкъ можетъ похвалиться, чтобы онъ дѣлалъ то, что хочетъ?

Въ одной только Франціи зимою бываетъ холодно (разумѣется въ домахъ).

Добрые Французы въ Іюнѣ мѣсяцѣ забываютъ, что будетъ Декабрь (*).

Не должно сердиться на пѣхъ, которые не могутъ вредить.

(*Продолженіе впредь.*)

XI.

О пребываніи Г. Коцебу въ Парижѣ.

Кажется, что Г. Коцебу очень доволенъ пріемомъ Французовъ; ибо онъ безъ умолку о томъ говоритъ и притомъ съ такимъ жаромъ, что иной сочтетъ все, что онъ ни разсказываетъ, за правду. Главный Консулъ много разъ съ нимъ бесѣдовалъ; Институтъ приглашалъ его на свои засѣданія; театры предлагали ему ложи; лучшіе домы въ Парижѣ поставляли себѣ за честь его посѣщенія и проч. и проч .... и еще Богъ вѣдаетъ что! — и не диво. . . . Г. Коцебу сочиняетъ романы и сверхъ того — изрядный комедіянтъ....

(*Изъ Journal de Paris.*)

(*) Извѣстно, что во Франціи нѣтъ печей, по крайней мѣрѣ такихъ, какъ у насъ; хотя тамъ зимніе морозы, особливо въ сѣверныхъ провинціяхъ, бываютъ довольно жестоки.

XII.

Анекдоты.

Нѣкто сказалъ одной женщинѣ, что сало вздорожало по причинѣ войны. Ахъ, Боже мой! отвѣчала она: видно армїи сражались при *свѣчахъ*!

❋

Молодой человѣкъ, нанимая комнаты, сказалъ хозяйкѣ: „гдѣ я ни стоялъ, меня очень любили, и никогда не съѣзжалъ я съ квартиры безъ того, чтобы хозяева не плакали.“ — Хозяйка отвѣчала: можетъ быть, вы съѣзжали всегда, не заплатя за постой.

❋

Джонсонъ говорилъ однажды подробно о всѣхъ свойствахъ, нужныхъ для хорошей Поэмы и хорошаго Поэта. Гирсонъ послѣ сего началъ изчислять всѣ качества, потребныя искусному повару, и сказалъ, что онъ предпочитаетъ вкусныя кушанья хорошей Поэмѣ. „Вы можете быть увѣрены, отвѣчалъ ему Джонсонъ, что всѣ кошки и собаки будутъ одного съ вами мнѣнїя.“

❋

Одинъ отрѣшенный отъ должности судья сказалъ при многихъ свидѣтеляхъ, что этотъ съ нимъ поступокъ будетъ стоить жизни по крайней мѣрѣ пяти стамъ человѣкамъ. Объ этомъ донесено

градоначальнику, которой тотчасъ велѣлъ его арестовать и привести къ себѣ. Кому вы давича грозили? спросилъ онъ у него. — Я, сударь, никому не грозилъ, отвѣчалъ арестантъ, а хотѣлъ только сказать, что, какъ мнѣ теперь нечего ѣсть, то я намѣренъ сдѣлаться лекаремъ.

❋

Ирландской Парламентъ сдѣлалъ однажды опредѣленіе, чтобы *старую* Дублинскую тюрьму слоиать, и *на томъ же самомъ фундаментѣ* построить *новую*, а до отстройки оной, содержать колодниковъ *въ старой*!!

❋

Англичанинъ Форкверъ худо вѣрилъ Медицинѣ. Однажды, какъ онъ занемогъ, нѣкто изъ его друзей послалъ за Докторомъ. Когда же пришли ему сказать, что Докторъ пріѣхалъ — *извините меня передъ нимъ*, отвѣчалъ онъ: *я боленъ и никого не принимаю.*

❋

Домашнія учрежденія Генриха VIII, Короля Англійскаго, представляютъ удивительную простоту тогдашняго образа жизни въ сравненіи съ нынѣшнею пышностію и роскошью. — Выписываемъ изъ нихъ слѣдующее:

„Королевскому цырюльнику предписывается наблюдать величайшую скрытность, и отнюдь не знаться съ распутными женщинами, чтобы не подвергнуть опасности здоровья Его Величества.

„Повару смотрѣть, чтобы ученики его не ходили оборванные, и не спали бы на полу передъ очагомъ.

„Обѣденный столъ Его Величества долженъ быть всегда готовъ въ десять часовъ, а ужинъ въ четыре.

„Лакеямъ и офисїянтамъ Королевскимъ жить между собою въ добромъ согласїи, и ни подъ какимъ видомъ не пересказывать никому того, что дѣлаетъ Король во внутреннихъ своихъ комнатахъ.

„На лѣсницахъ не играть имъ съ дѣвушками, ибо отъ сего много разбивается посуды. — Какъ можно беречь и содержать въ чистотѣ *деревянныя* тарелки и *оловянныя* ложки Его Величества.

„Естьли кто изъ пажей приличится въ *недозволенномъ обхожденїи* съ какою нибудь придворною дѣвушкою, и произойдетъ отъ того соблазнъ, такой пажъ долженъ заплатить положенный штрафъ въ пользу Его Величества. Сверхъ того не дадутъ ему цѣлой мѣсяцъ пива!!!

„Конюхамъ отнюдь не красть Королевской соломы для постелей, ибо имъ и такъ довольно оной дается.“

❋

Одинъ богатой Лондонской мясникъ и худой, какъ скелетъ, вошелъ въ книжную лавку, гдѣ также случился и Джонсонъ. Мясникъ развернулъ томъ Чорчилевыхъ сочиненій, и повторялъ многократно слѣдующее изъ нихъ мѣсто, желая показать свой вкусъ: *кто повелѣваетъ свободными людьми, тотъ долженъ быть самъ свободенъ.* Потомъ обратясь къ Джонсону, спросилъ у него съ довольнымъ видомъ: что вы думаете, сударь, объ этомъ правилѣ? — Я думаю, сударь, отвѣчалъ Джонсонъ, что оно очень глупо; это все равно, какъ бы кто сказалъ: *кто бьетъ жирныхъ быковъ, тотъ самъ долженъ быть жиренъ.*

❋

Одинъ Ирландской Офицеръ ушибъ себѣ очень больно ногу, такъ что сдѣлалась на ней опасная рана. Онъ позвалъ лекаря Келли; но поссорясь съ нимъ прежде совершеннаго изцѣленія, призвалъ другова. Однакожь Келли требовалъ съ него за трудъ свои 50 гиней, которыхъ Ирландецъ не хотѣлъ ему заплатить,

за что лекарь позвалъ его въ судъ. Ирландцу показалось, что спряпчій худо защищаетъ его выгоды, и такъ онъ вздумалъ самъ приняться за свою тяжбу, и вскричалъ: „Милорды и господа Присяжные! предложу вамъ все дѣло въ короткихъ словахъ: Г. Келли взялся-было лечить мою рану; но чѣмъ чаще онъ ее перевязывалъ, тѣмъ лучше она становилась. А какъ я увидѣлъ, что наконецъ сталъ онъ безъ милосердія кромсать и рѣзать мою бѣдную ногу, то, подумавъ, что онъ хочетъ сдѣлать изъ нее руку, я смертельно испугался и позвалъ къ себѣ другаго лекаря.“

ПОЛИТИКА.

I.

Засѣданіе Нижняго Парламента 9 Декабря.

(Продолженіе рѣчи Лорда Кастельрига.)

„Хотя я и не приготовился отвѣчать на рѣчь, говоренную моимъ почтеннымъ другомъ (Питтомъ), однакожь рѣшительно обьявляю, что, подобно ему, вижу надобность заняться усовершенствованіемъ дисциплины въ волонтерныхъ корпусахъ, употребляя къ тому всѣ способы, какіе только благоразумная экономія дозволить можетъ. Согласенъ съ нимъ и въ томъ, что естьли бы непріятель и оставилъ намѣреніе сдѣлать къ намъ впаденіе, или естьли бы неуспѣшныя покушенія на берегахъ нашихъ принудили его отречься отъ смѣлыхъ замысловъ, то и тогда бы не должно было намъ прекращать усилій и ослаблять бдительности, безъ которыхъ Государство не можетъ быть въ безопасности. Намъ не льзя ласкаться надеждою заключить вскорѣ такой миръ, какой мо-

жемъ мы принять, то есть честный; но и въ этомъ случаѣ Политика, управляющая Европою, научила насъ, что не иначе можно намъ утвердить безопасность Королевства въ военное и мирное время, какъ основавъ ее на хорошо образованной военной силѣ, которая рѣшитъ навсегда вопросъ о непріятельскомъ къ намъ впаденіи. Вотъ единственная система, способная доставить намъ прочный миръ! Свобода, перешедшая къ намъ отъ предковъ нашихъ; благоденствіе, которое есть плодъ нашего трудолюбія и промышленности, даютъ намъ способы къ утвержденію нашей независимости; но они всегда были и будутъ причиною зависти и ненависти нашего непріятеля; мы не можемъ иначе отвратить бѣдственныя слѣдствія оныхъ, какъ поставя военныя наши силы на такую ногу, чтобы онѣ были въ состояніи лишить врага нашего всей надежды совершить когда нибудь зловредныя его намѣренія. Можетъ быть, въ то время научатся почитать то, чего изтребить не льзя; можетъ быть, оставятъ тогда въ мирѣ тѣхъ, которымъ ничего не могли сдѣлать войною. — Каковы бы ни были напряженія и жертвы, требуемыя сею системою. но здравый смыслъ и твердость харак

тера, отличающїе Англїйской народъ, ручаются мнѣ, что онъ сдѣлаетъ ихъ съ удовольствїемъ."

Фоксъ произноситъ нѣкоторыя примѣчанїя на послѣднїя слова Лорда Кастельрига въ разсужденїи вѣроятнаго продолженїя войны и необходимости учинить нынѣшнюю систему прочною. Онъ не одобряетъ системы Г. Питта, и думаетъ съ Виндамомъ, что храбрость и усердїе волонтеровъ могли бы употреблены быть полезнѣйшимъ образомъ. Питтъ видитъ въ нихъ основанїе надежной обороны Государства, въ случаѣ отсутствїя регулярной армїи. Фоксъ не находитъ въ сихъ людяхъ, обязанныхъ закономъ только къ двадцатидневной въ годъ службѣ, военной силы, удобной замѣстить регулярную армїю. Онъ не думаетъ, чтобы они были способны выполнить тотъ предметъ, къ которому Питтъ ихъ назначаетъ. — Естьли слухи о непрїятельскомъ впаденїи, которому Фоксъ никогда не вѣрилъ, и которое не такъ легко сдѣлать, какъ иные думаютъ; естьли сїи слухи прекратятся, то найдется ли хотя одинъ Членъ, которой бы и въ то время присовѣтовалъ употребить армїю внѣ государства, и ввѣрить оборону онаго волонтерамъ? Тогда-то уже

и дѣйствительно высадка была бы для насъ опасна.

Фоксъ не находитъ никакого неудобства въ поголовномъ вооруженіи, въ случаѣ непріятельскаго впаденія; но волонтеры не составляютъ еще сего поголовнаго вооруженія. Въ семъ отношеніи они слишкомъ малочисленны; но естьли станемъ почитать ихъ только новою арміею, то въ семъ смыслѣ они очень многочисленны. 400 Тысячь человѣкъ для арміи чрезвычайно много, но для поголовнаго вооруженія едва ли и миліона достаточно. И такъ въ обѣихъ сихъ отношеніяхъ система волонтеровъ дурна.

Фоксъ думаетъ, что надобно увеличить регулярную арміи и разпустить волонтеровъ, не лишая долѣе земледѣлія и другихъ полезныхъ ремеслъ такого множества людей.

„На это могутъ сказать, говоритъ Фоксъ, что Королевскіе Министры подали мнѣ прекрасной примѣръ, вступивъ всѣ въ волонтерные корпусы. Но естьли Французы въ самомъ дѣлѣ посѣтятъ насъ, тогда Министры необходимо *дезертируютъ*, или изъ полковъ своихъ, или изъ кабинетовъ; слѣдовательно подадутъ очень дурной примѣръ всѣмъ

волонтерамъ, у которыхъ случатся *дѣла, не терпящія отлагательства.*"

Аддингтонъ соглашается съ Фоксомъ, что теперешнее положеніе Государства требуетъ величайшаго вниманія правительства; но жалуется на многочисленность волонтеровъ и на отлученіе ихъ отъ массы народа. Однакожь, по его мнѣнію, они гораздо удобнѣе замѣстить регулярную армію, нежели поголовное вооруженіе. „Волонтеры, говоритъ онъ, доставляютъ намъ возможность располагать регулярною арміею и дѣйствовать противъ непріятеля наступательно."

„По мнѣнію Г. Фокса, прибавляетъ Аддингтонъ, полезнѣе было бы увеличить регулярную армію; но она состоитъ нынѣ изъ 69,000 человѣкъ, милиція изъ 72,000, а резервная армія изъ 27,000. Слѣдовательно мы имѣемъ уже дѣйствительно регулярную армію; я согласенъ, что нужно увеличить ее, и мѣры, для сего принятыя, столь были успѣшны, что въ десять недѣль доставили 7,500 человѣкъ."

Г. Аддингтонъ показываетъ выгоды учрежденія волонтеровъ и опасность истреблять единодушіе, существующее между всѣми классами народа. Въ отвѣтъ на сказанное Гренвилемъ, что естьли бы Министры дали полную волю

дѣйствовать усердїю Великобританскихъ подданныхъ, то число волонтеровъ было бы вдесятеро болѣе теперешняго, представляютъ вѣрное изчисленїе, что и такъ четвертая часть народа вооружилась. — Рѣшенїя читаны и приняты.

❋

Въ Верхнемъ Парламентѣ 12 Декабря не произошло ничего достойнаго вниманїя; читали и перечитывали строгїе акты и жестокїя мѣры, касающїяся до безопасности Ирландїи, или лучше сказать, Англїи; побранили Французовъ и кончили засѣданїе — ничѣмъ.

II.

Извѣстїя Парижскїя.

Буря, свирѣпствовавшая здѣсь 30 Декабря, причинила великой вредъ. Многїе люди изувѣчены; 25 самыхъ толстыхъ деревъ въ Тюлерїйскомъ саду вырваны съ корнями, или поломаны; множество трубъ попадало, и проч.

Главный Консулъ отправился изъ Парижа 30 Декабря, въ шестомъ часу по утру, по Булонской дорогѣ. Наканунѣ отъѣзда своего былъ онъ въ тпе-

атръ Феидо; никто не зналъ, когда онъ поѣдетъ; Гжа. Бонапарте узнала о томъ уже въ слѣдующее утро. Въ 4 часа посылалъ онъ за Консуломъ Камбасересомъ, для объявленія ему о своемъ отбытіи. Хотя всѣ говорятъ, что онъ поѣхалъ въ Булонь, но никто подлинно въ томъ не увѣренъ; думаютъ, что онъ скоро возвратится, и черезъ нѣсколько дней опять поѣдетъ на должайшее уже время. Оба Консула, Камбасересъ и Лебрёнъ, теперь ежедневно трудятся вмѣстѣ, и Министры всякой вечеръ являются къ нимъ съ рапортами.

Новѣйшія извѣстія, сей часъ полученныя, увѣдомляютъ, что Консулъ 1 Января прибылъ въ Булонь. Нѣкоторые заключаютъ изъ пріѣзда его въ сей городъ, что онъ немедленно намѣренъ произвести въ дѣйство высадку, которой способствуетъ теперь удаленіе Англійскихъ кораблей отъ береговъ нашихъ; но бури, причинившія сіе удаленіе, не дозволяютъ еще нашимъ шлюпкамъ пуститься въ море.

Генералъ Дюпонъ пріѣхалъ въ Булонь вскорѣ послѣ главнаго Консула, и принялъ начальство надъ лагеремъ.

Интереснѣйшее изъ новѣйшихъ извѣстій есть то, что войска наши, собрав-

шїяся при Байонѣ, возвращаются во внутренность Францїи.

III.

Описанїе Сїерра-Леонской колонїи.

Въ 1801 году вышла въ Стокгольмѣ книга на Шведскомъ языкѣ, Сїерра-Леонской колонїи, достойной быть извѣстною. Сїя книга состоитъ въ письмахъ Лейтенанта Паденгейма къ его прїятелю, живущему въ Швецїи, и содержитъ Историческое и Географическое описанїе сей Африканской колонїи, учрежденной подъ сѣнїю человѣколюбїя и свободы. Въ ней находятся замѣчанїя о климатѣ, произведенїяхъ земли, характерѣ природныхъ жителей и колонистовъ, о числѣ ихъ, религїи, нравахъ, обычаяхъ и проч. Сїи наблюденїя дѣланы были самимъ Авторомъ, очевиднымъ всего свидѣтелемъ.

Цѣль Сїерра-Леонскаго общества есть та, чтобы просвѣщать Негровъ, и потомъ давать имъ свободу, какъ достойнымъ уже сего благодѣянїя. Такая цѣль заслуживаетъ всеобщее вниманїе; слѣдовательно извѣстїя Г. Паденгейма сами себя довольно одобряютъ.

Въ первомъ его письмѣ 1791 года, ужасы рабства и лютые поступки Голландскихъ колонистовъ съ Неграми, описаны самыми черными красками. Человѣчество содрогается отъ гласа нашего Филантропа, но по нещастію, жестокая Политика онаго не слышитъ. Извѣстно, что нещастные Негры нашли себѣ ревностныхъ покровителей въ нѣкоторыхъ Англичанахъ и Шведахъ, послѣдователяхъ *Шведенборга*; но Англичане имѣли сверхъ того способы подкрѣпить усердіе свое деньгами; и ихъ-то великодушному старанію человѣчество обязано учрежденіемъ Сіерра-Леонскимъ. Въ 1786 году многочисленность и бѣдственное состояніе Негровъ, находящихся въ Лондонѣ, возбудили состраданіе во многихъ Англичанахъ. *Гранвиллъ Шарпъ* склонилъ Врача *Смитама* обнародовать начертаніе колоніи, составленной изъ Негровъ и Бѣлыхъ, воспитанныхъ прежде для свободы. Сіе начертаніе и приложенная къ оному подписка имѣли желаемый успѣхъ. Въ самый тотъ годъ отправлено 400 человѣкъ колонистовъ, мущинъ и женщинъ. Купили у владѣльца той страны участокъ земли, содержащій въ себѣ 20 Англійскихъ квадратныхъ миль; но число колонистовъ уменьшилось потомъ,

отъ разныхъ нещастныхъ приключенїй, до 275, и наконецъ осталось ихъ только 48 человѣкъ. Въ 1787 году *Г. Шарпъ* отправилъ еще 59 колонистовъ, которымъ правительство подало нѣкоторую помощь; а въ 1790 году учредилось общество, изъ 21 человѣка состоящее, которое, присоединясь къ прежней Компанїи, сдѣлалось въ послѣдствїи весьма многочисленнымъ. Въ 1791 году Парламентъ далъ ему привиллегїю на 51 годъ. Отправленъ въ колонїю Комитетъ для покупки земли. Въ самое сїе время прислана въ Лондонъ Депутацїя отъ Американскихъ Негровъ, которые за службу во время войны получили свободу, и ихъ опредѣлено поселить въ Новой Шотландїи; но какъ они очень боялись климата сей страны, то на прозьбу ихъ послѣдовало рѣшенїе, отправить ихъ въ новую Африканскую колонїю, гдѣ каждому изъ нихъ велѣно дать по нѣскольку земли въ собственное владѣнїе. Для управленїя дѣлами колонїи назначили послать способныхъ людей, въ числѣ которыхъ, кромѣ нашего Автора, находятся еще три Шведа. — Въ половинѣ Февраля 1792 года сїи господа заложили въ назначенномъ мѣстѣ городъ, назвавъ его Фри-

тономъ (*). Тутъ подняли знамя общества, изображающее въ зеленомъ полѣ черную руку, которую держитъ бѣлая; обѣ сіи руки окружены пальмовыми вѣтвями. Марта 16 Капитанъ Клерксонъ привезъ изъ Америки на 16 судахъ 1150 черныхъ колонистовъ. — Около сего времени Сіерра-Леонская Компанія издала слѣдующую прокламацію: „Компанія объявляетъ природнымъ жителямъ сей страны, что намѣрена содержать всегда въ колоніи большой магазинъ съ Европейскими товарами, которые будутъ промѣниваемы на Африканскія произведенія; обязывается не вывозить никогда Негровъ для невольничества и не дозволитъ сего никому на землѣ, ей принадлежащей; желаетъ всегдашняго мира, и не иначе приметъ оружіе, какъ въ случаѣ нападенія; всемѣрно будетъ стараться объ отвращеніи всякаго рода обидъ, особливо похищенія Негровъ въ невольники, и обѣщается строго наказывать за такія преступленія. Всѣ колонисты, какъ Бѣлые, такъ и Черные, будутъ управляемы одними законами, и могутъ быть увѣрены въ одинакой защитѣ и покровительствѣ. Компанія учредитъ школы, гдѣ будутъ

(*) Вольный городъ.

учить читать, писать и Ариѳметикѣ, всѣхъ дѣтей, которыхъ родители пожелаютъ посылать въ нихъ.

Г. Паденгеймъ описываетъ климатъ сей колоніи слѣдующимъ образомъ: „Солнечный зной не такъ здѣсь несносенъ, какъ многіе воображаютъ, и хотя въ полдень, когда нѣтъ почти совсѣмъ тѣни, бываетъ очень жарко; но мы безъ всякой тягости можемъ носить Европейское платье: коротенькіе камзолы и панталоны здѣсь почти во всеобщемъ употребленіи, потому что эта одежда весьма покойна. Всякой день съ самаго утра до вечера дуетъ Западной морской вѣтръ, и свѣжестію своею очищаетъ воздухъ; почему и почитаютъ его весьма здоровымъ, а Негры прозвали его *лекаремъ*. По утру и вечеру бываетъ такъ прохладно, что одѣваются потеплѣе. Дни и ночи всегда равны; нѣтъ ни сумерекъ, ни разсвѣта; одно только возхожденіе и захожденіе солнца даетъ намъ вдругъ день, или повергаетъ насъ въ совершенный мракъ. Когда не свѣтитъ мѣсяцъ, ночи бываютъ отмѣнно темны. Метеорологическія наблюденія показываютъ, что Фаренгейтовъ термометръ никогда здѣсь не опускался ниже 96°, и не поднимался выше 72°;

разность между полдневною и утреннею, или вечернею теплотою, бываетъ отъ 20° до 30°. — Годъ раздѣляется Натурою на два постоянныя время, такъ, что здѣсь никогда не бываетъ тѣхъ крутыхъ перемѣнъ погоды, которыя столь часты въ Европѣ. Сухое начинается съ Ноября; въ семъ мѣсяцѣ и въ Декабрѣ страна сїя являетъ всѣ свои природныя богатства и прелести; не бываетъ мрачныхъ дней: всѣ они совершенно ясны въ сїе время. Тогда падаетъ изобильная роса, которая не меньше дождя способствуетъ плодородїю земли; однакожъ, когда сїя половина года приближается къ концу, то у насъ пропадаетъ вся огородная зелень, поля засыхаютъ отъ зноя; но древесные прекрасные плоды замѣняютъ сїю потерю. Вещь довольно скучная есть безпрестанное равноденствїе, которое было бы еще непрїятнѣе безъ контраста полудня съ утромъ и вечеромъ." Авторъ предпочитаетъ дождливое время года, предшествуемое всегда сильными вѣтрами въ Маѣ. Но читатели не должны изъ этого заключить, что тогда дождь льетъ безпрерывно; случаются промежутки, въ которые воздухъ бываетъ совершенно чистъ, иногда же — хотя и не часто — бываетъ дождь такъ силенъ и продолжи-

раленъ, что нѣсколько дней не льзя выходить изъ дому. — Дождливое время продолжается до Ноября, въ которомъ мѣсяцѣ Природа снова оживаетъ.

(Продолженіе сообщимъ, когда выдетъ второй Томъ сихъ писемъ.)

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Послѣдніе Парламентскіе споры ясно показываютъ теперешнее состояніе Англіи. Ораторы, преданные Министерству, съ гордостію разпространялись въ рѣчахъ своихъ о многочисленности военной Великобританской силы, простирающейся по ихъ словамъ до 600,000 человѣкъ, съ которыми, говорили они, можно безъ дальняго безпокойства ждать *храбрыхъ* Французовъ. На сіи великолѣпныя рѣчи да позволено намъ будетъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1 е. Высадка точно ли будетъ сдѣлана? Сія тайна хранится въ сердцѣ у Бонапарте, и болѣе нигдѣ. Естьли не будетъ высадки, то Англія безполезно изтощеваетъ послѣднія свои силы и разоряется, лишая многочисленныя свои мануфактуры нужныхъ работниковъ.

Естьли же напротивъ того высадка дѣйствительно послѣдуетъ, то можно ли утвердительно сказать, чтобы бѣдственныя ея дѣйствія могли быть отвращены симъ ужаснымъ количествомъ волонтеровъ? Положимъ, что Французская армія вышла на берега Великобританскія: что сдѣлаютъ ей сіи безпорядочныя и неопытныя толпы? что сдѣлаютъ онѣ воинамъ искуснымъ и привыкшимъ побѣждать? Какой начальникъ въ состояніи управить ими и удержать ихъ въ предѣлахъ должности и повиновенія? Малѣйшее смятеніе разрушитъ мгновенно сію чудовищную громаду.

2е. Заглянемъ въ Исторію. Побѣда не всегда была на сторонѣ многочисленныхъ армій. Таковы были войска, побѣжденныя Мильтіадами, Александрами, Аннибалами, Цесарями. У нихъ было гораздо меньше людей; но люди сіи были пріобыкшіе къ военнымъ трудамъ и къ хорошей дисциплинѣ. Почти всѣ славнѣйшія баталіи были выиграны меньшимъ числомъ ратниковъ. Великій Тюреннъ, о которомъ, кажется, не льзя сказать, что онъ былъ незнающь въ военномъ искусствѣ, говаривалъ: „съ арміею, превышающею число 50,000 человѣкъ, не можно уже *сладить*“... — Правда, что

Министерскіе Ораторы приводятъ въ примѣръ Францію. . . .

3. Нѣтъ никакого сходства въ положеніяхъ, въ образѣ вести войну и атаковать непріятеля, въ характерѣ сихъ двухъ народовъ и въ населеніи обѣихъ Государствъ. Французы имѣли на своей сторонѣ справедливость и воевали по необходимости. Для нихъ не было средины между порабощеніемъ и побѣдою.

Во Франціи слишкомъ вдвое больше народу, нежели въ Англіи. Земледѣліе и война суть всегда два главнѣйшія упражненія Французовъ; торговля же и мануфактуры составляютъ у нихъ только полезныя побочности. Они не имѣютъ на содержаніи своемъ многочисленныхъ колоній, и нѣтъ у нихъ флота, превышающаго способы ихъ въ людяхъ и въ деньгахъ.

Напротивъ того вся несправедливость на сторонѣ Англійскаго правительства; ему возможно и даже удобно получить миръ съ такими выгодами, которыя превысили бы выгоды и самой побѣды. Населеніе Великобританніи не многочисленно, могущество ея не твердо; сверхъ того угрожаетъ ей великими опасностями пылкій характеръ Французскихъ воиновъ, привыкшихъ, какъ мы уже

сказали, побѣждать. Естьли Французы сдѣлаютъ высадку, то очень трудно будетъ положить оплотъ ихъ успѣхамъ. Наконецъ скажемъ и то, что когда Французскія войска претерпѣвали знатные уроны, Франція имѣла способы поправлять ихъ. Но Англія въ состояніи ли жертвовать такимъ количествомъ людей? Сверхъ того не требовалось ли многихъ кампаній, чтобы дать Французамъ тотъ воинскій духъ, то превосходство, которое они въ послѣдствіи получили? и баталіи, Риволійская, Маренгская, Гогенлинденская, не служатъ ли новыми примѣрами того превосходства, которое часто берутъ посредственныя числомъ войска надъ сильнѣйшими несравненно арміями?

❖

Голландія должна поставить для Англійской экспедиціи только 9000 человѣкъ; но сіе число должно быть дѣйствительное и полное. Поелику болѣзни очень умалили баталіоны, назначенные для сей экспедиціи; то военный Министръ далъ приказъ Офицерамъ, представить ему немедленно списки умершимъ и больнымъ, чтобы, какъ можно скорѣе, укомплетовать сіи баталіоны людьми изъ остающихся въ Голландіи войскъ. — Министръ входилъ въ малѣй-

шія подробности даже и о томъ, что каждой солдатъ понесетъ въ сумѣ своей. Онъ увѣряетъ, что какъ скоро Батавскія войска выдутъ на непріятельскіе берега, то будутъ содержаны точно такъ, какъ войска Французской Республики.

Изъ внутреннихъ провинцій Турціи пишутъ, что тамъ во многихъ мѣстахъ открылась моровая язва, и что въ слѣдствіе сего учреждены трех-недѣльные карантины вмѣсто прежнихъ десятидневныхъ.

Изъ Генуи увѣдомляютъ, что морскія силы Адмирала Нельсона раздѣлены на три дивизіи: первая, сильнѣйшая обѣихъ другихъ, разъѣзжаетъ предъ Тулономъ, тѣсно блокируя его гавань; вторая, состоящая изъ меньшихъ кораблей, находится близь Сициліи, чтобы препятствовать Французамъ завладѣть симъ островомъ; третья дивизія не далеко отъ Мальты наблюдаетъ берега Греціи.

Изъ Рима получено извѣстіе, что Г. Хитровъ, Россійскій Генералъ-Маіоръ, отправился 11 Декабря изъ сего города, пробывъ въ немъ шесть недѣль. Онъ осматривалъ съ великимъ вниманіемъ всѣ здѣшнія достопамятности, публичныя заведенія, особливо Коллегіи, Универси-

тепы, школы, больницы и проч. Онъ не только былъ принятъ какъ не льзя лучше отъ нашего правительства, но сверхъ того были доставлены ему всѣ нужныя пособія и руководство для осматриванія примѣчанія достойныхъ вещей.

Графъ Марковъ прибылъ ввечеру 31 Декабря въ Регенсбургъ, откуда въ слѣдующее утро продолжалъ путь свой въ Вѣну.

Въ Гамбургѣ носится слухъ, разсѣянный приплывшимъ въ Гузумъ кораблемъ, что Брестскій флотъ, приближась къ берегамъ Ирландіи, высадилъ тамъ 40 тысячь человѣкъ войска. Но сіе извѣстіе не заслуживаетъ еще никакого вѣроятія.

Первое число Января доказало, какъ мало Французы уважаютъ новой свой календарь. — Въ Парижѣ въ этотъ день всѣ ѣздили поздравлять другъ друга съ Новымъ годомъ. Члены Дипломатическаго Корпуса дѣлали то же, и всякой изъ нихъ оставилъ визитной билетъ у Министра иностранныхъ дѣлъ.

❖

Строгія или, лучше сказать, жестокія мѣры, принимаемыя Англичанами въ разсужденіи Ирландіи въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, служатъ яснымъ доказательствомъ, что Ирландцы непер-

нѣливо ждутъ къ себѣ Бонапарте, и примутъ его съ величайшею радостію.

Естьли бы пространныя моря отдѣляли Ирландію отъ Франціи, то, можетъ быть, посредствомъ сихъ жестокихъ постановленій Англія могла бы надѣяться достигнуть цѣли своей. Тогда, можетъ быть, съ помощію палачей изтребила бы она доблесть въ сердцахъ чадъ Эриновыхъ, и поработила бы ихъ совершенно. Трудность сдѣлать какую либо связь, невозможность получить помощь, безполезность сопротивленія, принудили бы ихъ сносить въ молчаніи жребій свой. Но обстоятельства совсѣмъ инаковы. Ст. Джемской Кабинетъ это знаетъ. Естьли Французы появятся на берегахъ Ирландіи, къ чему послужатъ новыя жестокости? Тогда не станетъ сей народъ искать далеко помощи; довольно будетъ ему собраться подъ знамена своихъ избавителей. . . . .

(Въ нѣсколькихъ экземплярахъ 1го номера Вѣстника Европы на стран. 66й въ строкахъ 14й и 15й ошибкою напечатано: *поможетъ когда онъ вздумаетъ ему шелнуть. . .* а должно быть: *поможетъ, когда онъ вздумаетъ шелнуть.*)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ 1804.

№ 3.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Любовь и честность.

(Повѣсть Дюкре-Дюмениля.)

Госпожа Геверть, женщина лѣтъ пятидесяти, имѣвшая мужемъ — милїонщика, оставшись вдовою, получала сто тысячь ливровъ годоваго доходу. Послѣ нещастливыхъ родинъ она была почти безпрестанно нездорова: отъ великой слабости едва могла стоять на ногахъ, и почти всегда сидѣла или лежала въ своей комнатѣ, изъ которой никогда не выходила. У нея былъ сынъ 22 лѣтъ, одаренный привлекательнѣйшею наружностїю и рѣдкимъ сердцемъ. Молодой Геверть боготворилъ мать свою, и провождалъ всѣ вечера подлѣ ея креселъ, разговаривая съ нею, или читая ей хорошїя книги. Это малое семейство представля-

ло трогательную картину материнской и сыновней любви. Мать, добрая, нѣжная, умная, не запрещала сыну своему забавы, свойственныя его лѣтамъ. Онъ имѣлъ столько денегъ, сколько хотѣлъ, а при такомъ избыткѣ удобно было для него пригласить для наставленія своего Учителей во всѣхъ отрасляхъ нужныхъ для него Наукъ; однимъ словомъ, онъ былъ щастливѣйшій и притомъ любезнѣйшій изъ смертныхъ. Ему не было нужды вступать въ какую нибудь службу; онъ довольно находилъ занятія для себя въ управленіи великимъ имѣніемъ матери своей, и, можно сказать, былъ отмѣнно способенъ къ хозяйственнымъ распоряженіямъ. За рѣдкія качества, за порядочный образъ жизни, мать его обожала, и съ сердечнымъ прискорбіемъ думала о приближеніи той минуты, въ которую бракъ отниметъ его у Природы. Чтобы не подвергнуться разлукѣ съ симъ милымъ сыномъ, въ случаѣ женитьбы его, Гжа. Геверитъ вознамѣрилась пріискать дѣвушку небогатую изъ небольшаго семейства, которая согласилась бы жить съ нею и оказывать ей услужливыя попеченія нѣжной дочери. Вотъ какую жену хотѣла она дать сыну своему, и располагалась помѣстить молодую чету

въ великолѣпномъ домѣ, которой имѣла она въ одномъ предмѣстіи Парижа. Но до этого еще долго: Гевертy только 22 года. Онъ не думалъ о женитьбѣ, и часто клялся матери, что одна она, пока будетъ жива, останется единственнымъ предметомъ нѣжнѣйшихъ его чувствованій — цѣлою вселенною.... Молодой человѣкъ! . . Любовь почти всегда принуждаетъ нарушать такія клятвы.

Подлѣ дому Гжи. Гевертъ была великолѣпная лавка одного галантерейнаго купца. Г. Дюваль — такъ онъ назывался — имѣлъ жену, отмѣнно способную къ сему роду торговли, и осмнадцати лѣтнюю дочь, прекрасную, какъ Ангелъ. Аделія — имя молодой дѣвушки — также очень хорошо знала торгъ отца своего, и къ чрезвычайной красотѣ присоединяла очаровательные таланты, особливо же искуство въ Музыкѣ.

Гевертъ много разъ покупалъ въ семъ магазинѣ разныя вещи, и не могъ смотрѣть съ равнодушіемъ на Аделію. Она часто играла на фортепіано въ ближней комнатѣ, и Гевертъ дарилъ ее нотами, иногда вмѣстѣ съ нею ихъ разыгрывалъ, старался всячески угождать, услуживать, какъ доброй *сосѣдъ*; однимъ словомъ, онъ познакомился очень коротко съ домомъ, гдѣ его такъ много любили.

Любили? Нѣтъ! я употребилъ ложное выраженїе. Мнѣ должно было сказать, что его старались ласкать, какъ отмѣнно выгоднаго жениха для Аделїи. Г. и гжа. Дюваль знали, какое богатое наслѣдство онъ со временемъ получитъ. Они никогда не видали его матери, которая, какъ я уже сказалъ, не выходила изъ комнаты; но осыпали вѣжливостями сына, въ надеждѣ, что онъ влюбится въ ихъ дочь. Аделїи дали въ разсужденїи сего всѣ нужныя наставленїя; присовѣтовали ей поступать съ Гевертомъ, какъ можно скромнѣе, но притомъ стараться ловить всѣ случаи, чтобы ему понравиться и воспламенять его. Аделїя была лукава и нѣжна. Пригожїй Геверть кружилъ ей голову, и она слѣдовала предписанїямъ родительскимъ сколько по склонности, столько и для выгодъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Геверть началъ часто посѣщать сей домъ, г. и гжа. Дюваль не щадили ничего для туалета Аделїи, чтобы усугубить природныя ея прелести. Молодая дѣвушка, склонная къ кокетству, наслаждалась сею щастливою перемѣною, и употребляла всѣ способы къ прельщенїю глазъ, сердца и всѣхъ чувствъ добродушнаго Геверта. Такимъ образомъ нашъ молодой человѣкъ болѣе и болѣе

предавался влеченїю любовной страсти, не подозрѣвая даже, чтобы она существовала въ его сердцѣ.

Гевертъ, не имѣя инаго друга и наперсника, кромѣ матери, твердилъ ей безпрестанно о прелестяхъ и талантахъ дѣвицы Дюваль съ такимъ жаромъ, съ такимъ энтузїасмомъ, что добрая сїя женщина устрашилась. Она примѣтила, что сынъ ея былъ дѣйствительно влюбленъ, и это открытїе огорчило ее. Давно уже были ей разсказаны не очень выгодные слухи о фамилїи Дюваль. Она слышала, что отецъ прекрасной дочери былъ человѣкъ совсѣмъ неизвѣстнаго произхожденїя, и притомъ не очень честной, которой въ одномъ Провинцїальномъ городѣ объявилъ себя банкротомъ; что богатство его очень сомнительно, и что онъ съ своимъ семействомъ какъ будто съ неба упалъ въ этотъ прекрасной магазинъ. Гжа. Гевертъ была истинная Философка; ей казалось все равно, на комъ бы сынъ ея ни женился, лишь бы только взялъ онъ себѣ жену изъ семейства честнаго, какого бы впрочемъ состоянїя оно ни было. И такъ однажды, со всею свойственною ей кротостїю, открыла она сыну своему собственныя его чувства, которыхъ молодой чело-

вѣкъ не понималъ. Ты любишь, мой другъ! сказала она: ты любишь Аделїю; мои глаза яснѣе твоихъ видятъ; они открыли мнѣ эту страсть, гнѣздящуюся во глубинѣ твоего сердца, и я увѣряю тебя, что ты влюбленъ страстно. — Вы такъ думаете, матушка? — Не только думаю, но и увѣрена въ томъ, другъ мой! положись на мою опытность. — Правду вамъ сказать, я и самъ этого боюсь. Съ нѣкотораго времени я почти не ѣмъ и не сплю; ночью изображенїе Аделїи мечтается мнѣ безпрестанно, а днемъ только тогда доволенъ, когда бываю съ нею: простите мнѣ это признанїе. Я хочу сказать, что не иначе бываю щастливъ, какъ дѣля время между вами и этою милою дѣвушкою! — Будь искреннѣе, сынъ мой! Я знаю, что любовь сильнѣе Природы, и что въ твои лѣта всегда предпочитаютъ любовницу матери. . . — Матушка! . . — Точно такъ, мой другъ! и я не столько безразсудна, чтобы стала сѣтовать на такое предпочтенїе и требовать отъ тебя того, чего нѣтъ въ сердцѣ человѣческомъ. Однакожь выслушай меня: я не знаю дѣвицу Дюваль, и никогда ее не видала. Дай же мнѣ время удостовѣриться, что она достойна твоей руки, что родственники ея имѣютъ ту строгую чест-

ность, которая всегда отличала твоихъ; и я соглашусь составить твое щастїе. Аделїя будетъ твоею женою, естьли этого достойна, каково бы ни было впрочемъ ея состоянїе. Думаю, что ты одобришь мысли мои; ты и самъ такъ разборчивъ, что вѣрно не согласишься сдѣлать связь съ безчестными людьми. — Матушка! вы столько меня знаете, что . . . . — Я столько тебя знаю, что умѣю цѣнить тебя, уважать, любить. И такъ, сынъ мой, дай мнѣ одинъ только мѣсяцъ времени на освѣдомленїя о гнѣ. Дювалѣ, какъ здѣсь, такъ и въ тѣхъ городахъ, гдѣ онъ жилъ до прїѣзда въ Парижъ; однимъ словомъ, дай мнѣ волю, и продолжай видаться съ твоею Аделїею, которую я уже люблю по сдѣланному тобою объ ней описанїю.

Такъ говорила гжа. Гевертъ, и сынъ, обнявъ ее, осыпалъ нѣжными и невинными ласками дѣтской любви.

Въ самое то утро, въ которое произошло сїе объясненїе, Гевертъ, взявъ книгу, пошелъ гулять въ Тюльери; ему не столько хотѣлось читать, какъ предаться на свободѣ мыслямъ своимъ и подумать о состоянїи сердца своего, которое наконецъ сдѣлалось ему извѣстно.

Онъ зашелъ сперва къ Нотаріусу своему по нѣкоторымъ дѣламъ, и потомъ продолжалъ прогулку свою до Тюльери. Тамъ, погрузясь въ размышленіи, увидѣлъ, что всѣ его желанія стремились къ прекрасной Аделіи: онъ пылаетъ любовію, чувствуетъ это, и въ семъ состояніи ищетъ уединенія, которое подаетъ пищу для нѣжной его меланхоліи. Въ одной изъ отдаленнѣйшихъ алей сада бросается онъ на скамью, беретъ книгу, раскрываетъ, хочетъ прочитать нѣсколько писемъ Элоизы. . . . но вдругъ прерываетъ его чтеніе глухой стонъ, произносимый въ нѣсколькихъ шагахъ. . . . Поднявъ голову, видитъ онъ молодую дѣвушку, прислонившуюся къ дереву и закрывшую платкомъ глаза, которыя безъ сомнѣнія орошены были слезами. Дѣвушка была одѣта чисто, но очень просто, такъ какъ ремесленница. Темнаго цвѣту платье, голубой передникъ и круглой чепецъ составляли весь нарядъ ея: но она плачетъ, рыдаетъ, и слѣдовательно, какого бы званія ни была, имѣетъ право на утѣшеніе всякаго чувствительнаго человѣка. Слѣдующія слова, услышанныя Гевертомъ изъ устъ ея, поражаютъ его: „Боже мой! какъ жестоки стали времена, и какъ холодны сердца!“ . . .

Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Геверть: они не всѣ холодны; по крайней мѣрѣ мое сердце должно исключить изъ этого, къ нещастію, толь общаго правила. . . . Бѣдное дитя! о чемъ ты крушишься?

Дѣвушка думала, что находится одна съ своею горестію во всей вселенной. Нещастный ничего не видитъ, ничего не слышитъ, и потому вопросъ Геверта остался безъ отвѣта. Подошедъ къ дѣвушкѣ ближе, и схвативъ ее за руку — нещастная! сказалъ онъ ей. . .

Она оглядывается на него, краснѣетъ, и не давъ договорить ему, уходитъ со страхомъ. Геверть, можетъ быть, оставилъ бы ее; но онъ видѣлъ лицо — и какое лицо! какія небесныя прелести! Слезы, текущія изъ глазъ ея, придавали ей еще новую степень привлекательности. И такъ Геверть слѣдуетъ за нею: не бойся, говоритъ ей, не бойся ничего; я человѣкъ чувствительной, честной и богатой.

При словѣ *богатой*, она остановляется и отвѣчаетъ издали: Ахъ, сударь! простите меня; но Бога ради, не ходите за мною. Я не то. . . что вы думаете. Сдѣлайте милость, оставьте меня и дозвольте возвратиться къ отцу моему; посмотрите, какъ всѣ на меня гля-

дять! — Какая нужда! пускай весь свѣтъ на тебя смотритъ. Можешь ли ты укрыться отъ удивленія и соучастія, которыя ты во всѣхъ производишь?

Онъ опять подходитъ къ ней и продолжаетъ: Скажи, любезная дѣвица, о чемъ ты плачешь? повѣрь мнѣ свои горести — и, будь увѣрена, я облегчу ихъ, естьли это возможно. — Естьли возможно! вы богаты? — Очень богатъ. — И человѣколюбивы? — Кажется. . . . — И такъ вы совсѣмъ не таковы, какъ гонитель моего бѣднаго отца? — Кто этотъ жестокой? — Хозяинъ дому, въ которомъ мы живемъ. Батюшка нанимаетъ у него лавку за триста ливровъ въ годъ. Мы не имѣемъ теперь чѣмъ ему заплатить за полгода, и этотъ злодѣй продаетъ послѣднее наше имѣніе, нашъ товаръ. Полиція все уже запечатала, и сего дня всё возьмутъ у насъ. — Боже мой! какая жестокость! — У меня была одна только собственная вещь, стоющая чего нибудь, но драгоцѣнная для нещастной, потому что мнѣ подарила ее истинная моя благодѣтельница. . . Вотъ посмотрите этотъ перстень, осыпанной брилїянтами. Сего дня по утру съ нимъ я бѣгала по всему городу, чтобы продать его; показывала многимъ купцамъ. Одни со-

всѣмъ не хотѣли купить его, а другіе давали мало... — Сколько? — Пятьдесятъ ливровъ; а мнѣ надобно больше полутораста. — Бездѣльники! этотъ перстень очень хорошъ, и стоитъ по крайней мѣрѣ двадцать пять луидоровъ. Со мною есть столько денегъ, которыя я сей часъ взялъ у Нотаріуса. Согласны ли вы за эту цѣну уступить его? — Двадцать пять луидоровъ! ахъ, сударь! это слишкомъ много. — Я васъ увѣряю, что перстень этова стоитъ. — Но какъ!... — Возьми, любезная, этотъ кошелекъ, и спѣши утѣшить отца своего. — О батюшка!... Великодушный человѣкъ! ты возвратилъ мнѣ уваженіе къ роду человѣческому!...

Дѣвушка отдала перстень, взяла кошелекъ и полетѣла, какъ стрѣла. Гевертъ не теряетъ присутствія духа: мимо его идетъ мальчикъ. Послушай, другъ мой! говоритъ онъ ему: бѣги какъ можно скорѣе вонъ за этою женщиною; узнай, какъ ее зовутъ, гдѣ она живетъ, и увѣдомь меня объ этомъ. Вотъ тебѣ мой адрессъ.... талеръ за труды.... ступай!

Маленькой коммисіонеръ бѣжитъ, а Гевертъ возвращается домой. Дорогою думаетъ — о комъ? Безъ сомнѣнія объ Аде-

лїи? конечно такъ; но также и о молодой незнакомкѣ — однакожъ объ ней мыслитъ только изъ сожалѣнїя; его тронуло нещастїе ея и любовь къ родителю; онъ единственно для того любопытствуетъ узнать объ ней, чтобъ въ послѣдствїи еще помогать бѣдному ея семейству, естьли оно этого достойно. . . Аделїя! мать моя соединитъ насъ, сказалъ Гевертъ самъ въ себѣ. . . но я хотѣлъ бы, чтобы матушка увидѣла мою незнакомку. Какое милое лицо! Мнѣ кажется, что она блондина; такъ точно, она блондина. Аделїя брюнета и красавица. У незнакомки голубыя глаза! . . . какъ она плакала! . . . Боже мой! сколько нещастныхъ на свѣтѣ! и какъ благополучны тѣ люди, которые имѣютъ способы помогать имъ! . . .

Такъ разсуждалъ Гевертъ, котораго сердце начинало дѣлиться между Аделїею и нещастною блондиною. Онъ, возвратясь домой, входитъ къ Гжѣ. Гевертъ — и первыя слова его были: „матушка! я принесъ вамъ подарокъ. Покажите мнѣ руку: такъ точно, на этотъ палецъ будетъ онъ совершенно въ пору, и какъ будто нарочно для васъ дѣланъ.“

Говоря сїе удивленной матери, надѣваетъ перстень на ея палецъ; увѣряетъ,

правилъ черезъ горы нѣкоторыхъ своихъ подчиненныхъ. Многїе родственники Аники, ободренные удачными успѣхами въ семъ предпрїятїи, на другой годъ отважились перейти черезъ горы, взявъ съ собою большое число спутниковъ. Они доходили до рѣки Оби и возвратились съ богатымъ грузомъ, состоявшимъ изъ мягкой рухляди. Взаимное сообщенїе становилось день отъ дня дѣятельнѣе. Аника знатно увеличилъ свой достатокъ: купивъ земли и людей, онъ занялся украшенїемъ деревень и береговъ Вычегды. Скоро потомъ онъ отправился въ Москву для донесенїя Царю о своихъ открытїяхъ. Въ награду за дѣятельность и усердїе пожалована ему Пермь въ полное владѣнїе. Страна отъ Соликамска до Чусовой была населена весьма мало; онъ получилъ позволенїе основать на ней жилище и пользоваться всѣми произведенїями тамошняго края. Соликамскъ въ то время еще не былъ построенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ родственники его прїобрѣли равное право на земли, лежащїя при берегахъ Чусовой и Тобола, и умѣли найти въ нихъ великїя для себя выгоды. Разсуждающїй читатель видитъ съ удовольствїемъ, какъ сїя страна, дикая и безплодная, доставшись въ творческїя руки

скорѣе съ этими жестокими людьми; и ты все узнаешь... Отецъ удовлетворилъ хозяина дома, десятскихъ и разсыльщиковъ, которые тутъ были; а я пошелъ, потому что и весь народъ разошелся, и ежели бы я остался, то это показалось бы старику подозрительно.

Гевертъ удивлялся уму и расторопности маленькаго Жана, и услышавъ, что отецъ и мать у него очень бѣдные люди, взялъ его къ себѣ. Оставшись одинъ, онъ помыслилъ съ досадою, что Софїя котельникова дочь. Для чего, сказалъ онъ самъ въ себѣ, для чего красота не занимаетъ первыхъ мѣстъ въ обществѣ? Софїя такъ прелестна, и родилась въ толь низкомъ состоянїи! . . .

Занявшись этою мыслїю, Гевертъ долго думалъ о Софїи, и въ этотъ день позабылъ заѣхать къ Дювалю. Въ слѣдующее утро видѣлся онъ съ Аделїею, и хотя все былъ влюбленъ въ нее, но сдѣлался не такъ услужливъ. Черезъ два дни *случилось* ему итти мимо лавки котельника, по большой Зеленой улицѣ. Софїя сидѣла въ ней подъ окномъ подлѣ отца, которой изо всей силы стучалъ молоткомъ. Гевертъ взглянулъ на нее, и она, узнавъ его, вскричала: батюшка! батюшка! вотъ нашъ благодѣтель!

Въ одинъ мигъ отецъ съ дочерью очутились на улицѣ; обнимаютъ колѣна молодаго человѣка, которой, видя, что не можетъ отъ нихъ уйти, хочетъ по крайней мѣрѣ укрыться отъ любопытства народа, и спѣшитъ къ нимъ въ лавку. Тамъ проситъ ихъ со слезами на глазахъ, умѣрить свою благодарность. Ахъ, сударь! говоритъ ему Антонъ: нѣтъ словъ, которыми могли бы мы вамъ изъявить ее. Дочь моя все мнѣ разсказала. Мы узнали послѣ, что перстень не стоитъ болѣе ста ефимковъ, а вы дали ей двѣсти! Я долженъ вамъ триста ливровъ, и заплачу ихъ — о! будьте увѣрены, что я вамъ ихъ заплачу! — Оставимъ это, другъ мой!... Ты, мнѣ кажется, вдовъ? — Такъ, сударь! съ самаго рожденія моей дочери! (*Старикъ вздыхаетъ.*) И какъ мнѣ не было возможности воспитывать дома такую маленькую дѣвочку, то одна добрая и богатая госпожа, на которую я работалъ, взяла ее, по милости своей, къ себѣ. Софія пробыла у нее до двенадцати лѣтъ, училась всякимъ наукамъ и *талантамъ*; но эта госпожа скончалась, не имѣвъ времени, или забывъ сдѣлать ей состояніе. Я взялъ опять дочь свою, которая пять лѣтъ уже живетъ со мною и помогаетъ мнѣ въ хозяйствѣ. Извѣстной вамъ пер-

стень хранила она въ память благодѣяній покровительницы своей; но вы знаете, что жестокой мой хозяинъ принудилъ Софію продать его. — Я возвращу его тебѣ, Антонъ! непремѣнно возвращу. Когда матушка узнаетъ, какъ дорога вамъ эта вещь, то вѣрно на это согласится. Она такъ добра! — Нѣтъ, сударь! перстень вашъ; оставьте его у себя.

Геверть долго разговаривалъ съ Антономъ и Софіею, и возвратился домой, будучи очарованъ прелестями, умомъ и вѣжливымъ обращеніемъ этой дѣвушки. Онъ посѣтилъ Аделію и увидѣлъ въ ней въ первой разъ много лукавства, суетности и притворства; однакожь все еще думалъ, что Аделію любитъ, а въ судьбѣ Софіи только беретъ участіе. Но любовь скоро изгладила въ сердцѣ его образъ Аделіи и начертала Софіинъ. Онъ разсказалъ матери своей о Тюльерійской встрѣчѣ, превозносилъ похвалами добродѣтели Антона и дочери его, не забылъ описать и красоту ея; представилъ, съ какою горестію разсталась она съ своимъ перстнемъ — и чувствительная Гжа. Геверть возвратила его Герверту.

Молодой человѣкъ летитъ къ Антону, принуждаетъ Софію взять обратно перстень, и соглашается получить отъ чест-

наго Антона въ шести стахъ ливрахъ росписку, которую, отошедъ нѣсколько шаговъ отъ его лавки, раздираетъ.

Вскорѣ послѣ сего, Гевертъ увидѣлъ перемѣну сердца своего, и сначала устыдился. Онъ любитъ — и кого? ... Дочь котельника! . . . Но эта дѣвушка воспитана свѣтскою женщиною, обладаетъ такими прелестями, такими добродѣтелями! . . . Съ какимъ умиленіемъ смотрѣлъ онъ на нее, когда она починивала кружево, стараясь малою прибылью, отъ того получаемою, умножить небольшіе доходы отца своего! Весь кварталъ не иначе говорилъ о сихъ честныхъ людяхъ, какъ съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Софію называли всѣ Ангеломъ. . . . напротивъ того Аделія! . . . Гевертъ ясно видѣлъ, что она ничто иное, какъ тщеславная и жеманная кокетка. Какъ онъ не такъ уже часто бывалъ у Дюваля, то примѣчалъ, что его осыпали учтивостями и ласками даже до подлости, и что сдѣлать связь съ нимъ желали страстно. Дѣвица Дюваль не скрывала отъ него намѣреній своихъ родителей, и даже своихъ собственныхъ. Онъ началъ видѣть въ семъ домѣ только происки кокетства и честолюбія.

Онъ сообщилъ объ этомъ мысли свои матери, и Гжа. Гевертъ поняла, что сердце сына ея обратилось совершенно къ Софіи. Сначала это также огорчило ее; но прибѣгнувъ къ философическимъ своимъ правиламъ, сказала она сама въ себѣ: для чего же мнѣ не согласиться на этотъ союзъ, хотя онъ и многимъ покажется неприличнымъ? Естьли Антонъ честной человѣкъ, естьли дочь его добродѣтельна, то сіи люди будутъ мнѣ вѣчно благодарны; а я приму къ себѣ въ домъ нѣжную и послушную невѣстку; словомъ сказать, такую, какую я всегда желала имѣть, чтобы сынъ мой остался у меня въ домѣ. Я не знаю Аделію, не знаю Софію, не знаю родителей обѣихъ этихъ дѣвушекъ; испытаемъ же Дюваля и Антона — и кто изъ нихъ честнѣе, тотъ и будетъ тестемъ сына моего. Естьли Софія не достойна Геверта, я найду средство помирить его съ Аделіею. Поступая въ семъ дѣлѣ съ крайнею осторожностію, я увѣрена, что мы оба напослѣдокъ будемъ щастливы.

Госпожа Гевертъ послѣ сихъ размышленій немедленно предпринимаетъ самое странное намѣреніе. Въ первой разъ въ шесть лѣтъ приказываетъ заложить карету. Ее сводятъ подъ руки съ лѣ-

сницы, и она ѣдетъ, не сказавъ сыну своему, куда. Проѣхавъ нѣсколько улицъ, оставляетъ экипажъ свой у одной прїятельницы, беретъ наемную карету, и съ вѣрнымъ лакеемъ ѣдетъ къ Дювалю. Ее взносятъ почти на рукахъ въ лавку, въ которой торгуетъ она богатую серебреную сахарницу и пару браслетъ изъ цвѣтныхъ камней. Дюваль, жена его и дочь случилась на тотъ разъ въ лавкѣ. Гжа. Гевертъ видитъ въ Дювалѣ человѣка корыстолюбиваго, въ женѣ его несносную болтунью, а въ Аделїи — молодую пустомѣлю, которая кстати и не кстати вмѣшивается въ разговоры. Увѣряю васъ, сказалъ Дюваль, что отдавая эту сахарницу за триста ливровъ, хочу услужить вамъ; и ежели она не понравится, я завтра возьму ее отъ васъ за двѣсти пятьдесятъ ливровъ. — Въ самомъ дѣлѣ вы возьмете у меня ее за эту цѣну, естьли она мнѣ не полюбится? спросила у него съ тонкостїю Гжа. Гевертъ. — Сей часъ, сударыня, естьли вы изволите, я дамъ вамъ въ этомъ подписку; браслеты также возьму назадъ за 15 лундоровъ, которые я за нихъ прошу.

Гжа. Гевертъ, взявъ сахарницу и браслеты, заплатила, что требовали, и поѣхала опять къ своей прїятельницѣ.

Тамъ надѣваетъ она самое бѣдное рубище, и опираясь на маленькаго Жана, котораго сдѣлала она участникомъ своей тайны, велитъ ему вести себя къ кормителнику Антону. — Она входитъ и, не смотря на нищенское ея платье, Софія спѣшитъ подать ей стулъ, и говоритъ съ чувствительностїю: конечно ты не здорова, милая моя? — Я очень слаба, душа моя! и безъ этого добраго мальчика мнѣ бы никакъ сюда не добрести; но выслушай мою нужду. Я бѣдна, очень бѣдна; у меня четыре сына, и вотъ самой большой; всякой день я варю для нихъ похлебку: они рѣзвятся и часто бьютъ горшки мои, которыхъ я не могу напастись, и это меня разоряетъ. Нѣтъ ли у васъ какого мѣднаго котлика, крѣпкаго и прочнаго? — Есть, отвѣчаетъ Антонъ: вотъ котликъ почти ведерной. Я досталъ его по случаю и могу продать тебѣ за сходную цѣну. — Спасибо, спасибо, доброй человѣкъ! то-то мнѣ и надобно, — по тому, что денегъ у меня очень мало. А за сколько ты мнѣ отдашь его? — Съ другова взялъ бы я не меньше осми ливровъ, а тебѣ уступлю за шесть. — Ахъ, Боже мой! шесть ливровъ! это для меня слишкомъ дорого; однакожь мнѣ очень хочется имѣть этотъ котликъ. — Батюшка!

сказала тихонько Софїя: услужи этой бѣдной женщинѣ. — Ты знаешь, Софьюшка, чего стоитъ мнѣ этотъ котликъ; я при тебѣ заплатилъ за него четыре съ половиною ливра. — Ну чтожь, батюшка! уступи ей за свою цѣну. Она кажется такъ добра и такъ нещастлива! — Будь по твоему! Возьми, голубушка, котликъ, заплати мнѣ четыре ливра съ половиною; но естьли тебѣ понадобится опять его продать, то принеси ко мнѣ; я тебѣ во всякое время охотно возвращу за него твои деньги, потому что онъ изъ хорошей мѣди.

Притворная бѣдняжка, поблагодаря Антона и дочь его, взяла котликъ, заплатила деньги и побрела.

Переодѣвшись и возвратясь домой, не сказала она сыну, гдѣ была и что дѣлала; но красота Софїи, поступки ея и превосходное сердце прельстили ее. Прошелъ мѣсяцъ, въ теченїе котораго Гевертъ часто посѣщалъ украдкою Софїю, и любовь его къ этой милой дѣвушкѣ часъ отъ часу усиливалась. Гжѣ. Гевертъ извѣстны были всѣ успѣхи сей склонности, которую не смѣла еще одобрить. Она опять ѣдетъ со двора въ своей каретѣ; потомъ беретъ наемную, и въ платьѣ, гораздо хуже того, въ какомъ была

въ первой разъ у Дюваля, пріѣзжаетъ опять къ сему купцу, взявъ съ собою сахарницу и браслеты, до которыхъ она не дотрогивалась съ тѣхъ поръ, какъ ихъ купила. — Узнаете ли вы меня? спросила она у него съ печальнымъ видомъ. — Нѣтъ, сударыня! извините. — Вспомните, что, мѣсяцъ тому назадъ, купила я у васъ эту сахарницу и браслеты. — А! . . . да. . . что жь вамъ угодно? — Ахъ, сударь! дѣла мои съ тѣхъ поръ такъ разстроились, что я принуждена теперь продать сіи вещи. Согласны ли вы взять ихъ назадъ? — Нѣтъ, сударыня! это не возможно; мы и такъ почти никакихъ барышей не имѣемъ; деньги стали такъ рѣдки! — Какъ, сударь! вы отказываетесь взять назадъ то, что мнѣ продали? — Но, сударыня! . . для этого надобно, чтобы цѣна ихъ была такъ низка. . . . — Такъ низка? Не вы ли сами сказали мнѣ, что всегда возьмете эту сахарницу за 250 ливровъ, а браслеты за 15 луидоровъ, которые я вамъ за нихъ заплатила? — Съ того времени, сударыня, какъ я вамъ это говорилъ, обстоятельства совсѣмъ перемѣнились. Тогда мнѣ было можно, а теперь . . . . теперь курсъ сталъ отмѣнно низокъ. . . Сверьхъ того сіи вещи очень уже подержаны, и

больше никуда не годятся, какъ въ ломъ. Оставьте ихъ лучше у себя. — Ахъ, сударь! мнѣ такая крайняя нужда въ деньгахъ! (*Дѣлаетъ видъ, будто плачетъ.*) Бѣднаго мужа моего сего дня посадятъ за долги въ тюрьму; а у меня четверо дѣтей, которыя требуютъ отца и хлѣба. — Сердечно жалѣю, сударыня! — Сдѣлайте милость, не откажите мнѣ въ моей прозьбѣ; дайте мнѣ хотя что нибудь за эти вещи. — Что нибудь? . . . хорошо! . . . Я дамъ вамъ, естьли угодно, четыре луидора за сахарницу и три за браслеты: вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать, и то, божусь вамъ, только для того, чтобы вамъ услужить, потому что жена моя и дочь за это меня разбранятъ.

Аделїя, стоявшая тутъ, отвѣчаетъ: дѣйствительно, батюшка! вы умѣете торговаться!... однакожъ надобно имѣть *нѣкоторое снизхожденїе къ нещастнымъ.* — И такъ это ваше послѣднее слово, г. Дюваль? говоритъ Гжа. Гевертъ съ негодованїемъ. — Такъ, сударыня! и естьли бы я часто дѣлалъ такїя дѣла, то совершенно бы разорился и не могъ бы дать приданаго моей Аделїи, которая уже невѣста. — Конечно! сказала Аделїя, улыбаясь. — О! безъ сомнѣнїя, говоритъ въ свою очередь Гжа. Гевертъ: однакожъ,

сударыня, извольте искать себѣ другова жениха; а сынъ мой, клянусь вамъ, никогда не будетъ вашимъ мужемъ. — Какъ! что вы хотите сказать? — Я хочу сказать, что вы видите во мнѣ сосѣдку вашу, мать молодаго Геверта, и что мнимая моя нужда въ деньгахъ была только одна хитрость для испытанія вашей честности, которая, какъ я вижу, не очень примѣрна... Г. и гжа. Дюваль! прощайте. Прости и ты, нечувствительная дѣвушка! Ваша покорная услужница.

Гжа. Гевертъ кинула взоръ презрѣнія на сихъ подлыхъ людей, остолбенѣвшихъ отъ стыда, и возвратилась домой съ сахарницею и браслетами.

Въ слѣдующее утро Гжа. Гевертъ надѣваетъ свое нищенское рубище, и опираясь на маленькаго Жана, идетъ къ Антону, неся съ собою котликъ, у него купленный. Софія узнаетъ ее, сажаетъ и осыпаетъ ласками. Что тебѣ надобно, моя милая? спрашиваетъ она у нее. — Любезная дѣвица! гдѣ твой батюшка? — Онъ тамъ работаетъ. Батюшка! поди сюда; къ намъ пришла опять та бѣдная женщина.... — Ахъ! здравствуй, другъ мой! Послушай, какая бѣда со мною случилась.... Я должна продать твой котликъ; сего дня мнѣ непремѣнно надобны

деньги.... Я отдамъ тебѣ его съ большою уступкою. — Съ большою уступкою! вскричалъ Антонъ. — Боже мой! возможно ли? съ уступкою! перерываетъ Софїя, глядя съ чувствомъ на отца своего. — Нѣтъ, голубка! продолжаетъ Антонъ: мнѣ никакой уступки не надобно; я сказалъ уже тебѣ, что всегда возьму назадъ котликъ за четыре ливра съ половиною: вотъ они. — Человѣкъ почтен.....

Госпожа Гевертъ, не договоря, замолчала, боясь, чтобы не измѣнить самой себѣ. Сердце ея сильно бьется, глаза наполняются слезами чувствительности отъ толь прекрасной черты человѣколюбїя и честности. Софїя продолжаетъ: не думай, моя милая, чтобы батюшка хотѣлъ обмануть тебя, когда сказалъ, что возьметъ эту вещь за ту же цѣну. Онъ самъ за нее столько заплатилъ, и ты видишь, что ему нѣтъ тутъ ни барыша, ни убытку..... Но, скажи мнѣ пожалуй, видно ты очень нещастлива? нѣтъ ли тебѣ еще въ чемъ нужды?.... Послушай! оставь у себя котликъ и деньги; ты намъ когда нибудь ихъ заплатишь... Я знаю, какъ горестно разставаться съ вещами, которыя намъ нравятся, или нужны!.... (*вздыхаетъ*) — Вы конечно достаточны, когда можете

дѣлать такіе подарки? — О! совсѣмъ нѣтъ; но кто имѣетъ ремесло и ведетъ себя порядочно, тотъ всегда можетъ удѣлять что нибудь для нещастныхъ. Ахъ! естьли бы и самой мнѣ не помогли въ нашей нуждѣ, то батюшки вѣрно бы теперь здѣсь не было!.... — Тебѣ помогли? — Да ... и очень. Послушай!

Тутъ Софія разсказала Гжѣ. Геверть объ извѣстномъ случаѣ; и какъ тронута была добрая мать этою повѣстію, которую Софія старалась сдѣлать интереснѣйшею, присоединяя къ оной частыя похвалы молодому Геверту! Когда она перестала говорить, Гжа. Геверть сказала ей: „видно, этотъ молодой человѣкъ достоинъ всякаго почтенія! Онъ конечно часто съ тобою видится? (*Софія краснѣетъ.*) Можетъ быть, онъ тебя любитъ?“ — Возможно ли это? онъ такъ богатъ и знатенъ! — А тебѣ вѣрно кажется онъ любезнымъ? — О! безъ сомнѣнія, онъ очень любезенъ. — Понимаю; но замѣтилъ ли онъ твою къ нему склонность? — Какой вопросъ! Была ли бы я достойна родительской любви и собственнаго своего уваженія, естьли бы подала какую нибудь надежду молодому, знатному и богатому человѣку? Естьли бы могла я это сдѣлать: то онъ, узнавъ о моей слабости, конечно началъ бы ста-

раться обольстить и обмануть меня!..— Милое дитя! Какъ ты щастливъ, Антонъ, что имѣешь такую дочь! Я плачу отъ радости.... Однакожь прощайте, добрые люди! завтра вы меня опять увидите.

Гжа. Гевертъ оставила котликъ, взяла свои четыре съ половиною ливра и возвратилась домой. Будучи очень тронута честностїю Антона и добродѣтелями Софїи, она сказала твердымъ голосомъ самой себѣ: „эта милая дѣвица будетъ женою моего любезнаго сына!“

Между тѣмъ, какъ Гевертъ удивляется, видя, что мать его такъ часто стала выѣзжать, сїя нѣжная мать усугубляетъ его изумленїе, пригласивъ его въ слѣдующїй день съѣздить вмѣстѣ съ нею за нѣкоторыми покупками. Гевертъ садится подлѣ нея въ карету и поздравляетъ съ лучшимъ состоянїемъ ея здоровья. Карета проѣзжаетъ многїя улицы и остановляется противъ лавки котельника Антона. Боже мой! вскричалъ Гевертъ: матушка! что вы намѣрены сдѣлать? — Твое щастїе, сынъ мой! пойдемъ, и дай мнѣ волю!

Гжа. Гевертъ входитъ въ лавку съ сыномъ, къ великому удивленїю Антона и дочери его. Софїя приходитъ въ замѣшательство. Здравствуйте, мои любезные! сказала съ веселымъ лицомъ доб-

рая мать: узнаете ли вы меня? — Боже мой! вскричала Софїя: батюшка! посмотри; кажется, это самая та женщина, которая вчера обѣщала. . . . — которая обѣщала сего дня съ вами видѣться. Ты видишь ее самую, милая Софїя! но это не та уже бѣдная женщина, у которой такъ часто бились горшки, а мать этого молодаго человѣка, которой, естьли хочешь, будетъ твоимъ супругомъ, и которому прошу тебя не отказать въ рукѣ твоей. . . — Матушка! прерываетъ восхищенный Гевертъ. . . . — Постой, сынъ мой! дай мнѣ все договорить.

Гжа. Гевертъ разсказала подробно о двухъ опытахъ, сдѣланныхъ ею надъ Дюваляии и надъ честнымъ Антономъ. Первыхъ называетъ она тѣми именами, которыя они заслуживаютъ, и объявляетъ доброму котельнику, что беретъ его къ себѣ въ домъ съ прелестною его дочерью, которую любитъ какъ родную дочь.

Какая сцена изумленїя, любви, восторговъ! Антонъ не знаетъ, вѣрить ли ему такой щастливой перемѣнѣ состоянїя! Софїя обнимаетъ колѣна Гжи. Гевертъ; а сынъ, бросясь въ объятїя матери своей, отъ восхищенїя не можетъ говорить, и

благодарность свою изъявляетъ ей одними поцѣлуями.

Всѣ поѣхали въ домъ Гжи. Гевертъ. Черезъ нѣсколько дней сынъ ея женился на Софіи, къ крайней досадѣ, или, лучше сказать, къ отчаянію Дювалей, которые вскорѣ послѣ того уѣхали, не извѣстно куда.

Гжа. Гевертъ нашла въ Софіи такую точно невѣстку, какую всегда желала имѣть: Софія, будучи рѣдкою супругою, оказывала всегда сей почтенной женщинѣ всю услужливую привязанность нѣжнѣйшей дочери. Щастливая чета осталась навсегда въ одномъ домѣ съ Гжею. Гевертъ; а честной Антонъ, получивъ хорошее содержаніе, раздѣлялъ любовь и почтеніе дочери своей къ фамиліи, утвердившей навѣки ея благополучіе. Таково было награжденіе любви и честности!

II.

Критика на драматическія сочиненія Г. Коцебу.

(Окончаніе.)

Сколько разъ, приходя изъ театра, и стараясь дать одинъ другому отчетъ въ

тѣхъ впечатлѣнїяхъ, которыя нами тамъ получены, соглашались мы съ тобою, другъ мой, что драматической Авторъ, естьли хочетъ занимать зрителя, не долженъ, вѣрить случаю: долженъ сдать ходъ произшествїй, не оставляя ничего случаю и не предлагая ни одного дѣйствїя, которое не произходитъ естественно и необходимо изъ своей причины. Отъ сего-то соображенїя произходитъ такъ называемое единство. — Единство есть всегда единство какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ; это неизмѣнное правило Природы. Оно также должно быть правиломъ и Поэта, которому надобно всячески стараться подражать ей. Поэтъ *творящїй* долженъ творить по ея примѣру. Сїе правило единства изключаетъ обстоятельства невѣроятныя, не приготовленныя и слишкомъ неожидаемыя. Оно изключаетъ еще все, что несовершенно отвѣтствуетъ характеру дѣйствующихъ лицъ. Не говорю, чтобы человѣкъ въ томъ, или другомъ положенїи не могъ выступить на минуту изъ своего характера; но и въ этомъ случаѣ надлежитъ дать очень ясно примѣтить влїянїе причины на дѣйствїе. На примѣръ: въ *Ненависти къ людямъ и раскаянїи* — можно ли намъ

брать живѣйшее участіе въ этомъ Баронѣ Мейнау? Можно ли понять, чтобы человѣкъ, толь жестоко обманутый двумя лучшими своими друзьями — потому что одинъ отнялъ у него половину имѣнія, а другой обольстилъ жену — не нашелъ бы въ поведеніи своемъ чѣмъ себя укорить? Тотъ, кто никогда не видалъ отъ людей ничего, кромѣ измѣны, неблагодарности и мрачнѣйшихъ во всякомъ родѣ поступковъ, не подаетъ ли повода мыслить, что онъ заслужилъ участь свою какими нибудь недостатками или проступками? И ежели по характеру двухъ очень худо избранныхъ друзей заключилъ онъ, что весь родъ человѣческій не имѣетъ въ себѣ ничего, кромѣ ненавистнаго, то по крайней мѣрѣ не можно ли его назвать худымъ Логикомъ? *Тимонъ* Лукіяновъ гораздо самъ съ собою согласнѣе. Онъ поклялся вѣчною ненавистію ко всѣмъ людямъ, и въ слѣдствіе сего грозитъ проломить голову всякому, кто осмѣлится къ нему подойти. Мизантропъ Гна. Коцебу колеблется безпрестанно между двумя противуположными чувствами: между ненавистію и любовью; ему очень трудно выполнять наложенную на себя обязанность. Онъ безпрестанно самъ съ собою разсуждаетъ, и остает-

ся тѣмъ, чѣмъ хочется ему быть, единственно отъ того, что худо разсуждаетъ. Можетъ быть, представя его нерѣшимымъ, Авторъ хотѣлъ увеличить участіе зрителей въ его судьбѣ. Но нѣтъ: добрыя дѣянія, которыя онъ ему придаетъ, суть въ немъ ничто иное, какъ невольное слѣдствіе состраданія и перваго движенія. Онъ противъ воли благотворителенъ, слѣдовательно не добродѣтеленъ, слѣдовательно мало имѣетъ права на уваженіе наше. По крайней мѣрѣ хотя бы сей мнимый мизантропъ оказывалъ иногда сожалѣніе о сдѣланномъ людямъ добрѣ! — Но и этого совсѣмъ нѣтъ; напротивъ онъ часто самъ ищетъ къ тому случаевъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы не быть ни минуты въ своемъ характерѣ. Разсматриваемый подъ сими разными видами, Баронъ не мизантропъ, ни по свойству, ни по правиламъ.

Сей недостатокъ единства и вѣроятія еще примѣтнѣе въ піесѣ, подъ названіемъ: *Дѣва Солнца*, которая, къ чести Германіи, мало имѣла въ ней успѣха. Содержаніе взято изъ Мармонтелевыхъ *Инковъ*; дѣйствіе произходитъ въ Квито. Алонзо, молодой Гишпанецъ, замѣтилъ во время народной процессіи одну изъ дѣ-

вицъ, посвященныхъ Солнцу. Глаза его остановились на ней и скоро встрѣтились съ ея взорами — они уже любятся. . . . Но какъ изъясниться? Само небо спѣшитъ къ нимъ на помощь. Страшное землетрясенїе колеблетъ храмъ Солнца. Ограда во многихъ мѣстахъ разсѣдается; и чрезъ одинъ изъ сихъ проломовъ они могутъ видѣться, разговаривать, и . . . что же произошло отъ сихъ свиданїй? . . . Кора сама скажетъ намъ объ этомъ съ *рѣдкимъ простодушїемъ.*

Кора.

Милой Алонзо! съ нѣкоторыхъ поръ я безпрестанно больна.

Алонзо.

Не вправду ли?

Кора.

Да, и очень больна; но этому такъ и должно быть. — Скоро любезная твоя не одного тебя любить будетъ. . . . Не такъ ли, Алонзо? . . . . Однакожь мать есть почтенное созданїе.

Алонзо.

Откуда взяла ты такїя мысли?

Кора.

Не уже ли ты не можешь догадаться? (съ видомъ невинной радости) Алонзо! я буду матерью.

Можно ли повѣрить, чтобы Кора, воспитанная въ храмѣ Солнца, могла не знать строгаго закона, предписаннаго дѣвамъ, въ ономъ обитающимъ? Зрители не безъ причины удивляются, что сказываетъ ей объ немъ иностранецъ, осквернитель сего храма, Алонзо. . . . . Онъ, какъ видно, взялся выучить ее всему... Никто не избѣжитъ судьбы своей! вотъ для нея извиненіе, представляемое ей снизходительностію добрыхъ ея подругъ. Замѣть, что она и дѣйствительно не была обольщена, но сама бросилась въ объятія любовника. Допустимъ, что, по какимъ нибудь особымъ причинамъ, Кора не вѣдала всѣхъ обязанностей своего званія; но по крайней мѣрѣ, не будучи слишкомъ взыскательными, можно положить, что она имѣла хотя общее понятіе о нравственности и пристойности. Правду сказать, она часто увѣряетъ насъ, что любитъ и почитаетъ добродѣтель. Вѣроятно, что стыдливости нѣтъ въ ея спискѣ. . . И дѣйствительно, она не показываетъ даже ни малѣйшаго раскаянія въ своемъ проступкѣ, и ни сколько не опасается, чтобы ее почли преступницею. Каковъ покажется вамъ этотъ характеръ? Гдѣ тутъ истина, нравственность, благопристойность? гдѣ то почтеніе, ко-

торое всякой Писатель долженъ оказывать Публикѣ? Не уже ли Г. Коцебу думаетъ приближаться къ Природѣ въ то время, какъ онъ наиболѣе отъ нея удаляется? Не уже ли полагаетъ онъ, что этотъ стыдъ, которой принуждаетъ дѣвушку потуплять глаза, это смущенїе, которое испытываетъ даже и молодая женщина, ставъ въ первой разъ матерью, суть дѣйствїя предразсудковъ, основанныхъ на общежительныхъ пристойностяхъ? Не уже ли мыслитъ онъ, что не Природа внушаетъ чувство стыдливости? Правду сказать, онъ во многихъ мѣстахъ забавляется надъ женскими добродѣтелями и должностями, такъ что, кажется, не вѣритъ ихъ существованїю. Послушайте молодыхъ подругъ Коры, и скажите мнѣ, не одного ли только случая не доставало имъ, чтобы впасть въ подобное преступленїе? — Но въ пїесѣ, подъ заглавїемъ: *Братъ Маврикїй*, мнѣнїе Автора о семъ обнаруживается еще оскорбительнѣе. Надобно знать, что этотъ *Братъ Маврикїй* есть, или долженъ быть человѣкъ совершенно благоразумный, или, лучше сказать, осьмой мудрецъ. Онъ влюбляется въ молодую дѣвушку, которая, сохранивъ всю свою *невинность*, получила однако же отъ перваго любовника

самый несомнѣнный залогъ его нѣжности. Для отвращенія Маврикія отъ предлагаемаго имъ супружества съ нею, открываетъ она ему чистосердечно свой проступокъ. . . . Это конечно очень честно. Теперь, по отвѣту Маврикія, разсудите, почувствовалъ ли онъ цѣну такого поступка и достоинъ ли такой жены? — „Еще предразсудокъ!“ говоритъ онъ ей... „но не бойся, чтобы онъ остановилъ меня. „Посмотри на этотъ перстень; онъ конечно хорошъ, не смотря на то, что „былъ во многихъ рукахъ, что нѣкоторые люди носили его прежде меня — и я „хочу, чтобы онъ былъ погребенъ со мною; „а ожидая этого, ношу съ такимъ точно удовольствіемъ, какъ будто я самъ „извлекъ его изъ рудниковъ Голконд„скихъ!!! Такъ, милая моя! зная, какова „ты теперь, чувствую, что буду съ тобою щастливъ; не говоря мнѣ, что пре„жде была достойнѣе. . . . . нѣтъ! я „утверждаю, что нынѣ стала ты честнѣе. „Ты была невинна по привычкѣ и по не„вѣденію другаго рода существованія; „была невинна для того, что тебѣ при„казывали такою быть. Теперь же зна„ешь, какъ и для чего ты добродѣтель„на. . . . Такъ, нынѣ только стала ты „добродѣтельна! . . . Не уже ли я по-

„жертвую щастїемъ своимъ химерѣ? не „уже ли презрю розу за то, что Зефиръ „лобызалъ ее? . . . Я не имѣю права спраши-„вать у тебя, что ты была прежде. Знаю, „что ты есть теперь и чѣмъ будешь „для меня. . . . Ты не требуешь, чтобъ „я разсказалъ тебѣ любовныя приклю-„ченїя моей молодости: не уже ли права „обоихъ половъ въ разсужденїи этого не „одинаковы!!!" Объ этомъ, кажется, и разсуждать нечего. . . .

Еще слово о характерахъ Г. Коцебу. Они обыкновенно не только слабы, но даже *ломки*, и всегда увидишь ихъ съ одной только стороны. Они или выходятъ изъ Натуры, или когда остаются тѣмъ, чѣмъ должны быть, то это всегда бываетъ съ самою скучною монотонїею; отъ сего — никакого разнообразїя, никакой постепенности въ развитїяхъ; отъ сего наконецъ сочиненїя Г. Коцебу должны быть и суть дѣйствительно совершенно безполезны для тѣхъ, которые хотятъ познать сердце человѣческое. Дѣйствующїя его лица очень хорошо дѣлаютъ, приходя объявлять зрителю, что они имѣютъ такую-то страсть, или такїя-то чувства, которыхъ бы безъ сей ихъ услужливости никто не могъ угадать. Такимъ-то образомъ, въ пер-

вую четверть часа бесѣды своей съ Графскимъ шуриномъ, Гжа. Миллеръ, сія по свойству застѣнчивая женщина, и сверхъ того убитая нещастіемъ, спѣшитъ однако же, какъ можно скорѣе, дать знать ему, что она очень свѣдуща; не опускаетъ ни малѣйшей подробности, даже не забыла имени композиторовъ, которыхъ сонаты она разыгрываетъ. — Иногда кажется, что его дѣйствующія лица заимствуютъ слогъ свой отъ недавно читанныхъ ими Авторовъ. Въ первомъ актѣ *Ненависти къ людямъ и раскаянія* всякой подумаетъ, что Баронъ выписалъ ролю свою изъ Циммермановой книги объ уединеніи. Четвертый же актъ заключаетъ въ себѣ цѣлую тираду изъ сего превосходнаго сочиненія.

Болѣе всего прочаго оскорбляетъ въ Драмахъ Г. Коцебу совершенное отсутствіе драгоцѣннаго и необходимаго всякому Писателю качества, качества, котораго ни искуство, ни самъ Геній замѣнить не могутъ. Вы понимаете, что я говорю о вкусѣ. Сей недостатокъ вкуса видѣнъ у него въ безпрестанномъ, несносномъ смѣшеніи важнаго съ шуточнымъ, благороднаго съ низкимъ, наконецъ въ частомъ употребленіи самыхъ непристойныхъ двусмысленностей.

Я упоминалъ уже о тѣхъ возбуждающихъ къ себѣ отвращенїе забавникахъ, которые, какъ будто по наряду, приходятъ смѣшить зрителей. Подлѣ степеннаго человѣка увидишь почти всегда одного изъ скучныхъ шалуновъ: въ *Сынѣ любви* Графа фон-Мульду, въ *Братѣ Маврикїѣ* Штиренбока, въ *Индѣйцахъ* Шмита. Мнимая веселость сихъ шутовъ часто бываетъ глупа даже до подлости. Всегда сїи несносные дураки приходятъ совсѣмъ неожидаемо — но, нѣтъ! кто знаетъ обычай Г. Коцебу, тотъ долженъ быть къ этому приготовленъ: всегда у него послѣ трогательной сцены слѣдуетъ Арлекинада. Кажется, что Авторъ хочетъ возстановить нарушенное имъ равновѣсїе; ему больно, что опечалилъ насъ, и онъ почитаетъ себя обязаннымъ осушать слезы, которыя проливать насъ заставилъ. — Самое обыкновенное, самое низкое, даже подлое — такова есть сфера Г. Коцебу. Въ ней-то любитъ онъ обращаться по природной склонности. Нельзя однакожь отрицать совершенно, чтобы онъ не имѣлъ искуства трогать иногда зрителя; но не ищите глубокихъ чувствъ въ его дѣйствующихъ лицахъ. Языкъ ихъ не всегда есть языкъ истины. Много ли найдется въ его сочиненїяхъ сихъ разящихъ стрѣлъ, которыя, вылетая изъ

рукъ Природы, проницаютъ въ послѣдніе изгибы сердца? По крайней мѣрѣ его характеры, въ разсужденіи сего, суть вообще самаго обыкновеннаго разбора. Когда же вздумается ему *поблагородничать*, то почти всегда впадаетъ онъ въ иперболы и парадоксы! — О! это уже пристрастіе, скажете вы. — Нѣтъ, любезной другъ, и не думай, чтобы мнѣ трудно было доказать справедливость моихъ замѣчаній — но довольно. . . .

(*Изъ одного иностраннаго Журнала.*)

III.

Вольтеровы мысли.

(Продолженіе.)

Во всѣхъ вещахъ міра сего почти одна только пустота; но въ ученіи оной меньше, и потому-то оно составляетъ великое утѣшеніе, питая душу до послѣдней минуты.

Очень трудно угодить Публикѣ. Есть однако же тайна понравиться ей при жизни: для сего должно, чтобы человѣкъ былъ во всемъ совершенно нещастливъ.

Мы всегда говоримъ, видя чью нибудь преждевременную смерть, что

жизнь есть сонъ, что люди ничто иное, какъ скоропреходящія тѣни, что не льзя ручаться ни за одинъ мигъ. Это все правда; но черезъ минуту послѣ сихъ разсужденій начинаемъ дѣйствовать и дѣлать прожекты, какъ безсмертные.

Утверждаю, что женщины имѣютъ болѣе мущинъ твердости духа.

Я коротко знаю Публику. Энтузіасмъ проходитъ; одна только истинная дружба остается. Сего дня осыпаютъ васъ похвалами и рукоплесканіями, завтра не глядятъ, а послѣ-завтра станутъ бросать въ васъ каменьями.

Та же самая Публика, которая сего дня даетъ вамъ лавровые вѣнки, завтра станетъ давать пощечины.

Щастіе, находимое въ домашней жизни, есть самое прочное и сладчайшее.

Есть люди, при которыхъ не осмѣлишься назвать себя нещастнымъ.

Я имѣлъ время замѣтить въ свой вѣкъ, что все то, что говорится и дѣлается въ свѣтѣ, не стоитъ труда выходить изъ дому. — Болѣзнь доставляетъ намъ большую выгоду: она избавляетъ насъ отъ обществъ.

Всѣ дѣла продолжительны. — Всякое зло прилетаетъ птицею, а возвращается черепахою. Терпѣть довольно скучно;

рода *Нероновою гробницею* (*). Здѣсь возносится великая тѣнь вѣчнаго града. Упадши съ вершины земнаго своего величія, онъ, кажется, захотѣлъ уединиться, захотѣлъ отдѣлиться отъ прочихъ градовъ земли, и подобно Царицѣ, сверженной съ трона, великодушно сокрылъ нещастіе свое въ уединеніи.

Ты, можетъ быть, подумаешь, послѣ сего описанія, что нѣтъ ничего противнѣе Римскихъ окрестностей: весьма ошибешься; онѣ имѣютъ въ себѣ величіе непостижимое; каждой разъ, смотря на нихъ, хочется воскликнуть съ Виргиліемъ:

Salve, magna parens frugum, Saturnia tellus,
Magna virum (**)!

Естьли вы будете разсматривать ихъ въ качествѣ домостроителя, то уныніе обниметъ вашу душу; взирайте на нихъ какъ Артистъ, какъ Поэтъ, даже какъ Философъ — и вы, можетъ

(*) Гробница Неронова, скрывавшая тѣло его, находилась при вратахъ *народныхъ*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ послѣ построили церковь Santa Maria del Popolo.

(**) Привѣтствую тебя, земля плодоносная, земля Сатурнова, мать мужей великихъ!

всѣми своими минутами; а жизнь такъ коротка, что жаль потерять изъ нее четверть часа.

Нѣтъ ничего безразсуднѣе, какъ желать ослѣпить умы, которые хотя однажды видѣли свѣтъ.

На семъ свѣтѣ есть примѣры всему.

Довольно легко помѣшать рожденїю разума; но когда уже онъ родится, то не во власти человѣческой состоитъ умертвить его.

Не стоитъ труда быть подражателемъ; должно молчать, когда не найдешь сказать ничего новаго. (*Сїе разумѣется объ Авторахъ.*)

Не надобно докучать пустяками людямъ, отправляющимъ важныя Государственныя должности. Въ Китаѣ сѣкутъ розгами тѣхъ, которые пишутъ къ Министрамъ длинныя и вздорныя письма.

Злоупотребленїя по нещастїю необходимы въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Великая ЕКАТЕРИНА пишетъ ко мнѣ слѣдующее: *горе притѣснителямъ и гонителямъ! они достойны быть на-ряду съ Фурїями.* Но разсудокъ говоритъ, а фанатизмъ реветъ.

Всякая сатира влечетъ за собою другую, и часто раждаетъ непримиримыя вражды. Я не знаю ни одной сатиры,

которая осталась бы безъ отвѣта. Родственники, друзья принимаютъ участіе въ сихъ ссорахъ. Это ядъ Литтературы.

Естьли бы Природа не одарила меня двумя превосходными *противоядными* средствами, то есть, трудолюбіемъ и веселонравіемъ — я давно бы уже умеръ съ отчаянія.

IV.

Апологи Гна. Песталоцци.

1.

Левъ, быки и лисица.

Однажды вздумалось Льву быть единственнымъ рыкающимъ звѣремъ. Въ слѣдствіе сего приказалъ онъ всѣмъ животнымъ, особливо быкамъ, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не испускали реву, подобнаго хотя мало его рыканію.

Но быкамъ никакъ не можно было отстать отъ привычки; почему они и ревѣли всякой разъ, когда думали, что Левъ отъ нихъ далеко.

Разгнѣванный Левъ поймалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и посадилъ въ глубокой ровъ.

Заключенные показывали искреннее раскаяніе, и клялись, что болѣе никогда не станутъ ревѣть.

Смягченный Левъ хотѣлъ возвратить имъ свободу; но лисица отклонила его отъ сего великодушнаго намѣренія. Повелитель мой! сказала она ему: ты не иначе можешь отучить быковъ отъ реву, какъ заставивъ ихъ молчать посредствомъ ужаса.

2.

Обезьяна и змѣя.

Молодая обезьяна долго старалась узнать, что такое скромность, но никакъ не могла до этого добраться, пока наконецъ, увидя ползущую на брюхѣ змѣю, сказала она своей матери: „скромность безъ сомнѣнія состоитъ въ томъ, чтобы не ходить, а ползать.“

3.

Ученіе медвѣдей.

Вотъ каково учить медвѣдей! лучше бы оставить ихъ невѣждами въ лѣсахъ. Такъ говорилъ *Момъ*, увидя, что первый медвѣдь, выученный плясать, изломалъ до смерти своего хозяина.

Момъ забылъ, что хозяинъ, разтерзанный медвѣдемъ былъ, не тотъ, кото-

рой выучилъ его плясать, но молодой вѣтреникъ, сынъ его, которой, вопреки всѣмъ правиламъ и совѣтамъ благоразумныхъ людей, вздумалъ водить медвѣдя за носъ, а не за шею, и сверхъ того больно его побилъ, когда онъ сталъ въ первой разъ роптать на толь новый и болѣзненный способъ управленія.

V.

Новооткрытое дѣйствительнѣйшее лѣкарство отъ гнилыхъ горячекъ.

Сіе лѣкарство очень не дорого и просто. Нѣмецкой Врачь, изобрѣтшій его, называетъ сіе средство неизмѣннымъ. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы больному давать ежедневно по пяти или шести столовыхъ ложекъ пивныхъ дрождей. Онъ доказываетъ справедливость своего предложенія тѣмъ, что мореходцы давно уже имѣютъ обыкновеніе заливать мясо пивными дрождями, для предохраненія его отъ гнилости. — Остается теперь рѣшить, одинакое ли свойство имѣютъ сіи двѣ гнилости, и слѣдовательно могутъ ли быть отвращаемы одинакими средствами?

VI.

Анекдоты.

Недавно одинъ Французъ, гуляя въ Тюльери, въ самое время захожденія солнца, устремилъ глаза свои на сіе пріятное явленіе, и очень долго смотря на него, вскричалъ: *нѣтъ! мое гораздо лучше!* — Это былъ Поэтъ, которой сочинилъ передъ тѣмъ стихи на захожденіе солнца.

❋

Какой-то шалунъ ходилъ по улицамъ въ Парижѣ, совершенно нагой, неся притомъ на плечѣ свертокъ сукна. Когда спрашивали у него, для чего не сошьетъ онъ себѣ кафтана, имѣя сукно — онъ отвѣчалъ: я дожидаюсь, чтобы мода сдѣлалась постоянною. Мнѣ не хочется портить сукна на такой кафтанъ, которой выдетъ изъ моды въ то же время, какъ выдетъ изъ рукъ портнаго.

❋

Англичанинъ Арнотъ былъ человѣкъ очень умный, но удивительно странной. Онъ женился на своей кухаркѣ для того, что она хорошо умѣла жарить котлеты. Когда надобно ему было кликнуть слугу, то онъ не звонилъ въ колокольчикъ, не свисталъ и не кричалъ, а стрѣлялъ изъ пистолета.

❋

Одинъ молодой Еврей въ Англіи хотѣлъ жениться на Христіянкѣ. Отецъ его смотрѣлъ не на Религію дѣвушки, но только на приданое, и желалъ, чтобы оно было такое, какимъ могъ бы онъ быть доволенъ. Начавъ журить сына, сказалъ ему, что вѣрно найдетъ гораздо богатѣйшую невѣсту, и наконецъ поклялся, что лишитъ его наслѣдства, естьли женится безъ его согласія. Молодой человѣкъ отвѣчалъ, что непремѣнно хочетъ обладать предметомъ всѣхъ своихъ желаній, и что естьли ему откажутъ въ томъ, то онъ обойдется и безъ дозволенія; сверхъ того сдѣлается Христіяниномъ, и что тогда, по законамъ Англійскимъ, правительство дастъ ему половину отцовскаго имѣнія. Мардохей, до крайности встревоженный симъ неожидаемымъ отвѣтомъ, побѣжалъ просить совѣта у одного стряпчаго, которой сказалъ, что сынъ говоритъ правду, и что сдѣлавшись Христіяниномъ, получитъ непремѣнно половину его имѣнія; но ежели хочешь, примолвилъ онъ, подарить мнѣ десять гиней, я лишу его всѣхъ правъ на это. Услыша такой отвѣтъ, старой Жидъ былъ въ восхищеніи; тотчасъ вынулъ кошелекъ, отщиталъ десять гиней и вручилъ стряпчему, изъявляя живѣй-

шее нетерпѣнїе услышать поскорѣе спасительной отвѣтъ. Г. Мардохей! произнесъ стряпчїй, положивъ деньги въ карманъ: это средство состоитъ въ малости: надобно только, чтобы ты самъ сдѣлался Христїяниномъ!

VII.

О Черкашенкахъ.

Черкашенки славятся красотою и — заслуживаютъ сїю славу. При удивительной правильности лица и ослѣпительной бѣлизнѣ, онѣ совершенно стройны, особливо въ молодости. Спокойная жизнь, сочная пища и частое употребленїе теплыхъ бань придаютъ имъ въ послѣдствїи дородность, выходящую нѣсколько изъ предѣловъ соразмѣрности, но которую Турки отмѣнно любятъ. — Путешественники не менѣе удивляются непорочности ихъ нравовъ. Молодыя знатныя женщины никогда почти не показываются на улицахъ. Время ихъ проходитъ въ угожденїяхъ мужу и въ старанїи удерживать его столь долго въ Гаремѣ, сколько дѣла его могутъ дозволить; въ попеченїяхъ о дѣтяхъ, въ нарядахъ, въ молитвѣ по на-

значеннымъ часамъ, или наконецъ въ совершенной праздности. Рѣдко найдешь Черкашенку, которая умѣла бы читать и писать. Ихъ учатъ шить, вышивать, дѣлать закуски и шербеты. Но любимое ихъ упражненіе — лежать на софѣ и перебирать коралловыя чотки.

(*Изъ Asiatic annual Register.*)

VIII.

Моды.

Молодые щеголи не носятъ болѣе никакихъ драгоцѣнныхъ вещей, кромѣ брилїянтоваго солитера. Не видно теперь стальныхъ шпагъ съ лентами. Цвѣтные камни исчезли; мѣсто ихъ заступили такіе, которые представляютъ по сѣрой землѣ какое нибудь бѣлое изображеніе; такъ украшаются нынѣ гребни, булавки и ожерелья. Модная прическа есть *Греческая*, или *Этруская*, безъ всякихъ наколокъ, безъ шляпокъ; но дїадима непремѣнно нужна. — Нѣтъ болѣе париковъ съ собачьими ушами; нынѣшнїе безъ ушей и надѣваются на самое то мѣсто головы, гдѣ начинаются природные волосы, уши

открыты, а назади едва примѣтна коса. Женскія платья все еще спереди вырѣзаны сердцемъ, а назади имѣютъ складки или сборы *по-дѣтски* (à l'enfant). Бѣлый атласъ и черной крепъ въ большой модѣ. Нѣкоторыя обшиваютъ бѣлыя атласныя платья кружевомъ. Изъ лебяжьяго пуху носятъ только палатины, которыя бываютъ также и полосатыя.

(*Изъ Journal de Paris.*)

IX.

Heureusemie (*).

Souvent un rien nous éblouit
Et de l'insensé jusqu'au sage,
S'il juge de son propre ouvrage,
Par l'amour propre il est séduit!

Нещастная любовь для сердца сущій адъ!..
Нещастные въ любви! проститесь со вселенной:
Въ нещастіи души нѣтъ радостей, отрадъ;
Нещастье любитъ жить въ пустынѣ удаленной! —

(*) Слово это задано Дамою, такъ чтобы оно было въ каждомъ стихѣ, не смотря на разныя его измѣненія. Авторъ написалъ передъ нею двадцать стиховъ; но нѣсколько болѣе утомило бы... читателя.

Такъ *Сафо* страстная, нещастная, въ лѣсахъ
Скитается съ своимъ нещастіемъ, съ тоскою;
Потомъ. . . нещастному не свѣдомъ смерти
страхъ. . . .
Нещастную любовь тушитъ морской волною.
Но ты, по щастію, съ нещастіемъ такимъ —
Съ нещастьемъ Сафинымъ ни мало не знакома:
Фаонъ души твоей нещастіемъ твоимъ
Не будетъ никогда. Нещастіемъ влекома
Печальная душа къ нещастному всему
Стремится по своей симпатіи нещастной;
Но ты, скажу еще, нещастію сему —
Нещастію любви — любви, извѣстно, страстней —
Судьбой не предана. Нещастная не твой
Нещастный *эпитетъ*. . . по правдѣ объявляю:
Нещастіе въ любви не губитъ твой покой —
И такъ *нещастіе* на *щастье* промѣняю.

К. III — въ.

ПОЛИТИКА.

I.

Лондонскія извѣстія.

Французскіе Генералы Морганъ и Ноге, будучи размѣнены, отправились отсюда съ однимъ Англійскимъ дворяниномъ, которой проводитъ ихъ до Парижа. Генералъ Ноге и дѣйствительно уже туда пріѣхалъ. Предлагаемъ читателямъ нашимъ выписку изъ донесенія его о теперешнемъ положеніи Англіи:

„Всѣ классы народа съ нетерпѣніемъ желаютъ мира. Герцогъ Кумберландскій, имѣвъ случай узнать Французовъ въ Германіи, и къ столу котораго Генералъ Ноге былъ приглашаемъ, увѣренъ, что высадка точно послѣдуетъ. Страхъ, причиняемый сею высадкою, заставилъ многихъ зарывать деньги, и увеличиваетъ число недовольныхъ правительствомъ, которое не принимаетъ мѣръ, единственно удобныхъ ко спасенію Государства. Бѣдность дошла до крайности; сухопутное войско представляетъ совершенную каррикатуру. Одна только третья часть онаго имѣетъ ружья. Нынѣшнее Министерство

лишилось почти всякаго довѣрія. Парламентъ, состоящій изъ 600 Членовъ, раздѣленъ на слѣдующія партіи: 250 Членовъ держатъ всегда сторону Канцлера, какого бы онъ мнѣнія ни былъ, хотя бы сталъ называть черное бѣлымъ; имъ за это платятъ . . . . Англійская Олигархія, подъ начальствомъ Виндама, Питта и Мельвиля, располагаетъ 90 Членами. На сторонѣ Принца Валлискаго 80 Членовъ, и столько же у Г. Фокса. Остальное число состоитъ изъ Генераловъ и Офицеровъ, которые переходятъ отъ одной партіи къ другой, наблюдая однѣ только частныя свои выгоды.

„Король бываетъ часто боленъ. Королева, желая сохранить вліяніе свое на Государственныя дѣла, удаляетъ отъ нихъ, сколько можно болѣе, Принца Валлискаго, который однакожь ясно видитъ критическое состояніе нынѣшнихъ обстоятельствъ. Онъ чувствуетъ съ крайнимъ прискорбіемъ, что тронъ его колеблется; видитъ съ сердечною горестію, что Англія *лонтируетъ судьбою своею* — такъ сей Принцъ самъ изъясняется. — Но что можетъ онъ сдѣлать, будучи притѣсняемъ матерью, братьями и Министрами? Мануфактуры почти совсѣмъ опустѣли отъ недостатка

въ деньгахъ, въ работникахъ и отъ всеобщаго неудовольствія. Наконецъ Англію можно уподобить кораблю, носимому жестокою бурею по Океану, и котораго экипажъ не имѣетъ ни малѣйшаго довѣрія къ искусству кормчаго."

*

Волонтеры такъ не искусны въ военныхъ манёврахъ, что не проходитъ дня, чтобъ не случилось какого нибудь нещастнаго приключенія. Для отвращенія сего вздумали наказывать ихъ за такіе проступки денежною пенею, соразмѣряя оную со вредомъ, которой можетъ произойти, или дѣйствительно произошелъ уже отъ таковыхъ неосторожностей. Тотъ, на примѣръ, кто оставитъ шомполъ въ дулѣ ружья и съ онымъ выстрѣлитъ, платитъ 5 шилинговъ; кто зарядитъ два раза, не выстрѣливъ, 10 шилинговъ, и проч. Вообще наши волонтеры служатъ предметомъ насмѣшекъ. Никто на нихъ не надѣется; одна только морская сила составляетъ всю нашу защиту.

*

Въ Лондонѣ нашли недавно опять нѣсколько возмутительныхъ пасквилей. Сто фунтовъ стерлинговъ обѣщано въ награжденіе тому, кто откроетъ сочинителей оныхъ.

*

ся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ; успѣвшимъ въ высшихъ классахъ Пансїонерамъ дается право слушать Профессорскїя лекцїи въ Университетѣ, и они становятся Студентами; слѣдственно при вступленїи въ службу пользуются преимуществами, Всемилостивѣйше пожалованными Студентамъ Университетскимъ.

Хорошее содержанїе воспитанниковъ, отъ котораго безъ сомнѣнїя зависитъ самое ихъ здоровье, должно также заставить родителей предпочесть сїе мѣсто всякому другому. Столъ обѣденный и ужинный обыкновенно состоитъ изъ пяти блюдъ самыхъ здоровыхъ и довольно вкусныхъ. Воспитанники время свободное отъ ученїя проводятъ въ приличныхъ забавахъ, играхъ и гимнастическихъ упражненїяхъ, укрѣпляющихъ тѣло. Зимою въ Воскресные и праздничные дни по вечерамъ бываютъ у нихъ иногда концерты, иногда танцы, иногда театральныя представленїя. Лѣтомъ отпускаются гулять съ Надзирателями; сверхъ того, на двѣ недѣли выходятъ въ лагерь для военной экзерцицїи. Опредѣленный Докторъ Медицины посѣщаетъ больныхъ, а въ случаѣ опасности приглашаются на консилїумъ Доктора Университетскаго Медицинскаго Фа-

они однимъ взглядомъ обозрѣвать все то, что наиболѣе имъ нужно, для образованія и улучшенія плановъ ихъ. — Съ другой стороны подчиненные ихъ, будучи обязаны представлять имъ въ назначенныя времена такіе списки, какіе ниже сего сообщены, привыкаютъ къ точности, пріобрѣтаютъ духъ наблюденія и патріотизма, и сообщаютъ наконецъ оной всѣмъ жителямъ Государства. —

Съ 1775го по 1795й годъ число родившихся въ Швеціи превосходило число умершихъ, кромѣ одного 1789 года.

Ежегодное среднее число раждавшихся въ теченіе 21 года было — 98,559; число умершихъ — 76,297; превышающее ежегодное число родившихся — 22,262. Число незаконно-рожденныхъ младенцевъ въ сравненіи съ законными увеличилось съ 1778 года, и было въ содержаніи единицы къ $27\frac{6}{10}$. Съ 1789 года было отъ 12 до 18 убитыхъ младенцевъ ежегодно.

Общее населеніе Швеціи въ 1775 году простиралось до 2,630,992 человѣкъ; въ 1795 году до 3,043,731 человѣкъ. Судя по такому приращенію, должно заключить, что менѣе нежели во 100 лѣтъ населеніе удвоится. Примѣчено, что въ Финландіи и Гернезандѣ, въ теченіе

помянутаго времени родилось большее число младенцевъ, нежели въ другихъ Шведскихъ Областяхъ.

Предлагаемъ читателямъ таблицу населенія Шведскихъ городовъ въ 1795мъ году въ круглыхъ числахъ:

Стокгольмъ	-	77000	жителей.
Карлскрона	-	14000	
Готенбургъ	-	12000	
Або и Нодендаль	-	12000	
Норкепингъ	-	8000	
Гельсингфорсъ	-	6000	
Гефле	- -	6000	
Упсалъ	- -	6000	
Малмье	- -	5000	
Іенкепингъ	-	4000	
Калмаръ	- -	4000	
Висби	- -	4000	
Улеабургъ	-	4000	
Вестеросъ	- -	3000	
Нистадъ	- -	3000	
Эребро	- -	3000	
Лундъ	- -	3000	
Вестервикъ	- -	3000	
Тронезандъ	- -	3000	
Линкепингъ	- -	2000	
Никепингъ	- -	2000	
Христіанштадтъ	-	2000	
Карлштадтъ	- -	2000	

И того въ городахъ 285,000 человѣкъ. Число женщинъ содержалось къ числу мущинъ, какъ 105 къ 97.

Достовѣрнѣйшія изчисленія показываютъ сверхъ того, что въ Швеціи ежегодная разность числа каждаго класса жителей была между 1780мъ и 1795мъ годами слѣдующая:

	1780 годъ.	1795 г.
Дворянъ -	10,820 —	11,954
Священниковъ и школьныхъ Учителей - -	17,881 —	17,850.
Купцовъ и фабрикантовъ - -	22,920 —	20,685.
Работниковъ -	30,680 —	33,061.
Крестьянъ, имѣющихъ собственную землю -	1,271,896 —	1,252,507.
Другихъ крестьянъ	235,785 —	337,056.
Обработывающихъ, или разчищающихъ новыя пашни -	25,046 —	46,220.
Служителей сего рода, находящихся въ городахъ - -	45,766 —	53,894.
Въ деревняхъ - -	492,404 —	621,113.
Товарищей, учениковъ.	19,185 —	20,888.
Прикащиковъ и служителей - купече-		

	1780 годъ.	1795 г.
скихъ и фабрикантскихъ - -	3,935 —	3,921.
Разныхъ работниковъ на мѣльницахъ, фабрикахъ, каменоломняхъ и проч. - -	24,104 —	21,410.
Владѣющихъ каменоломнями, мѣльницами и проч. -	21,162 —	17,861.
Рудокоповъ и прочихъ работниковъ, употребляемыхъ помянутыми заводчиками	44,541 —	49,057.
Нижнихъ дѣлоправителей и приставовъ разныхъ казенныхъ заведенiй - -	22,256 —	21,243.
Таковыхъ же партикулярныхъ -	22,806 —	19,674.
Рыбаковъ и другихъ мореходцевъ сего класса - -	19,499 —	17,286.

Въ 1795мъ году населенiе въ городахъ простиралось, какъ выше сказано, до 285,164, а въ деревняхъ до 2,758,550 человѣкъ; слѣдовательно число первыхъ содержалось вообще къ числу вторыхъ, какъ единица къ 9; но притомъ съ такою большою разностiю, что въ Области

Блекингенской сїе содержанїе было какъ 1 къ $2\frac{1}{2}$, въ Христїанштадтской какъ 1 къ 31, а въ Куопїосской какъ 1 къ 571. Малмойская область была многолюднѣе другихъ, а именно: на каждую квадратную Шведскую милю, или 7 верстъ, приходилось въ оной по 3,419 человѣкъ, а въ Вестерботнїи на такую же милю только по 34 человѣка.

Какъ вообще населенїе Швецїи очень увеличилось съ 1772 года, то успѣхи онаго долженствовали быть примѣтнѣе въ самыхъ Сѣверныхъ провинцїяхъ, какъ въ малолюднѣйшихъ; однакожь въ 1795мъ году во всемъ Королевствѣ считали кругомъ, на каждую квадратную Шведскую милю, только по 458 человѣкъ.

Съ 1775го по 1795й годъ смертоноснѣйшїя болѣзни были слѣдующїя:

Горячка, отъ которой ежегодно умирало изъ 10,000 около	675 чел.
Плёрезїя и другїя грудныя болѣзни - -	405
Апоплексїя - - -	526
Тридневная лихорадка -	170
Горячки и лихорадки съ сыпью и проч. - -	237
Кровавой поносъ - -	482
Чахотка - - -	534

Колика - - - -	305 чел.
Сухотка - - -	203
Водяная болѣзнь - -	328
Припадки старости - -	1007
Коклюшъ - - -	378
Оспа - - - -	878.

Отъ разныхъ нещастныхъ случаевъ погибало въ годъ по 1800 человѣкъ; въ семъ числѣ считалось по 700 утопшихъ, и по 500 младенцевъ, заспанныхъ кормилицами. Впрочемъ найдено по симъ разнымъ изчисленіямъ, что *Шоненъ* есть самая здоровая Шведская провинція, а потомъ *Гернезандъ* и *Готландъ*. Напротивъ того въ Стокгольмѣ часто бываютъ болѣзни, и тамъ рѣдко доживаютъ до глубокой старости.

III.

О Статистикѣ.

Статистикою называется Наука, дающая намъ познаніе о физическихъ, моральныхъ и политическихъ силахъ какой нибудь Области.

Сія Наука можетъ раздѣляться на три главныя части. Первая заключаетъ въ себѣ все то, что касается до поли-

тическаго вѣсу разныхъ Государствъ одной части Свѣта, какъ на примѣръ: Европы, Азіи и проч. Вторая содержитъ изысканія о свойствѣ силъ и способовъ одного какого нибудь Государства, какъ Франціи, Англіи, Пруссіи и проч. Наконецъ третія и послѣдняя разсматриваетъ отличительныя свойства каждаго отдѣленія большой Области, какъ-то: Губерніи, провинціи, и проч. Каждая изъ сихъ трехъ частей требуетъ особеннаго способа предложенія, и на сіе-то не довольно еще употребляли до сего времени вниманія.

Нѣмцы, которые, можно сказать, почти создали сію Науку, отдѣливъ ее отъ Политической Экономіи, погрѣшаютъ въ ней тѣмъ, что слишкомъ много предаются мѣлочнымъ подробностямъ, не желая ничего опустить. Сіе запутываетъ читателя такъ, что ему трудно бываетъ обнять цѣлость слѣдствій. Кромѣ же сего недостатка, Нѣмецкія статистическія сочиненія превосходны, особливо изобиліемъ матеріаловъ.

Англичане въ сей части имѣютъ надъ ними то преимущество, что они короче, связнѣе и яснѣе, хотя впрочемъ и не такъ точны и терпѣливы въ изысканіяхъ; но сіи два послѣднія свойства

необходимы для Статистики, и они-то даютъ ей первенство надъ Политическою Экономїею, въ которой Сочинитель долженъ иногда прибѣгать къ догадкамъ, не всегда вѣрнымъ; отъ чего и произходятъ не рѣдко слѣдствїя, совсѣмъ противныя ожидаемымъ.

Но Статистика, въ которой совѣтуемъ мы болѣе упражняться, воздвигнута на двухъ твердыхъ основанїяхъ, гораздо надежнѣйшихъ всякой теорїи, то есть: на дѣянїяхъ, или произшествїяхъ и на изчисленїяхъ. Ее можно уподобить Анатомїи и назвать искусствомъ разнимать гражданственное тѣло для разсматриванїя всѣхъ частей онаго, каждой въ особливости.

Первое дѣло Политической Статистики состоитъ въ изслѣдованїи географическихъ отношенїй какой нибудь Области, въ точномъ измѣренїи ея пространства, въ топографическомъ описанїи оной, въ сравненїи естественныхъ выгодъ съ тѣми, которыя доставляютъ ей, или впредь могутъ доставить трудолюбїе и промышленность.

Климатъ, разныя почвы земли, положенїе береговъ, судоходство внутреннее и внѣшнее, состоянїе большихъ дорогъ,

составляютъ второй предметъ ея изысканій.

Вѣтретьихъ, опредѣляетъ она съ точностію число жителей описываемой Области и сравниваетъ оное съ населеніемъ предшедшихъ годовъ; изъясняетъ причины уменьшенія или приращенія онаго, и показываетъ способы поддержать его въ одинакомъ положеніи, ежели оно достаточно, или умножить, когда сіе населеніе не соразмѣрно съ пространствомъ Области, съ плодородіемъ земли и со степенью промышленности ея жителей.

Четвертый предметъ Статистики есть тотъ, чтобъ представить читателю точное состояніе земледѣлія, мануфактуръ, торговли, рыбныхъ промысловъ, входящихъ и выходящихъ товаровъ. Въ изслѣдованіяхъ сего рода должно напередъ описать каждую статью особливо, потомъ сдѣлать сравненіе съ предшедшими годами и составить изъ сего общій балансъ. Сочиняя сравнительныя таблицы, надобно рачительно замѣчать настоящія выгоды описываемой Области и прежнія, объясняя причины ущерба ихъ, или приращенія.

Пятый предметъ составляютъ военныя, сухопутныя и морскія силы, доходы и разходы, источники сихъ дохо-

довъ и причины разходовъ. Не довольно начертать однѣ таблицы оныхъ; надобно еще присоединять къ тому разсужденія, приличныя симъ статьямъ.

Наконецъ шестой и послѣдній предметъ Статистики есть тотъ, чтобъ опредѣлить точнѣйшимъ образомъ состояніе Наукъ и Художествъ, также описать характеръ, нравы, обычаи и Религію жителей.

IV.

Таблица, показывающая число родившихся и умершихъ въ знатнѣйшихъ городахъ Сѣверной Европы, сравнительно съ населеніемъ Парижа и Лондона въ теченіе 1801 года.

	Умерш.	Родивш.
Парижъ - -	20,767 —	19,670
Лондонъ - -	19,374 —	17,814
Вѣна - -	15,181 —	11,329
Берлинъ - -	8,681 —	5,937
Копенгагенъ -	4,542 —	5,185
Кенигсбергъ -	2,104 —	1,943
Минхенъ - -	1,757 —	1,281
Франкфуртъ на Майнѣ	1,141 —	1,055
Регенсбургъ - -	829 —	716
Кассель - -	499 —	562

V.

Извѣстія и замѣчанія.

Франція представляетъ намъ удивительное зрѣлище: она наслаждается внутреннимъ спокойствіемъ и мирнымъ правленіемъ послѣ сильныхъ двенадцатилѣтнихъ потрясеній, среди войны, отъ которой зависитъ участь большой части Европы; между тѣмъ какъ Англія, которой конституція утверждена рукою времени, служитъ жертвою междоусобныхъ раздоровъ!

Во всемъ пространствѣ Французскаго владычества царствуетъ удивительное согласіе (*по крайней мѣрѣ такъ говорятъ Парижскіе Журналисты*). Самые даже тѣ люди, которые наиболѣе пострадали отъ революціонныхъ бурь, которые лишились въ продолженіе революціи родственниковъ, друзей, имѣнія — самые сіи люди, видя въ первомъ Консулѣ возстановителя Франціи, находятъ въ немъ же обновителя бытія ихъ.

Взглянемъ — говорятъ Французскіе Журналисты — взглянемъ на военную нашу силу: никогда не была она такъ важна. Гражданская часть приведена въ такоежъ благоустройство; законы стали единообразны. — Воздвигаются гордыя зда-

нія, столица украшается, берега наши покрыты судами, ожидающими только мановенія перваго Консула, для произведенія въ дѣйство *великаго предпріятія* (*здѣсь разумѣется высадка*); кредитъ возстановляется, подати платятся исправно и безъ отягощенія народа; наконецъ не видно ни малѣйшихъ признаковъ не только крайности, но даже нужды.

Англійскіе Журналисты говорятъ, что все это ни мало не чудно, естьли разсмотрѣть поведеніе главнаго Консула. Онъ ласкалъ всѣ партіи, старался согласить разныя мнѣнія, и наконецъ привязалъ къ судьбѣ своей всю націю. — Но спросимъ у сихъ господъ, какъ же долженъ поступать тотъ, кто держитъ въ рукахъ своихъ бразды правленія? Не надобно ли ему стараться истреблять частную ненависть, сближать и примирять гражданъ, для утвержденія народнаго благоденствія? не должно ли ему направлять къ общей цѣли частныя выгоды? . . . Естьли называютъ они это преступленіемъ: то, видя теперешнее положеніе Ирландіи, Шотландіи и Англіи, мы принуждены сказать, что Великобританское правительство ни мало не причастно сему преступленію.

✠

Во Франціи въ десятой годъ Республики родилось мужескаго полу 560,743 человѣка, женскаго 527,414. Умерло 904,692. Бракомъ сочеталось 240,414 паръ. Въ числѣ умершихъ было 155 человѣка отъ 99 до 100 лѣтъ; и 52 слишкомъ за 100 лѣтъ. Изъ сихъ послѣднихъ былъ одинъ 118 лѣтъ, одинъ 116, одинъ 108 и одинъ 107; четверо 106 лѣтъ, пятеро 105. Въ Сѣверномъ Департаментѣ число родившихся превзошло число умершихъ 14.840 человѣками мужеска пола и 13,908 женска. Изъ сего видно, что число родившихся въ 10мъ году мужеска пола превосходитъ число женскаго пола въ разныхъ Департаментахъ и во всей Франціи. Сіе произшествіе не согласно съ однимъ изъ общихъ замѣчаній Гна. Бюфона.

❋

Частныя письма изъ Лиссабона отъ 7 Января заставляютъ опасаться разрыву мира между Гишпаніею, Португаллією и Англією. Генералъ Ланъ потребовалъ отъ Португаллїи еще 100,000 ливровъ вспомогательныхъ денегъ; а какъ Англія объявила уже Гишпаніи, что впредь такія вспоможенія будетъ она почитать за объявленіе войны, то и думаютъ теперь, что война сія неизбѣжна.

❋

Въ Гагѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Голландской Республики 13го Января чувствованы были удары землетрясенія. Паникадилы и лампады въ церквахъ нѣсколько времени колебались. Въ Маасляйсѣ случилось сіе во время проповѣди, которую Пасторъ принужденъ былъ кончить, потому что всѣ слушатели ушли съ великою поспѣшностію, и оставили его одного съ пономаремъ. Люди, находившіеся на хорахъ, гдѣ стоятъ органы, чувствовали, какъ доски тряслись подъ ногами ихъ. Сей самый феноменъ былъ примѣченъ и въ Больдюкѣ; во многихъ домахъ попадала съ полокъ посуда и проч. Землетрясеніе имѣло направленіе отъ Запада къ Востоку. Наканунѣ былъ слышанъ шумъ въ воздухѣ, подобный тому, которой въ 1755 году предшествовалъ Лиссабонскому землетрясенію; примѣчено также необыкновенное движеніе судовъ, находившихся на рѣкѣ Маасѣ.

Г. Демидовъ давалъ недавно въ Парижѣ великолѣпной праздникъ Дипломатическому Корпусу, многимъ знаменитымъ Чиновникамъ Республики и почти всѣмъ знатнымъ иностранцамъ, находящимся въ семъ городѣ. — У супруги его покрадены въ этотъ вечеръ изъ спальни ея многія бриліянтовыя, дорогой цѣны,

вещи, которыя однакожь на другой же день, стараніемъ Парижскаго Унтеръ-Префекта Полиціи, отысканы; также какъ и виновная въ сей покражѣ одна иностранная Дама, которая доселѣ весьма хорошо принимаема была въ домѣ Гна. Демидова, уже арестована.

❋

Января 12го пріѣзжалъ во Флиссингенъ Адмиралъ Декре, Министръ Французскихъ морскихъ силъ, и хотя онъ пробылъ тамъ только тринадцать часовъ, однакожь успѣлъ съ крайнимъ вниманіемъ осмотрѣть всѣ верфти, военные посты, прибрежныя батареи, и входилъ въ малѣйшія подробности. Онъ осматривалъ также флотиліи и посаженныя на суда войска, и изъявилъ совершенное удовольствіе за найденную во всѣхъ частяхъ исправность и за усердіе, замѣченное имъ въ сухопутныхъ и морскихъ солдатахъ. — Генералъ Савори, Адъютантъ главнаго Консула, пріѣхавшій въ сей городъ за два дни до Министра, отправился оттуда съ нимъ вмѣстѣ по утру 14го числа. — Ежедневно приходятъ во Флиссингенъ канонирскія шлюбки и транспортныя суда изо всѣхъ Голландскихъ Портовъ.

❋

Послѣднія Англійскія газеты наполнены язвительными и грубыми — не насмѣшками — а ругательствами и клеветою на счетъ главнаго Консула. Естьли имъ вѣрить, то никто во Франціи терпѣть его не можетъ. Новонабранные солдаты разбѣгаются, а старые ропщутъ на предпріемлемую высадку, говоря, что ихъ хотятъ вести на убой, какъ скотину. — Нѣтъ слабостей, нѣтъ пороковъ, нѣтъ такихъ черныхъ злодѣяній, которыхъ бы Гг. Лондонскіе Журналисты щедро не приписывали Бонапартію! Между прочимъ имъ очень хочется всѣхъ увѣрить, что онъ дуракъ и совершенный трусъ!!!.. Грозятъ посадить его въ клѣтку между тигромъ и обезьяною, ежели онъ попадется въ руки Англичанъ.... — Ежели!! — Но великой человѣкъ мститъ за всё это однимъ только презрительнымъ молчаніемъ. — Парижскіе Журналисты могли бы легко отплачивать тою же монетою Лондонскимъ; однакожь они, даже и самый Издатель *Аргуса*, ведутъ себя несравненно умѣреннѣе. Они дозволяютъ себѣ иногда на общій счетъ непріятеля тонкія шутки, которыя столько же пріятны, сколько отвратительна наглая брань корыстолюбивыхъ бумагомарателей.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ 1804.

№ 4.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Добродушный.

(Повѣсть Гжи. Жанлисъ.)

Госпожа Бевиль, оставшаяся вдовою послѣ богатаго сборщика податей; пила въ одно утро чай съ любезною Изорою, племянницею своею, и съ блистательнымъ Кавалеромъ д'Озамбри, за котораго хотѣла она выдать ее. Кавалеръ не смотрѣлъ почти на Изору, и казался быть занятъ одною только теткою, довершая побѣду свою надъ нею всѣмъ тѣмъ, что лесть имѣетъ привлекательнаго для 58-лѣтней женщины, которая была еще кокетка, *философка* и сверхъ того слыла, или желала прослыть *умницею*. Гжа. Бевиль была твердо увѣрена, что Кава-

лерЪ хотѣлЪ жениться на прекрасной и богатой осьмнадцати-лѣтней дѣвушкѣ единственно для нея. РазговорЪ между КавалеромЪ и Гжею. Бевиль становился очень жарокЪ, какЪ вдругЪ вошелЪ оффисїантЪ и подалЪ письмо, принесенное сЪ почты. Гжа. Бевиль взяла его и, взглянувЪ на надпись, сказала сЪ небреженїемЪ: „это отЪ брата!“ — Сдѣлайте милость, тетушка, прочитайте! вскричала сЪ живостїю Изора, обожавшая отца своего. — ОнЪ вѣрно пишетЪ, что скоро кЪ намЪ будетЪ, отвѣчала Гжа. Бевиль, которой не хотѣлось перервать интереснаго для нея разговора сЪ КавалеромЪ. Изора! ты можешь разпечатать письмо и прочесть его сама. Изора повинуется, но черезЪ минуту содрогается, краснѣетЪ: ее спрашиваютЪ о причинѣ сего смущенїя; она не вЪ силахЪ отвѣчать: встаетЪ, подаетЪ письмо теткѣ и уходитЪ. Гжа. Бевиль, до крайности изумленная, пробѣгаетЪ глазами письмо и хохочетЪ. Это дурачество братца моего только-что смѣшно и ни мало не страшно: послушайте! — СказавЪ сїе, Гжа. Бевиль прочитала Кавалеру слѣдующее:

ИзЪ Доля, отЪ 15 *Іюня,* 1788.

„ПослѣЪ многихЪ скучныхЪ хлопотЪ, продолжавшихся три мѣсяца, кончилЪ я

свои дѣла. Извѣстная тебѣ прекрасная деревня, не подалеку отъ Доля, теперь моя, и купчая на нее уже совершена. — Ты знаешь, любезная сестрица, что, послѣ невозвратимой потери моей, Бургонія сдѣлалась мнѣ ненавистною: тамъ лишился я несравненной супруги; тамъ Изора моя пролила первыя слезы сердечной горести. . . . Я никогда не возвращусь туда и навсегда намѣренъ оставаться въ купленной мною деревнѣ, во Франш-Конте.

„Я читалъ, любезная сестрица, со всѣмъ вниманіемъ, котораго ты отъ меня требовала, то мѣсто письма твоего, гдѣ ты говоришь о Кавалерѣ д'Озамбри. Ты помнишь, думаю, что, вѣряя тебѣ Изору за восемь мѣсяцевъ передъ симъ, я объявилъ тебѣ мое намѣреніе не отдавать ее за Придворнаго, и что главное желаніе моего сердца есть то, чтобъ найти ей достойнаго мужа, въ той Провинціи, гдѣ я живу и гдѣ расположенъ кончить дни мои. Я увѣренъ, что Г. д'Озамбри имѣетъ всѣ отличныя качества, которыя ты въ немъ находишь; но, по моему мнѣнію, женихъ этотъ слишкомъ блистателенъ для моей дочери. У меня есть на примѣтѣ другой, котораго состояніе гораздо сходнѣе съ нашимъ:

потрясенїй, страсти дѣйствуютъ со всею силою; тогда видно, что онѣ произвесть способны — вещь не маловажная для исторїи нашихъ пороковъ и добродѣтелей! 14) Самое же величайшее благодѣянїе состоитъ въ томъ, что война даетъ намъ живо чувствовать выгоды спокойствїя мирнаго времени, и вѣроятно по сей причинѣ Природа, добрая мать наша, столь щедра для насъ. Вода застаивается и портится, естьли вѣтры не приводятъ ее въ движенїе; постоянный миръ также по видимому уничтожилъ бы наше блаженство. Безъ сомнѣнїя это есть основанїе слѣдующей истины: *зло не есть зло* — истины, которую многїе Мудрецы доказали столь ясно, что даже сами прежде всѣхъ согласились на свои доводы.

Приступимъ къ заключенїю. Родъ человѣческїй испыталъ на себѣ всѣ превратности невѣжества, злодѣянїй, заблужденїй. Когдажъ этому будетъ конецъ? можетъ быть, никогда. Пока люди будутъ управляемы страстями, пока частныя выгоды, перемѣнные законы и предразсудки будутъ ихъ водить туда и сюда; до тѣхъ поръ все будетъ оставаться по старому. Они будутъ или негодяями или лицемѣрами, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ — приговоръ не очень лестный

для человѣческаго рода — и малое число добрыхъ всегда будетъ служить предметомъ сатиры для своихъ собратій. Одинъ великій Писатель думаетъ, что люди въ будущіе вѣки исправятся. Ахъ! можно ли надѣяться, чтобы волкъ превратился въ ягненка? Человѣкъ останется навсегда одинаковъ. Мы должны удивляться и одобрять то, чего не можемъ постигнуть; ибо лучше удивляться, нежели не говорить ничего.

Знанія и Науки споспѣшествуютъ къ просвѣщенію человѣка, а еще болѣе къ укрощенію нравовъ его. Конечно вѣкъ учености и нравственнаго образованія могъ бы смягчить натуру человѣческую; но Науки и Искуства, подобно всему, подвержены разрушенію. Естественныя потрясенія, нашествія варваровъ, продолжительныя войны уже не одинъ разъ приводили свѣтъ въ состояніе хаоса, внутри котораго и внѣ человѣкъ всегда постоянно шествовалъ по пути заблужденій и несправедливости. Кто увѣритъ меня, что будетъ съ Европою черезъ двѣсти лѣтъ?

Но люди не стоятъ труда съ важностію заниматься ими. Наши человѣколюбивыя умствованія никогда не испол-

преданъ вамъ, тотъ ни къ кому уже *не возвращается.* — Теперь не о томъ дѣло, чтобъ говорить *замысловатыя вѣжливости* . . . — Какъ! вы это называете *только* вѣжливостями? — Шутки въ сторону . . . Ты знаешь напередъ, что я сдѣлаю Гну. Ферїолю естьли не совсѣмъ холодной, то по крайней мѣрѣ очень *свѣжїй* прїемъ. — О! нѣтъ, сударыня! я не этого мнѣнїя: напротивъ вамъ должно его ласкать и стараться привязать къ себѣ: надобно непремѣнно, чтобъ Изора могла его порядочно разсмотрѣть и узнать . . . . — И чтобъ это было при тебѣ — не такъ ли? Вотъ богатая идея! Я соглашаюсь. — Какого характера вашъ братецъ? — Ты слышалъ, какъ онъ ко мнѣ пишетъ; а это письмо изображаетъ весьма живо настоящїй его характеръ, и ты самъ можешь заключить . . . . — Но вѣроятно ли, чтобъ братецъ вашъ не имѣлъ ни капли ума? — Не знаю: меня отдали за-мужъ пятнадцати лѣтъ, и съ тѣхъ поръ я жила безпрестанно въ Парижѣ. Братъ мой провелъ весь свой вѣкъ въ Провинцїи. Жена его была женщина довольно простая, *благочестивая* и сверхъ того *добрая хозяйка*: вотъ всѣ ея таланты! Братъ мой очень доброй и совершенно честной человѣкъ, но безъ *тону*, безъ знанїя *большаго*

свѣта и безъ *Философіи*. . . — Слѣдовательно и безъ *богатыхъ идей*? — О! со всѣми предразсудками 17го столѣтія. Впрочемъ хотя онъ и не въ состояніи цѣнить тебя, однакожъ будь увѣренъ, что ты вскружишь ему голову... — Но естьли между тѣмъ Феріоль вскружитъ голову Изорѣ?... — Какъ тебѣ не стыдно! Изора тебя любитъ; кромѣ того, проживъ восемь мѣсяцевъ въ столицѣ, она придетъ въ отчаяніе, услышавъ, что ее повезутъ опять въ деревню. Удивительно, какъ она стала умнѣе съ тѣхъ поръ, какъ живетъ со мною! Естьли бы ты видѣлъ ее съ начала пріѣзда ея ко мнѣ!... — Конечно, она теперь столько любезна, сколько можетъ быть женщина въ сравненіи съ вами. — Намъ должно избавить ее отъ страха, которой навело на нее отцовское намѣреніе; я съ ней поговорю. Пріѣзжай къ намъ обѣдать. Послѣ сихъ словъ, Кавалеръ всталъ, поцѣловалъ два или три раза руку у Гжи. Бевиль, и вышелъ, давъ слово быть къ обѣду.

Изора была дѣйствительно очень огорчена. Она ввѣрила печаль свою Кларѣ, горничной дѣвкѣ, которую доставила ей тетка; а Клара, удивляющаяся всегда рѣдкимъ достоинствамъ Кавалера д'Озамбри, раздѣляла всѣ ея безпокойства. Одна-

кожь не льзя спаться, говорила она; чтобъ батюшка вашъ могъ предпочесть деревенскаго дворянина Кавалеру д'Озамбри. Сверьхъ того, сударыня, не писалъ ли онъ къ тетушкѣ, что предоставляетъ вамъ волю выбирать? — Конечно; но я такъ люблю батюшку! мнѣ такъ было бы несносно огорчить его! — Это все правда; однакожь вы также любите и Кавалера д'Озамбри? — Безъ сомнѣнія; я была бы очень неблагодарна, естьли бы чувствованія его ко мнѣ не трогали меня; онъ совсѣмъ не для богатства ищетъ моей руки; отъ него только зависитъ жениться на самой богатой дѣвушкѣ во всей Франціи.... — О! сударыня! онъ такъ великодушенъ, нѣженъ, чувствителенъ!.. — Правда; и естьли бы я согласилась вытти за этого незнакомаго, то увѣрена, что онъ умеръ бы съ печали. — Это самое говорилъ мнѣ и *Соловей*, скороходъ его: естьли свадьба эта не совершится, сказалъ онъ, то баринъ мой вѣрно застрѣлится... — Застрѣлится! Боже мой! какъ это ужасно! — Долго ли выстрѣлить изъ пистолета?... — Какой страхъ! бѣдной д'Озамбри!.... Нѣтъ, надобно быть твердою, имѣя такого любовника.

Разговоръ этотъ перервала, или, лучше сказать, начала продолжать оной

Гжа Бевиль. Черезъ полчаса явился Кавалеръ. Стали совѣтоваться и, по долгомъ словопрѣнїи, положено, чтобъ Изора, не подвергаясь опасности раздражить Барона отказомъ выйти за Гна. Ферїоля, испросила у него нѣсколько времени на то, чтобъ узнать покороче предлагаемаго ей жениха, и чтобъ обѣщала она дать рѣшительной отвѣтъ черезъ три или четыре мѣсяца. Еще согласились, чтобъ Изора, такъ какъ въ Комедїи: *Притворная Агнеса*, всячески старалась отвратить отъ себя *Провинцїала*, однакожь съ мѣрою и тонкимъ искуствомъ. Сей планъ, изобрѣтенный Кавалеромъ, казался нѣсколько противенъ Изорѣ, которая была съ природы откровенна; но эта разборчивость ея показалась такъ странною, и за оную столько надъ нею шутили, что и сама она наконецъ почла ее смѣшною.

Изора хотя была воспитана и въ Провинцїи, но получила совершенное образованїе. Одаренная умомъ и прекрасною душею, воспользовалась она наилучшимъ образомъ попеченїями добродѣтельныхъ своихъ родителей; но, будучи шестнадцати лѣтъ, лишилась нѣжной и разумной матери. Горесть ея была столь сильна и продолжительна, что имѣла

чить важныя вознагражденія и проч. — Дворъ Австрійскій поступилъ весьма неосторожно, весьма невыгодно для Австрійской Монархіи, естьли положился на сіи увѣренія.

Россія и Пруссія конечно не допустятъ до новаго раздѣла Германіи, которой былъ бы полезенъ только для Австріи и для Гна. Бонапарте. Министрамъ Австрійскимъ надобно бы догадаться, что Пруссія, находясь въ добромъ согласіи съ Франціею, будетъ хранить строгой неутралитетъ тогда только, естьли Австрія останется въ союзѣ съ Россіею, Турецією и Англією; но естьли Австрія соединится съ Франціею, то Пруссія безъ всякаго сомнѣнія пристанетъ къ Россіи, Турціи и Англіи.

Одно обстоятельство заставляетъ думать, что Дворъ Вѣнскій поступилъ въ семъ случаѣ согласясь прежде съ Французскимъ правительствомъ, и именно то, что въ новомъ титулѣ Францъ II. не называетъ себя Герцогомъ Тосканскимъ.

(Изъ Лондон. Кур.)

сти, но даже и склонности къ Кавалеру д' Озамбри, хотя онъ былъ очень хорошъ собою. Сначала она обходилась съ нимъ холодно, потому что умѣла еще здраво разсуждать, и что щастливый инстинктъ внушалъ ей омерзѣнїе къ притворству и глупому вертопрашеству; но Кавалеръ посредствомъ тонкой лести, достигъ до того, что естьли не тронулъ ея сердца, то по крайней мѣрѣ поработилъ его себѣ. Будучи увѣрена, что Кавалеръ обожаетъ и жертвуетъ ей всѣми своими побѣдами надъ другими женщинами, Изора почитала упоенїе тщеславїя нѣжнѣйшими чувствами благодарности и любви. Сверхъ того Кавалеръ былъ въ такой модѣ, умѣлъ такъ искусно хвалить самъ себя, былъ такъ великолѣпенъ, имѣлъ *столько друзей*, что Изора изумленная, иди, лучше сказать, ослѣпленная его блистательностїю, не только отмѣнно его уважала, но даже удивлялась ему.

Гжа. Бевиль всячески старалась съ своей стороны вскружить голову племянницѣ своей; она страстно желала сего союза, которой доставилъ бы ей свойство и дружбу съ одною знатною, сильною и случайною фамилїею. Она и сама питала тайную склонность къ Кавалеру; но, принявъ твердое намѣренїе выдать за него

Изору, старалась изгнать изъ сердца своего сїе раждающееся чувство: она понимала, что 56-лѣтняя женщина, вдова сборщика, гораздо меньше годится въ невѣсты Кавалеру, которому было только 26 лѣтъ, нежели молодая и знатнаго роду дѣвушка. Сверхъ того Гжа. Бевиль, до крайности тщеславная, ни за что бы въ свѣтѣ не подвергла себя опасности быть посмѣшищемъ столицы. Кавалеръ посредствомъ хитрой лести умѣлъ склонять ее на всѣ свои преднамѣренїя; находилъ способы давать ей чувствовать, что онъ страстно въ нее влюбленъ, и что намѣренъ жениться на племянницѣ только для тетки; а чтобъ избѣжать прямаго изъясненїя, показывалъ онъ большую признательность за чувствованїя къ нему Изоры, и казался быть увѣреннымъ, что Гжа. Бевиль нѣжно ее любитъ; при чемъ хвалилъ родственническую ея чувствительность. Такимъ образомъ Гжа. Бевиль, прельщенная славою играть роль великодушной благодѣтельницы, находила въ самолюбїи столько утѣшенїя, что безъ всякаго почти труда жертвовала своею склонностїю. Между тѣмъ Баронъ Рисдаль сдержалъ слово. Онъ прїѣхалъ въ Парижъ въ началѣ Іюля. Изора, не взирая на извѣстной страхъ,

безмѣрно обрадовалась отцу своему. Баронъ обнялъ ее съ восхищенїемъ; нашелъ, что она стала любезнѣе и прекраснѣе, и не могъ на нее наглядѣться. Послѣ первыхъ восторговъ родительской горячности, обратился онъ къ Гжѣ. Бевиль. Какъ много обязанъ я тебѣ, любезная сестрица, сказалъ онъ ей, за всѣ твои попеченїя о моей Изорѣ, которой здоровье такъ примѣтно поправилось! Я привезъ ей жениха, мною выбраннаго, продолжалъ онъ усмѣхаясь, и обѣихъ васъ прошу смотрѣть на Гна. Ферїоля безъ предубѣжденїя. . . — Я не способна къ *предубѣжденїямъ*, отвѣчала Гжа. Бевиль: повѣрь, братецъ, что я ничего такъ не желаю, какъ щастїя Изоры и твоего; и очень буду рада Гну. Ферїолю, зная, что онъ тебѣ другъ. . . . — Я больше ничего не требую, сказалъ Баронъ: мнѣ извѣстны благоразумїе и характеръ моей Изоры, и я увѣренъ, что ей точно такой мужъ надобенъ, каковъ Г. Ферїоль.

Пожалуетъ ли онъ къ намъ сего дня? спросила Гжа. Бевиль. — Нѣтъ! онъ остался въ нашемъ трактирѣ, а завтра я вамъ его представлю. . . — Не уже ли, братецъ, ты не у меня жить будешь? — Благодарю; но позволь мнѣ остаться съ этимъ добрымъ Ферїолемъ, которой

въ Парижѣ никого не знаетъ... — Какъ! онъ здѣсь въ первой разъ? — Нѣтъ, лѣтъ съ восемь тому назадъ прожилъ онъ въ Парижѣ недѣли двѣ. — Пригласи его, чтобъ онъ у меня всякой день обѣдалъ и ужиналъ. Баронъ снова началъ благодарить сестру свою; послѣ чего она встала и вышла. Баронъ, оставшись наединѣ съ дочерью своею, сказалъ ей слѣдующее: „Послушай, моя милая Изора! я не хочу ничего отъ тебя скрывать, и такъ знай, что теткѣ твоей очень хочется отдать тебя за одного Придворнаго, котораго зовутъ Кавалеромъ д'Озамбри: она писала ко мнѣ, что тебѣ это совсѣмъ не извѣстно; но я не стану никогда съ тобою притворяться, будучи увѣренъ, что ложной блескъ и пустыя титла не могутъ прельстить тебя, и что ты изберешь себѣ мужа не блистательнаго, но чувствительнаго и добродѣтельнаго. Бѣдная мать твоя, какъ тебѣ извѣстно, была богатая невѣста; отъ нея только зависѣло выттти за Придворнаго: однакожь она предпочла меня за то, что характеръ мой ей понравился, и послѣ ни разу въ этомъ не раскаевалась. . . . . Ты имѣешь все ея благоразумїе и такое же превосходное сердце; ты послѣдуешь ея примѣру, и конечно раз-

судишь, что для щастія твоего должно тебѣ вытти за добродушнаго человѣка.“

Въ продолженіе сей рѣчи Изора чувствовала тягостное волненіе; родительская откровенность и нѣжность возбуждали въ душѣ ея всѣ прежнія добродѣтельныя чувства, усыпленныя суетностію. Смущенная и тронутая Изора наклонилась на плечо Барона и заплакала. Онъ, подумавъ, что одно напоминаніе о матери было причиною ея огорченія, обнялъ ее съ горячностію и перемѣнилъ разговоръ. „Это правда, сказалъ онъ, что Кавалеръ д'Озамбри произходитъ отъ знатной и почтенной фамиліи; но какъ ни хвалитъ его сестра моя, я все однакожъ увѣренъ, что онъ большой негодяй.“ — Какъ, батюшка! вскричала Изора, удивленная до крайности симъ выраженіемъ. — „Такъ, милая моя! я обыкновенно этимъ именемъ называю игроковъ и надутыхъ спѣсью шалуновъ и хвастуновъ. У меня есть въ Парижѣ старинной другъ, къ которому я писалъ и освѣдомлялся.“ — Кто этотъ другъ? — „Старикъ Мальянъ.“ Изора улыбнулась. Этотъ Мальянъ былъ прежде банкиръ, но, оставя свой промыселъ, жилъ уединенно. Изора думала, что свидѣтельство человѣка, которой не обращается въ большомъ

свѣтѣ и при Дворѣ, не заслуживаетъ никакого вниманія. Сверхъ того она имѣла столь высокое мнѣніе о характерѣ Кавалера, что сіе не могло сдѣлать ни малѣйшаго надъ нею впечатлѣнія; но не желая прекословить отцу своему, она отвѣчала только, что Кавалеръ д'Озамбри пользуется въ кругу свѣтскихъ людей самымъ лестнымъ уваженіемъ. „Однакожь, продолжалъ Баронъ, старикъ Мальянъ совсѣмъ не легкомысленъ и ненавидитъ злословіе; а онъ думаетъ, что Кавалеръ д'Озамбри повѣса, которой погубилъ уже двухъ или трехъ женщинъ; что онъ игрокъ, мотъ, и что дѣла его въ крайней разстройкѣ. Впрочемъ мы разсмотримъ все это на досугѣ. Завтра привезу я къ тебѣ друга моего Феріоля и бьюсь объ закладъ, что онъ тебѣ понравится." Изора вторично усмѣхнулась; отецъ простился съ нею и поѣхалъ въ свой трактиръ.

Въ слѣдующее утро Изора проснулась ранѣе обыкновеннаго и чувствовала сильное безпокойство: отецъ ея обѣщалъ привезти съ собою Гна. Феріоля, котораго она воображала самымъ неловкимъ, страннымъ и смѣшнымъ *Провинціаломъ*. „О! какъ бы я желала ему не понравиться, говорила она своей горничной, и какъ бы

стала надъ нимъ смѣяться, естьли бы не было здѣсь батюшки!" . . . — Не уже ли вы думаете, что батюшка вашъ всегда съ нимъ будетъ? — „О! тогда я не стану себя принуждать, и какъ можно постараюсь его разсердить.". . . Въ два часа Изора пришла въ залу, гдѣ увидѣла тетку свою, Кавалера д'Озамбри и Дюшессу д'Озамбри, родственницу его, которая была старая кокетка, короткая пріятельница Гжи. Бевиль и Кавалера, и слѣдовательно знала всѣ ихъ тайны. Ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о Гнѣ. Ферїолѣ, и безъ жалости и стыда смѣялись надъ нимъ, хотя никто его не зналъ и не видалъ; но не довольно ли было того, что онъ во всю свою жизнь пробылъ только двѣ недѣли въ Парижѣ, и что ни одинъ Ферїоль не служилъ никогда при Дворѣ? Кавалеръ безпрестанно шутилъ и заставлялъ хохотать Дюшессу и Гжу. Бевиль. Изора также смѣялась, но не совсѣмъ отъ добраго сердца. Чѣмъ болѣе приближалась минута свиданія ея съ отцемъ, тѣмъ задумчивѣе она становилась, и робость заступала мѣсто прежней неустрашимости. Тщетно старалась она выгнать изъ головы мысль, напоминающую ей о должностяхъ ея, и которая давала ей смѣшенно чувствовать, сколь

не пристойно дурачить отцовскаго друга. Наконецъ, въ изходѣ третьяго часа, услышали стукъ подъѣхавшей къ крыльцу кареты; Дюшесса бросилась къ окну и увидѣла Барона и Гна. Ферїоля. Имѣю честь вамъ донести, сказала она съ громкимъ смѣхомъ, что на Гнѣ. Ферїолѣ *люстриновой* кафтанъ..... *Люстриновой*! повторила Гжа Бевиль, смѣючись: повѣрите ли, что я этого ожидала, потому что восемь лѣтъ тому назадъ носили еще люстриновые кафтаны, и это вѣрно самой тотъ, въ которомъ онъ въ первой разъ былъ въ Парижѣ. — Это доказываетъ, сказалъ Кавалеръ, очень похвальную бережливость и экономїю. — Молчите! перервала Гжа. Бевиль: они вошли уже въ переднюю: вотъ они! Сказавъ сїе, перемѣнила она лицо, такъ какъ и Кавалеръ; оба они приняли вдругъ видъ кроткой, вѣжливой и важную осанку. Такая скоропостижная перемѣна поразила Изору и не понравилась ей. Дверь въ залу отворилась, и Баронъ вошелъ, держа за руку Гна. Ферїоля, котораго онъ представилъ прежде сестрѣ, а потомъ дочери. Г. Ферїоль былъ и дѣйствительно очень странно одѣтъ: кафтанъ его былъ изъ такой матерїи, какой мущины уже не носили, притомъ нѣсколько поли-

нялъ и сшитъ такимъ покроемъ, которой почитался уже Готическимъ. (Въ Парижѣ не много лѣтъ надобно на то, чтобы платье вышло изъ моды.) Старинный сей костюмъ былъ тѣмъ примѣтнѣе, что дѣлалъ удивительной контрастъ со стройнымъ станомъ, молодостїю и рѣдкою ловкостїю Гна. Ферїоля; ибо во всѣхъ земляхъ скромные военные люди имѣютъ сїю отмѣнную ловкость, и не походятъ ни мало на Провинцїаловъ. Г. Ферїоль былъ не красавецъ, но имѣлъ такую интересную физїономїю, которая съ перваго взгляда остается навсегда въ памяти, потому что она изображаетъ всѣ добродѣтели. Кротость и ясность взоровъ возвѣщали тишину и доброту души его; видно было, что сильныя страсти никогда не отравляли чистоты его сердца, но что одна только чувствительность могла возмутить спокойствїе онаго: наконецъ милая простота обхожденїя, при благородной смѣлости всѣхъ тѣлодвиженїй, довершала его любезность. Изора, ожидавшая найти въ немъ совсѣмъ противное, съ изумленїемъ на него смотрѣла и шепнула сама въ себѣ: „какъ жаль, что онъ въ люстриновомъ кафтанѣ!“ ....

Разговоръ былъ общїй и неважный. Г. Ферїоль очень мало въ ономъ участ-

вовалъ, но много смотрѣлъ на Изору. Пошли обѣдать: Изорѣ случилось сѣсть между отцемъ своимъ и Гм. Феріолемъ. Она скоро замѣтила, что Кавалеръ и Дюшесса взглядывали другъ на друга съ насмѣшливымъ видомъ — это оскорбило ее; и какъ глаза ихъ устремлялись на Гна. Феріоля, то она оглянулась и увидѣла за его стуломъ самую странную каррикатуру: это былъ слуга его, малорослой, толстой, увальчивой, и словомъ, отмѣнно нерасторопной и смѣшной человѣкъ. Однако же Изора не почувствовала ни малой охоты смѣяться: она находила столько добродушія и чистосердечія въ Гнѣ. Феріолѣ, что чѣмъ болѣе на него смотрѣла и слушала его разговоры, тѣмъ прискорбнѣе было для нея, что надъ нимъ смѣются. Въ сію минуту глаза ея устремились на блистательнаго скорохода, стоявшаго за стуломъ у Кавалера; и въ первой еще разъ, вмѣсто того, чтобъ удивляться щегольскому его наряду, сдѣлала она нѣкоторыя смѣшенныя размышленія о толь безразсудной роскоши...

Послѣ стола Баронъ отвелъ дочь свою къ сторонѣ и спросилъ у нея, каковъ показался ей Г. Феріоль. — Батюшка! онъ очень хорошій человѣкъ; но скажите ему, что никто не носитъ люстриновыхъ

кафтановъ, и чтобъ онъ одѣвался впредь не такъ странно. — Ты меня очень обрадовала; это доказываетъ, что ты занимаешься имъ. У него только и былъ этотъ кафтанъ: онъ велѣлъ себѣ сшить другой, и завтра ты въ немъ его увидишь. — Это увѣренїе было прїятно Изорѣ. Пошли въ залу, и черезъ часъ Баронъ и другъ его простились съ Гжею. Бевиль и поѣхали. Лишь только вышли они изъ комнаты, какъ Дюшесса начала опять смѣяться надъ кафтаномъ Гна. Ферїоля; а Кавалеръ, обратясь къ Изорѣ, спросилъ у нея, замѣтила ли она чудака, которой спорилъ за Гм. Ферїолемъ. — Нѣтъ, отвѣчала она: но мнѣ показалось, что Г. Ферїоль съ удивленїемъ смотрѣлъ на вашего скорохода, и правду сказать — слуга, одѣтой въ такое неприличное мущинѣ платье, облитой золотомъ, наряженной въ цвѣты и перья, долженъ показаться Провинцїалу гораздо страннѣе и смѣшнѣе, нежели намъ лакей, одѣтой просто, безъ всякихъ затѣй. Сей отвѣтъ, сдѣланный хотя съ усмѣшкою, но тономъ нѣсколько сухимъ, заключалъ весьма тонкую критику, которую Кавалеръ понялъ; однакожь скрылъ свою досаду и, прибѣгнувъ къ обыкновенному своему притворству, сказалъ Изорѣ: „Вы очень

справедливо разсуждаете, и я за столомъ говорилъ Дюшессѣ почти то же. Мы смѣемся надъ Провинціалами, которые легко бы могли отплачивать намъ тѣмъ же, естьли бы не удивляло и не ослѣпляло ихъ всѣми признанное наше превосходство надъ ними. Впрочемъ, сударыня, прошу васъ вѣрить, что я взялъ къ себѣ скорохода по особливому случаю. Вы знаете, продолжалъ онъ, обратясь къ Дюшессѣ, что *Соловей* служилъ бѣдному Виконту! — Знаю, знаю! прервала Дюшесса: вотъ прекрасная черта, которая дѣлаетъ честь Кавалеру! Послѣ смерти нещастнаго Виконта, онъ изъ дружбы къ нему принялъ къ себѣ этого скорохода. — Точно такъ, сказалъ Кавалеръ: *Соловей* пришелъ ко мнѣ — вамъ извѣстно, въ какомъ я тогда былъ состояніи. . . . . Этотъ доброй слуга оплакивалъ своего господина; я сказалъ ему: „останься у меня — мы станемъ вмѣстѣ оплакивать его.“ . . . Вотъ по какому случаю держу я у себя теперь скорохода! . . . Это безподобно! вскричала Гжа. Бевиль. — О! напротивъ, очень обыкновенно! отвѣчалъ Кавалеръ съ видомъ скромности и чувства. Изору это тронуло: она внутренно упрекала себя за колкое намѣреніе, съ которымъ говорила о скороходѣ. Раз-

говоръ принялъ важной оборотъ: разсуждали о дружбѣ, и Кавалеръ умѣлъ показать столько героическихъ чувствъ, что все прежнее уваженїе къ нему Изоры возобновилось.

На другой день, въ восемь часовъ вечера, прїѣхалъ Г. Ферїоль: на немъ былъ новой кафтанъ, и хотя не богатой, но модной и со вкусомъ. Изора была очень рада, что не видитъ болѣе люстриноваго кафтана, и въ этомъ костюмѣ Г. Ферїоль имѣлъ видъ отмѣнно благородный и прїятный. У Гжи. Бевиль было множество гостей: она давала большой ужинъ и пригласила къ оному и Гна. Ферїоля, которой долженъ былъ исполнить ея прозьбу. А какъ онъ былъ совершенно незнакомъ всѣмъ собесѣдникамъ, то обратилъ на себя общее вниманїе, которое имѣло слѣдствїемъ своимъ то, что наружный видъ его и поступки всѣмъ очень понравились. Будучи ни мало не тщеславенъ, не примѣтилъ онъ, что взоры всѣхъ и каждаго устремлены были на него, и слѣдовательно ни мало не смѣшался, но сохранилъ тотъ спокойной и непринужденной видъ, которой придаетъ всѣмъ нашимъ движенїямъ отличную ловкость. Онъ часто взглядывалъ на Изору, и глаза ихъ не рѣдко встрѣчались. Когда

пошли ужинать, Изора вспомнила съ безпокойствомъ о слугѣ Гна. Ферюля.

Кавалеръ былъ въ сей вечеръ въ Версалїи; но Изора думала, что всѣ станутъ смѣяться надъ такою странною фигурою, и эта мысль тревожила ее. Дѣйствительно Яковъ — такъ назывался слуга — былъ еще смѣшнѣе въ этотъ вечеръ, занявшись весьма важно разсматриванїемъ гостей и филейныхъ досокъ, разставленныхъ по столу; однакожь его примѣтили не прежде, какъ въ половинѣ ужина, въ очень нещастливую для него минуту, когда онъ, принявъ, не глядя, отъ барина своего тарелку, уронилъ ее на полъ. Тарелка была серебреная и загремѣла такъ, что всѣ невольнымъ образомъ взглянули на Якова. Изора покраснѣла; Г. Ферїоль замѣтилъ это и былъ тѣмъ чувствительно тронутъ. Онъ пожурилъ тихонько Якова, не показавъ ни малѣйшей перемѣны въ лицѣ и оскорбленїя. Не имѣя склонности къ злобнымъ насмѣшкамъ, онъ думалъ, что нѣтъ ее и въ другихъ, и слѣдовательно не могъ смѣшаться отъ того, что такъ легко и часто приводитъ въ смятенїе людей большаго свѣта. Всѣ мѣлочи, подающїя поводъ къ насмѣшкамъ, казались ему тѣмъ, что онѣ суть въ самомъ дѣлѣ, то есть,

бездѣлками, не заслуживающими никакого вниманія. Здравый разсудокъ и щастливое невѣденіе пустыхъ свѣтскихъ обычаевъ не нарушали ни мало въ подобныхъ случаяхъ его равнодушія, которое не было слѣдствіемъ ни правилъ его, ни размышленій. Онъ не имѣлъ нужды преодолѣвать опасенія, показаться смѣшнымъ, и не могъ даже вообразить, чтобъ умные люди придавали какой нибудь вѣсъ такимъ вещамъ, которыя сами по себѣ ничего не значатъ: однакожь ему было тридцать лѣтъ — онъ имѣлъ проницательной умъ, но старался замѣчать только то, что его интересовало, или что находилъ онъ достойнымъ замѣчанія; мѣлочи же всѣ отъ него ускользали: онъ или совсѣмъ ихъ не видалъ, или смотрѣлъ на оныя безъ всякаго вниманія. Онъ жилъ всегда въ деревнѣ, или въ арміи; ревностное усердіе къ военной службѣ, рѣдкое въ молодомъ человѣкѣ удаленіе отъ всякаго разпутства, величайшее почтеніе къ Религіи, плодъ глубокихъ размышленій, предохраняли его отъ тѣсныхъ связей съ товарищами, которые называли его Философомъ, не въ насмѣшку, но изъ уваженія къ его характеру. Онъ рѣдко участвовалъ въ ихъ забавахъ, но старался одолжать ихъ: ссужалъ день-

Антонїя рѣшилась сохранить равенство между дѣтьми, и хотѣла, чтобы онѣ носили одно имя. Ей говорили, что тогда совершенно не льзя будетъ различить ихъ; она отвѣчала, что ей того-то и надобно. Малюткамъ дали имя *Савинїи*, празднуемой Святой 19го Октября, то есть, того дня, въ которой онѣ родились. Одна грудь материнская кормила обѣихъ дочерей; ихъ воспитывали въ такой любви взаимной, что лишь только одна сестра начинала плакать, тотчасъ и другая заливалась слезами. Сїе побужденїе Натуры и чувствительности ежедневно обнаруживалось въ нихъ; время и возрастъ усиливали дружбу, утверждаемую попеченїями Антонїи и сходствомъ ихъ склонностей и характеровъ. Все было общее между ними: игрушки, платье, даже награды и наказанїя. Естьли одна дѣлала въ чемъ нибудь проступокъ, мать взыскивала съ той, которая на глаза попадалась, и дитя не старалось оправдываться, хотя и не знало вины за собою: ихъ прїучили думать, что та и другая были одно и то же безъ всякаго различїя; слѣдственно онѣ не почитали себя въ правѣ говорить: *это не я*; сверьхъ того, когда наказывали одну сестру, другая терпѣла не менѣе. Ничто не могло

показался сей отвѣтъ такъ страннымъ, что она устремила взоры свои на Гна. Ферїоля, думая, что онъ шутитъ; но откровенный видъ его удостовѣрилъ ее, что онъ дѣйствительно находится въ таковыхъ мысляхъ. Такая рѣдкая черта добродушїя, сопряженнаго съ милою простотою, удивила и тронула Изору. . . . Помолчавъ нѣсколько: „видно, сказала она, что этотъ человѣкъ очень къ вамъ усерденъ.“ — Онъ меньшой братъ добраго крестьянина изъ моей деревни, которой былъ со мною въ Америкѣ, гдѣ по нещастїю я его лишился. — „Этому лучше бы остаться въ деревнѣ.“ — Онъ самъ захотѣлъ мнѣ служить и никогда не оставлять меня, куда бы я ни поѣхалъ. — „Это дѣлаетъ ему честь, что онъ умѣетъ цѣнить такого господина.“ — Онъ очень хорошїй малой. — Разговоръ сей перервалъ Кавалеръ, возвратясь изъ Версалїи. . . Встали изъ-за стола, и всѣ бросились къ нему, стараясь одинъ передъ другимъ наперерывъ осыпать его вѣжливостями. Онъ началъ разсказывать Версальскїя новости, и въ одну минуту всѣ узнали, что Король, Королева и Принцы ощастливили его, произнеся съ нимъ нѣсколько словъ; но въ сей части повѣствованїя употреблялъ онъ великое искусство,

упоминая слегка о томъ, что собственно до него касалось, и показывая видъ, что не придаетъ этому большой цѣны, но что единственно для того приводитъ черты, показывающія случайность его при Дворѣ, чтобы сказать что нибудь странное или забавное; ибо Придворный никогда не пропуститъ случая объявить, что Король *съ нимъ бесѣдовалъ*, но *не хвастаетъ* этимъ и упоминаетъ о томъ *эпизодически*. Изора, выслушавъ всѣ сіи вѣсти, повторила сама въ себѣ, что очень лестно имѣть любовника, толико уважаемаго Дворомъ и ведущаго такую блистательную жизнь. Занявшись совершенно предметомъ общаго вниманія, не только не смотрѣла уже она на Гна. Феріоля, смиренно въ уголокъ удалившагося, но даже совсѣмъ забыла, что онъ находится въ одной съ нею комнатѣ. — Однакожь оставшись одна, вспомнила слова его объ Яковѣ: *ему было бы скучно*! вообразила, съ какимъ чувствомъ, съ какимъ видомъ произнесъ онъ ихъ, и грустила, сама не зная отъ чего.

На другой день Гжа. Бевиль поѣхала съ племянницею въ Театръ, дозволивъ Гну. Феріолю притти къ ней въ ложу, гдѣ онѣ его и нашли. Ему хотѣлось видѣть начало піесы; а Гжа. Бевиль прі-

ѣхала уже въ продолженіе втораго дѣйствія. На тотъ разъ представляли *Ифигенію*: Гжа. Бевиль разговаривала, какъ бы то было въ ея гостиной, со всѣми знакомыми, которые приходили съ нею видѣться; но Г. Феріоль, чувствительностію одушевляемый, слушалъ актёровъ съ *провинціальнымъ* вниманіемъ, котораго ничто не могло развлечь. Это показалось такъ странно, что всѣ спрашивали на ухо у Гжи. Бевиль, что это за чудакъ? Изора смотрѣла на него съ удовольствіемъ, хотя ей нѣсколько и прискорбно было видѣть его въ такомъ положеніи, которое показывало незнаніе свѣта; но она чувствовала несказанную пріятность и даже влеченіе разсматривать трогательную физіономію, на которой вся его душа начерталась. Кавалеръ вошелъ въ ложу въ концѣ пятаго дѣйствія; онъ въ тотъ вечеръ долженъ былъ ѣхать со Дворомъ въ Шуази (*), и на немъ былъ особливаго рода кафтанъ, какіе обыкновенно Придворные употребляли въ то время для сихъ недальнихъ поѣздокъ. Г. Феріоль, занимаясь единственно Ахилломъ, Ифигеніею и Клитемнестрою,

(*) Одинъ изъ загородныхъ Замковъ прежнихъ Королей Французскихъ.

не примѣтилъ Кавалера, и слѣдовательно не поклонился ему. Кавалеръ, желая позабавить на его щетъ Изору и Гжу. Бевиль, сдѣлалъ ему съ полдюжины поклоновъ. Г. Ферїоль, не спуская глазъ съ актёровъ, ничего этаго не видалъ, и Кавалеръ продолжалъ его дурачить такъ, что наконецъ преступилъ границы благопристойности, будучи ободренъ смѣхомъ Гжи. Бевиль и другихъ двухъ или трехъ особъ. Изора почувствовала отъ сего великое негодованїе и едва не вышла изъ терпѣнїя. По окончанїи большой пїэсы, Г. Ферїоль, пришедъ въ себя, отеръ глаза свои, наполненные слезами, и оглянувшись наконецъ, увидѣлъ Кавалера и поклонился ему съ весьма ласковымъ видомъ, которой тронулъ Изору и раздражилъ ее еще болѣе противъ Кавалера. Г. Ферїоль счелъ зеленой кафтанъ, обложенной позументомъ, въ которомъ былъ тогда Кавалеръ, военнымъ мундиромъ, и спрашивалъ его объ этомъ; но въ отвѣтъ получилъ одну только презрительную улыбку. Изора сказала ему: „это, сударь, не мундиръ, а ливрея.“ Сїи колкїя слова смѣшали Кавалера и, подобно дѣйствїю быстрой молнїи, дали ему почувствовать, что этотъ *Провинцїалъ*, къ которому онъ старался по-

казывать такое пренебреженіе, можетъ скоро сдѣлаться опаснымъ для него соперникомъ; но Кавалеръ, слѣдуя своему обыкновенію, искусно скрылъ досаду и показалъ видъ, что не только не понялъ, но даже и не слыхалъ отвѣта Изоры. Въ тогдашнее время въ большемъ свѣтѣ никто не сердился за эпиграммы, естьли не могъ тотчасъ отвѣчать на нихъ еще язвительнѣе, а въ случаѣ недостатка остроумія отдѣлывался отъ нихъ благоразумнымъ молчаніемъ. Въ важныхъ и ничего не значущихъ дѣлахъ ни одинъ Придворной не показывалъ своей досады иначе, какъ вмѣстѣ съ отмщеніемъ; и всѣ сіи на сердцѣ лежащія неудовольствія составляли въ послѣдствіи тѣ непримиримыя вражды и ненависть, которыхъ причины были часто никому неизвѣстны, и которыя обнаруживались наконецъ при первомъ удобномъ случаѣ сдѣлать вредъ, очернить или погубить того, противъ котораго питали долго тайную злобу.

Баронъ вошелъ въ ложу къ началу малой піесы, а Кавалеръ откланялся съ тѣмъ, чтобъ ѣхать въ Шуази. Послѣ спектакля, Гжа. Бевиль, братъ ея, племянница и Г. Феріоль сѣли всѣ въ одну карету, и поѣхали въ загородной домъ Гжи. Бевиль, гдѣ располагались пробыть

дни три или четыре. Гжа. Бевиль, не видя никакого предмета, удобнаго возбудить вЪ ней желанїе нравиться, во всю дорогу очень скучала, мало говорила и часто зевала. Изора и Г. Ферїоль задумывались; одинЪ БаронЪ говорилЪ за всѣхЪ и былЪ веселЪ. По прїѣздѣ вЪ домЪ, Гжа. Бевиль легла на софу, жалуясь на головную боль. ВечерЪ прошелЪ довольно скучно. Изора молчала и вздыхала; вЪ одиннадцать часовЪ всѣ пошли спать. Глубокая задумчивость не дозволила Изорѣ слышать, что говорила ей горничная ея дѣвушка Клара, раздѣвая ее. Сїя последняя, желая развеселить госпожу свою, вздумала разсказать ей нѣкоторыя черты глупости слуги Гна. Ферїоля; но при имени Якова Изора опомнилась, сдѣлалась внимательною, и вдругЪ перервавЪ разговорЪ Клары, приказала ей молчать, сказавЪ сЪ примѣтнымЪ неудовольствїемЪ, что она не можетЪ терпѣть злобныхЪ насмѣшекЪ.

Клара очень удивилась такому сильному припадку добродушїя вЪ госпожѣ своей, которую она прежде толь часто смѣшила подобными шутками. Изора, будучи очень разстроена и грустна, спѣшила лечь; спала мало, и проснувшись очень рано, одѣлась, не позвавЪ кЪ себѣ

Клары; и пошла въ садъ. Тамъ сѣла она на скамью въ небольшомъ огороженномъ мѣстѣ, представляющемъ кладбище и Готическую церковь. Черезъ полчаса услышала она позади себя свистъ, и обернувшись, увидѣла Якова, которой держалъ небольшую кружку сливокъ и внимательно смотрѣлъ на гробницы, окружающія Изору. „Что ты смотришь, Яковъ?“ спросила она у него. — Сударыня! отвѣчалъ онъ: я хотѣлъ бы знать, настоящее ли это кладбище. — „Нѣтъ, оно сдѣлано только для украшенія.“ — Вотъ очень чудное украшеніе! это такъ печально! . . . а въ этой церкви служатъ ли когда обѣдню? — „Нѣтъ! она не освящена.“ — Ну! такъ я угадалъ, что эта церковь построена только для смѣху, да и весь садъ такой же: въ прудахъ нѣтъ ни пискарика, въ крестьянскихъ домикахъ ни души; я думаю, что и горы нарочно же сдѣланы; посмотрите, какъ онѣ размалеваны!... — „Вотъ прекрасное описаніе Англійскихъ садовъ! . . . И такъ, Яковъ, тебѣ вѣрно лучше кажется садъ твоего господина?“ — О! конечно, сударыня! тамъ нѣтъ никакого обмана. . . — „Я думаю. . . А баринъ твой? . . . Онъ такъ чистосердеченъ!“ . . . — И такъ добръ, сударыня, такъ милостивъ! . . . . — „Ты любишь

его? " — Да ктожъ его не любитъ? — „Я увѣрена, что крестьяне его щастливы". . . — О! сударыня! . . . Тутъ Яковъ поставилъ на скамью кружку со сливками, чтобъ удобнѣе было ему говорить, и продолжалъ: У моего барина въ деревнѣ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни сиротъ, ни больныхъ. . . — „Ни сиротъ, ни больныхъ!" . . . — Да, сударыня! баринъ отецъ всѣмъ сиротамъ; онъ вылѣчиваетъ больныхъ; бѣднымъ даетъ работу и денегъ, печется о робятахъ; а старики — о! старики! . . . . Яковъ, не находя словъ для описанія благоволенія господина своего къ старикамъ, замолчалъ, сдѣлавъ такое выразительное, но притомъ и смѣшное тѣлодвиженіе, что Изора была чрезвычайно тѣмъ тронута и усмѣхнулась. Въ сію минуту показался Г. Феріоль. Ахъ, Боже мой! вскричалъ Яковъ, увидя его: я забылъ приготовить ему завтракъ, ходилъ за сливками къ коровницѣ, а послѣ совсѣмъ у меня изъ ума вышло, что баринъ меня дожидается... Сказавъ сіе, взялъ онъ съ печальнымъ видомъ кружку, и когда Г. Феріоль подошелъ, онъ началъ просить у него прощенія въ своемъ забвеніи. Г. Феріоль, не давъ ему кончить, сказалъ только: въ этомъ нѣтъ большой бѣды; впередъ

ты лучше станешь помнить. Яковъ пошелъ съ видомъ крайняго прискорбія и смущенія. „Я увѣрена, сказала Изора, что естьли бы вы его побранили, то онъ не былъ бы огорченъ больше теперешняго.“ — О! гораздо меньше. — „Однакожь можетъ ли слуга имѣть столько природнаго великодушія, чтобъ не употреблять никогда во зло такой рѣдкой тихости и снизхожденія?“ — Можно ли имѣть *довольно снизхожденія* къ неумышленнымъ проступкамъ, которые суть ничто иное, какъ мѣлочи? Можно ли въ самомъ дѣлѣ сердиться? можно ли огорчать, обижать ближняго за неисполненіе бездѣлицъ?.. — „Однакожь долгъ его требуетъ точности“.... — Главной его долгъ есть — быть вѣрнымъ, правдивымъ, усерднымъ; и онъ все это исполняетъ. — „Дивлюсь вашему образу мыслей; но думаю, что, зная ваши правила, вамъ гораздо хуже служать, нежели строгому и взыскательному господину.“ — Извините; строгой господинъ не часто ли бранится? — „Безъ сомнѣнія.“ — Слѣдовательно ему подаютъ къ этому причины; слѣдовательно слуги его, такъ какъ и мои, забываютъ его приказанія, бываютъ часто недогадливы, и впадаютъ во всѣ такіе неизбѣжные проступки. Онъ сердится, кричитъ, бра-

нится, заставляетъ себя ненавидѣть, обманывать: вотъ что выигрываетъ онъ строгостїю въ мѣлочахъ! — „Но какимъ способомъ можно достигнуть до такого хладнокровїя и терпѣнїя?“ — Способомъ очень простымъ: надобно только разсудить, что человѣку не льзя сдѣлаться добрымъ, естьли онъ станетъ предаваться вспыльчивости и нетерпѣливости. — „Я постараюсь воспользоваться этимъ правиломъ.... Чувствую, что добродушїе имѣетъ въ себѣ такую прелесть!“.... — Добродушїе есть ничто иное, какъ справедливость, природное свойство разумнаго и чувствительнаго существа. Безъ строгости очень легко можно обойтись, и естьли не оправдываетъ ее какое нибудь важное обстоятельство, то она ничто иное, какъ противная и малодушная жестокость. Я знаю, что строгость часто бываетъ притворная и что вообще она больше произходитъ отъ дурной привычки и недостатка разсужденїя, нежели отъ жестокосердїя. Но, примолвилъ Г. Ферїоль, улыбаясь, посмотрите, куда насъ завела кружка сливокъ, забытая Яковомъ. — Я съ удовольствїемъ васъ слушаю, отвѣчала Изора. — Получивъ отъ батюшки вашего дозволенїе, поговорить съ вами наединѣ, я воспользовался пер-

вымъ случаемъ, но никогда не воображалъ, что предметомъ нашего разговора будетъ Диссертація о добродушіи. — Вы мнѣ говорили только о себѣ.... Сдѣлать опредѣленіе добродушія, есть то же, что описать васъ. — Будьте столько же откровенны, сколько вы обязательны; скажите мнѣ, сударыня, могу ли я надѣяться.... — Вотъ батюшка! перервала Изора, закраснѣвшись: пойдемъ къ нему. Сказавъ сіе, она встала, и Г. Феріоль слѣдовалъ за нею въ молчаніи. Баронъ подошелъ и предложилъ итти прогуляться въ поле. Проходя черезъ дворъ, увидѣли они Якова, которой смотрѣлъ, какъ играютъ въ кегли, и пошелъ за господиномъ своимъ издали, такъ что никто этого не примѣтилъ. Изора, опасаясь изъясненія, всячески старалась избѣжать онаго, говоря о разныхъ постороннихъ и неважныхъ предметахъ. Тщетно Баронъ покушался заводить рѣчь объ интересной для него матеріи: женщины имѣютъ особливое искуство избѣгать затруднительныхъ отвѣтовъ и отклонять разговоры, которыхъ онѣ боятся.

Вышедъ изъ деревни, пошли они по дорогѣ, обсаженной съ обѣихъ сторонъ терновникомъ, и увидѣли страшную, большую собаку, которая бѣжала прямо

на нихъ; въ самую ту минуту множество крестьянъ, вооруженныхъ вилами и палками, перебѣжали черезъ дорогу и скрылись въ кустарникѣ; но они кричали, и можно было очень ясно слышать страшныя слова: *бѣшеная собака*!... Боже мой! вскричала Изора, бросясь въ объятія къ отцу своему.... Собака была въ двадцати шагахъ отъ нихъ. Г. Феріоль, не имѣя другаго оружія, кромѣ толстой палки, подбѣгаетъ къ собакѣ, и однимъ ударомъ повергаетъ ее на землю; но она, вставъ, хотѣла броситься на него, какъ вдругъ подоспѣлъ Яковъ съ ножемъ, и вонзилъ его въ горло собакѣ, которая однако же успѣла укусить ему руку. Все это сдѣлалось почти въ одинъ мигъ. Баронъ, вырвавшись наконецъ изъ рукъ Изоры, прибѣжалъ и увидѣлъ убитую собаку; а Г. Феріоль проливалъ слезы и прижималъ къ груди своей Якова, повторяя съ отчаяннымъ видомъ: *онъ укушенъ! онъ укушенъ!*... Устрашенная Изора подходитъ.... Въ сію минуту услышали выстрѣлъ изъ ружья и отголосокъ многократно повторяемыхъ словъ: *убили! убили*! Является крестьянинъ. Баронъ спрашиваетъ у него, кого убили? — Бѣшеную собаку... — Но мы сей часъ убили ее. — Нѣтъ, вы убили Петрову собаку. — Не укусила ли ее та? —

Нѣтъ! бѣшеная вырвалась изъ сарая, гдѣ хотѣли ее убить; она была тамъ заперта двое сутокъ; мы хотѣли узнать, вправду ли она взбѣсилась; мальчишка ее выпустилъ, и мы ее сей часъ застрѣлили. — Ты точно знаешь, что убитая нами собака не была укушена бѣшеною? — Она съ нею и не встрѣчалась. — Доброй и честной Яковъ! вскричалъ Г. Ферїоль, рыдая: собака, которая тебя укусила, была не бѣшеная. . . . — Однакожь, сударь, она проклятая такъ меня напугала. . . — Она была не бѣшеная, повторилъ Г. Ферїоль съ восторгомъ: любезной Баронъ! примите участїе въ моей радости! . . . и обнялъ тотчасъ Барона и трепещущую Изору, которая смѣшала слезы свои съ его слезами. Послѣ сего немедленно обратился онъ къ Якову, который, сѣвъ на камень, протянулъ руку, чтобъ вытекла кровь изъ раны. . . . . Г. Ферїоль сталъ на колѣна, чтобъ удобнѣе перевязать ее; Изора въ такомъ же положенїи стала подлѣ него, и вынувъ изъ кармана ножницы, разрѣзывала платки для перевязокъ. . . . Баронъ съ несказаннымъ удовольствїемъ смотрѣлъ на сїю трогательную картину. . . . Слезы катились по его почтенному лицу: чета милая! вскричалъ онъ наконецъ. . . . Сїи

слова заставили содрогнуться Гна. Ферїоля, котораго до сего ничто не могло отвлечь отъ Якова; глаза его встрѣтились съ глазами Изоры, и онъ, посмотрѣвъ на нее съ минуту, сказалъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности: „ахъ, сударыня!“ . . . и болѣе не могъ продолжать. — Обними ее! вскричалъ Баронъ. — Естьли она дозволитъ. . . . — А сей часъ не обнялъ ли ты ее безъ всякихъ церемонїй? — Я былъ внѣ себя, и признаюсь, что занимался не ею! . . . . — Что скажешь, Изора? продолжалъ Баронъ. Изора потупила глаза; Г. Ферїоль схватилъ ея руку и прижалъ къ сердцу своему. . . . Услышали опять шумъ: это были поселяне, и въ числѣ ихъ Петръ, крайне недовольной, что убили его собаку; но его тотчасъ утѣшили нѣсколькими луидорами. Г. Ферїоль пожелалъ возвратиться домой, чтобы послать за Лѣкаремъ для Якова. Дорогою ни о чемъ болѣе не говорили, какъ объ немъ. Яковъ, совсѣмъ не думая хвастать своимъ дѣянїемъ, находилъ очень страннымъ, что ему такъ удивляются. Вошедъ на дворъ, увидѣли фаэтонъ Кавалера и еще другую карету. Тѣмъ лучше, сказалъ Баронъ: я разскажу гостямъ наше приключенїе. Г. Ферїоль пошелъ съ Яковомъ въ свою комнату;

а Изора также въ свою. Баронъ вошелъ въ гостиную съ торжествующимъ видомъ въ самое то время, какъ подавали чай. Онъ немедленно началъ свое повѣствованїе, которое слушали болѣе съ видомъ холодной важности, нежели съ участїемъ, пока думали, что встрѣтившаяся собака была подлинно бѣшеная; но при развязкѣ Кавалеръ захохоталъ и началъ дѣлать язвительныя насмѣшки надъ боязнїю, причиненною *кроткимъ животнымъ*, *невинною жертвою пустаго страха*. Баронъ, не живъ никогда при Дворѣ, не искалъ острыхъ словъ, когда былъ сердитъ, но умѣлъ очень хорошо выражать свое негодованїе. Кавалеръ принялъ опять тонъ чувствительности; Баронъ не удостоивалъ его болѣе отвѣтами. Гжа. Бевиль перемѣнила разговоръ. Черезъ полчаса послала она позвать свою племянницу. Изора пришла блѣдная и въ великомъ смятенїи. Ей напомянули слегка о приключившемся съ нею, и Гжа. Бевиль обошлась съ Изорою весьма сухо. Баронъ ходилъ по комнатѣ. Изора была очень разсѣяна, однакожь начала разговоръ съ нѣкоторыми прїѣзжими особами единственно изъ благопристойности, а болѣе для того, чтобъ имѣть предлогъ сидѣть почти спиною къ теткѣ и къ

Кавалеру, на которыхъ не смѣла она глядѣть. Услышали стукъ кареты. Гжа. Бевиль позвонила, чтобъ узнать, кто пріѣхалъ. Офисіантъ отвѣчалъ, что это Г. Ферїоль спѣшитъ какъ можно скорѣе въ Парижъ со слугою своимъ, которой очень занемогъ. Баронъ вышелъ. Г. Ферїоль, сказала Гжа. Бевиль съ видомъ презрѣнія, желаетъ избавить насъ отъ горести прощанія... Это верхъ учтивости. . . — *Виватъ деревенская свобода!* отвѣчалъ Кавалеръ, допивая свой чай: сверхъ того, сударыня, можетъ быть такъ водится въ *Долѣ* и въ *Безансонѣ*. . . — Вотъ непонятное дурачество, сказала Гжа. Бевиль, везти лакея своего въ Парижъ для того, чтобъ собака оцарапила ему руку! — Не сдѣлался ли Якову *нервической припадокъ*?...— Якову *нервической припадокъ!* это безподобно! При сихъ словахъ постельная собачка Гжи. Бевиль, оттолкнутая госпожею своею, заворчала. Боже мой! вскричалъ Кавалеръ: Фолешка вѣрно *взбѣсилась!* . . . Гжа. Бевиль засмѣялась, а Кавалеръ, схватя ножикъ, сказалъ: берегите свою Фолешку, потому что мнѣ очень хочется сдѣлать *геройской подвигъ*. . . . Смѣхъ удвоился; Изора встала. — „Куда идешь ты, Изора?" — Въ садъ, тетушка. — „Въ садъ? Не льзя ли остаться съ нами?" —

Извините, тетушка, теперь мнѣ не льзя. Изора отвѣчала это твердымъ и смѣлымъ голосомъ, и вышла съ поспѣшностїю. Самые робкїе люди дѣлаются неустрашимыми, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, когда отважились они сказать примѣтную грубость.

Во всякомъ дѣлѣ важенъ одинъ только первой шагъ. Поступокъ Изоры очень удивилъ всю бесѣду. Свѣтскїе люди такъ проницательны, что ничто отъ нихъ не можетъ укрыться; они все замѣчаютъ, или угадываютъ: одно тѣлодвиженїе, одинъ взглядъ, одно слово часто открываютъ имъ важныя тайны; и то, что называется въ большомъ свѣтѣ *сценами*, не требуетъ шумныхъ движенїй. Это есть нѣжная игра, которой тонкости могутъ видѣть одни только весьма опытные зрители.

Всѣ пошли гулять, кромѣ Кавалера и Гжи. Бевиль, которые остались наединѣ. „Что скажешь, Кавалеръ?“ спросила Гжа. Бевиль съ видомъ таинственнымъ и печальнымъ. — Ничего, сударыня! отвѣчалъ онъ тономъ глупаго самодовольствїя. — „Перестанемъ обманываться: *рѣдкїя добродѣтели* Гна. Ферїоля овладѣли сердцемъ Изоры.“ . . . — Не вѣрьте этому! — „Не гораздо ли было бы чуднѣе,

естьли бы такого разбора человѣкъ овладѣлъ умомъ ея?" — Будьте увѣрены, что онъ не овладѣлъ ни сердцемъ ея, ни умомъ. Это одно робячество, которое не долго продолжится. — „Она имъ чрезвычайно занимается." — Робячество, говорю я вамъ; а сверхъ того можетъ быть хочетъ она узнать, не встревожитъ ли это меня; такіе умыслы часто забавляютъ женщинъ, и обыкновенно онѣ бываютъ первыми опытами кокетства. — „Тебѣ должно съ нею изъясниться." — Ничего не бывало!... — „Что же дѣлать?" — Показывать спокойствіе, довѣренность, и завтра везти ее на скачку. Дюшесса возметъ ее съ собою.

Разговору сему помѣшали. Кавалеръ пошелъ въ садъ. Онъ искалъ тамъ Изору, и нашелъ ее одну. Она, увидѣвъ его, встала и хотѣла уйти; но онъ догналъ ее, и не показывая, что примѣтилъ ея смущеніе, началъ говорить съ нею страстными выраженіями, которыя всегда и прежде употреблялъ тогда, когда не было Гжи. Бевиль; ибо при сей послѣдней онъ казался быть занятъ одною только ею. Гораздо труднѣе притвориться чувствительнымъ, нежели страстнымъ, и отъ сего-то въ наши времена *любовники и актёры* такъ стремительны и пламенны.

Изора, удостовѣренная, что Кавалеръ обожалъ ее, не могла иначе слушать его, какъ съ великою чувствительностїю; сверхъ того, сдѣлавъ съ нимъ нѣкоторую связь, она думала, что размолвка доведетъ его до бѣдственнѣйшей крайности. Какъ жить ему безъ нея? и чего должна она ожидать отъ толь чувствительнаго характера и такой сильной страсти? Отчаянный сей любовникъ принесетъ на жертву мщенїю своему Гна. Ферїоля; покусится, можетъ быть, на жизнь Барона и наконецъ *непремѣнно* умертвитъ самъ себя. . . — Вотъ какъ разсуждаетъ осмнадцати-лѣтняя дѣвушка, способная любить, читавшая много романовъ и отъ безпрестанной тонкой лести имѣющая много тщеславїя! Страхъ и сожалѣнїе погубили гораздо болѣе женщинъ, нежели любовь. Многїя безъ дальняго усилїя дѣлаютъ безразсудныя предположенїя, которыя льстятъ самолюбїю ихъ. Думать, или быть увѣренной, что нещастный любовникъ сойдетъ съ ума, или умретъ отъ чахотки, есть почти то же, что выставлять себя за божество. Не довольно ли этого, чтобъ учинить молодую женщину легковѣрною?

Изора вздыхала, слушая Кавалера; отвѣтствовала ему односложными словами;

но, продолжая съ нимъ ходить, старалась приближиться къ дому и, подошедъ къ оному, оставила Кавалера и удалилась въ свою комнату.

(*Продолженіе впредь.*)

II.

О развалинахъ.

Нѣсколько времени я держался мнѣнія, что люди имѣютъ врожденную склонность къ разрушенію. Естьли народъ можетъ поднять ненаказанно руки на какой нибудь памятникъ, то вѣрно испровергнетъ или испортитъ его. Я видѣлъ въ Дрезденѣ, въ саду Графа Бриля, многія прекрасныя статуи, обезображенныя, по взятіи сего города, Прусскими солдатами, которые *для забавы* стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Чернь большею частію наклонна и къ моральному разрушенію, то есть, къ злорѣчію и клеветѣ: она любитъ поносить всѣхъ тѣхъ, которые восходятъ на вышшія передъ нею степени. Но сей злобной инстинктъ не есть природный. Онъ происходитъ отъ неудачи тѣхъ людей, которымъ воспитаніе внушило честолюбіе,

а общество оному противится, что и повергаетъ ихъ въ отрицательное любочестіе. Будучи не въ состояніи возвыситься, они стараются всѣхъ унизить. И такъ въ семъ случаѣ склонность къ разрушенію не есть природное побужденіе, но слѣдствіе безсильнаго и завистливаго властолюбія. Дикіе народы разрушаютъ только памятники враговъ своихъ, а свои берегутъ тщательно. Дикіе добрѣе нашихъ просвѣщенныхъ; доказательствомъ сему служитъ то, что они никогда не злословятъ соотечественниковъ своихъ.

Какъ бы то ни было, склонность къ развалинамъ есть общая всѣмъ людямъ. У насъ въ садахъ дѣлаютъ художественныя развалины; а дикіе любятъ покоиться меланхолически на берегахъ моря, особливо во время бурь, или подлѣ шумныхъ водопадовъ. Большія разрушенія представляютъ новыя живописныя дѣйствія, и сіе-то любопытство видѣть оныя, соединенное съ лютостію, побудило Нерона зажечь Римъ, чтобъ насладиться зрѣлищемъ великаго пожара. Отложивъ въ сторону человѣколюбіе, сіи длинные пламенные языки, которые среди ночной тьмы, лижутъ небо, какъ говоритъ Виргилій; вихри чернокраснаго дыма, тучи разноцвѣтныхъ искръ, алыя отра-

женія на улицахъ, на высотѣ башенъ; на поверхности водъ и на вершинахъ отдаленныхъ горъ, нравятся не только въ Натурѣ, но даже въ картинахъ и въ описаніяхъ. Сіе чувство, не имѣющее связи съ нашими физическими нуждами, подало поводъ нѣкоторымъ Философамъ сказать утвердительно, что душа, будучи ничто иное, какъ *движеніе*, любитъ всѣ чрезвычайныя потрясенія. Вотъ для чего, говорятъ они, стекается столько народу на площади, гдѣ казнятъ.... Правду сказать, сіи позорища не имѣютъ ничего живописнаго. Но сіи Философы, по примѣру многихъ другихъ, выдали намъ парадоксъ за аксіому. — Вопервыхъ, душа любитъ столько же покой, сколько и движеніе. Она есть весьма кроткая гармонія, трудно выдерживающая сильныя потрясенія; и хотя бы она по свойству своему была ничто иное, какъ движеніе, то я не вижу для нея необходимости любить то, что угрожаетъ ей и самой разрушеніемъ. Лукрецій, по мнѣнію моему, гораздо правильнѣе разсуждаетъ, говоря, что удовольствіе, находимое нами въ такихъ зрѣлищахъ, раждается отъ чувствованія нашей собственной безопасности. Мы любимъ смотрѣть на бурю съ берега и на всѣ бѣдствія, отъ которыхъ мы защи-

щены совершенно. По сей же самой причинѣ люди въ зимніе вечера охотно разсказываютъ, передъ огнемъ и среди семейства своего, страшныя повѣсти о мертвецахъ, разбойникахъ, путешественникахъ, заблудившихся въ дремучихъ лѣсахъ и проч. Чувство собственной безопасности производитъ еще то, что добродушные впрочемъ люди любятъ видѣть трагическія представленія, читать описанія кровопролитныхъ сраженій, кораблекрушеній и опустошенія Областей. Спокойствіе и безстрашіе мѣщанина усугубляется отъ опасности воина, мореходца, или Придворнаго. Сей родъ удовольствія произходитъ отъ нашей физической бѣдности; но въ насъ есть еще другое благороднѣйшее чувство, которое заставляетъ любить развалины, независимо отъ живописныхъ дѣйствій и собственной безопасности: я разумѣю чувство Божества, которое всегда примѣшивается къ нашимъ меланхолическимъ ощущеніямъ и составляетъ главную ихъ прелесть. Я стараюсь представить читателямъ нѣкоторыя впечатлѣнія, производимыя надъ нами развалинами. Сія матерія очень нова и богата; но время и силы мои не дозволяютъ мнѣ въ нее углубиться:

однакожъ скажу о ней слова два, для оправданія, какъ умѣю, рода человѣческаго.

Сердце человѣческое по естеству своему столь наклонно къ состраданію, что зрѣлище развалинъ, напоминающихъ только бѣдствія людей, внушаетъ въ насъ ужасъ, какъ бы впрочемъ живописны онѣ ни были. — Мнѣ случилось въ 1765 году быть въ Дрезденѣ, спустя много лѣтъ послѣ бомбардированія города сего. Онъ не великъ, но очень пріятенъ и славенъ своею торговлею. Улицы въ немъ прямыя; миловидные каменные домики, украшенные снаружи колоннадами, бальконами, рѣзною и лѣпною работою, были тогда большею частію разрушены. Непріятель направлялъ почти всѣ бомбы на Лютеранскую церковь Св. Петра, которой своды такъ крѣпки, что бомбы, не причинивъ куполу ни малаго вреда, отскакивали отъ него на окрестные домы, зажигая и разрушая оные. Я увидѣлъ, что все было еще въ самомъ томъ состояніи, какъ при окончаніи войны. Только обгорѣлые камни, завалившіе совсѣмъ нѣкоторыя улицы, были подобраны и складены по обѣимъ сторонамъ на подобіе парапета. Половины нѣкоторыхъ каменныхъ огромныхъ зданій стояли еще, хотя и треснули съ верху до низу. Въ нихъ

можно было видѣть полуразрушенныя лѣсницы, разписанные потолоки, кабинетцы убранные Китайскими бумажками, разбитыя зеркала, мраморные камины, и проч. Въ другихъ домахъ остались только печи съ трубами, и возвышались изъ средины каменныхъ кучь, подобно черным пирамидамъ. Третья часть города была приведена въ сїе плачевное состоянїе. Съ печальнымъ видомъ ходили туда и сюда жители, отличавшїеся прежде своимъ веселонравїемъ такъ, что ихъ называли *Нѣмецкими Французами.* Сїи развалины, представляющїя множество любопытнаго и живописнаго, повергали въ мрачную меланхолїю; ибо въ нихъ видны были только слѣды гнѣва сильнаго Государя, устремившагося не на твердыя стѣны военнаго города, но на мирныя и прїятныя жилища народа трудолюбиваго и промышленнаго. Самые даже Прусаки были тѣмъ тронуты. Я совсѣмъ не чувствовалъ утѣшительнаго возврата къ собственной безопасности, возбуждающагося въ насъ при видѣ бѣдствїя, отъ котораго мы защищены; напротивъ того унылый голосъ изъ глубины сердца моего говорилъ мнѣ: *ахъ! естьли бы это было твое отечество!*

Развалины, производимыя временемъ, раждаютъ въ насъ совсѣмъ иныя чувства. Сіи нравятся, повергая насъ, такъ сказать, въ безконечность и относя за множество вѣковъ назадъ; чѣмъ древнѣе онѣ, тѣмъ любопытнѣе. Вотъ почему развалины Италіанскія интересуютъ насъ болѣе Французскихъ, Греческія болѣе Италіанскихъ, а Египетскія болѣе Греческихъ. Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ древній памятникъ — это были тріумфальныя ворота, воздвигнутыя Маріемъ по разбитіи Кимвровъ — не могъ на него довольно наглядѣться. Какъ! вскричалъ я: это построено Римлянами! и воображеніе въ одинъ мигъ перенесло меня въ Римъ, ко временамъ Маріевымъ. Трудно было бы мнѣ описать различныя чувства, попеременно во мнѣ тогда раждавшіяся. Вопервыхъ, хотя сей памятникъ, подобно всѣмъ другимъ Европейскимъ тріумфальнымъ воротамъ, былъ воздвигнутъ на счетъ бѣдствій рода человѣческаго, однакожъ не причинилъ мнѣ никакого огорченія: я вспомнилъ, что Кимвры напали на Италію, какъ разбойники, и разсудилъ, что естьли сіи ворота служатъ памятникомъ побѣдъ Римлянъ надъ Кимврами, то вмѣстѣ показываютъ и силу времени надъ Римлянами же. Монументъ сей очень мало по-

вреждень; но статуи, представляющія воиновъ, такъ обезображены, что не льзя мнѣ было различить не только лицъ ихъ, но даже и оружія; а нѣкоторыя не имѣли уже и ногъ. Одинъ сосѣдственный сельской священникъ велѣлъ выломать множество камней изъ-подъ правой стороны аркады, для починки ограды церкви своей; но не смотря на сіе, сводъ висѣлъ на воздухѣ, какъ будто какимъ волшебствомъ. Сіе подало мнѣ высокое мнѣніе о искусствѣ древнихъ въ строеніи публичныхъ зданій. Мнѣ пришло также въ голову, что сей священникъ-разрушитель произходитъ, можетъ быть, отъ древнихъ Кимвровъ, такъ какъ Французы отъ древнихъ Сѣверныхъ народовъ, овладѣвшихъ Италіею. Такимъ образомъ, кромѣ разрушенія, котораго не одобрялъ изъ почтенія къ древности, размышлялъ я о непостоянствѣ міра сего, гдѣ побѣжденные часто заступаютъ мѣсто побѣдителей, и обратно. Я представлялъ себѣ, что какъ Марій отмстилъ за Римлянъ и помрачилъ славу Кимвровъ, такъ точно одинъ изъ потомковъ сихъ Кимвровъ разрушалъ въ свою очередь славу Марія, и что, можетъ быть, молодыя дѣвушки изъ ближнихъ деревень приходятъ въ праздники плясать подъ тѣнью сихъ тріумфаль-

ныхъ воротъ, не заботясь о томъ, кто ихъ построилъ и кто разорилъ.

Развалины, представляющія намъ сраженіе Натуры съ искуствомъ человѣческимъ, раждаютъ пріятную меланхолію. Натура показываетъ въ нихъ прочность своихъ трудовъ и бренность нашихъ; она даже и разрушая созидаетъ; изъ разсѣлинъ памятниковъ нашихъ произращаетъ она разныя полезныя деревья, травы, мхи, которые цвѣтомъ своимъ и разными положеніями составляютъ пріятнѣйшія съ каменьями противоположности. Я всегда съ великимъ удовольствіемъ останавлялся въ Люксамбургскомъ саду, на концѣ Кармелитской аллеи, разсматривая одно изящное произведеніе Архитектуры, служившее въ началѣ своемъ украшеніемъ колодезю. Съ одной стороны фронтона изображена лежащая престарѣлая рѣка, на лицѣ которой время напечатлѣло гораздо больше почтенныхъ морщинъ, нежели сколько далъ ей оныхъ рѣзецъ Художника: время лишило ее одной ноги, и произвело на мѣстѣ оной кленовое дерево. Отъ бывшей съ другой стороны фронтона Наяды осталась только нижняя половина тѣла; голова, плеча и руки отвалились. Сіи отпавшія руки держали еще урну; вмѣсто же водяныхъ травъ

выростали изъ нее тѣ, которыя любятъ самыя сухія мѣста, а именно: кусты желтофіолей, дикой цикоріи, и густые, длинные снопы каменорослыхъ зерновыхъ травъ.

Изящная Архитектура оставляетъ всегда изящныя развалины. Планы Искуства связуются тогда съ величественными планами Натуры. Для меня нѣтъ ничего великолѣпнѣе древнихъ, высокихъ башенъ, которыя предки наши воздвигали на вершинахъ горъ, чтобъ видѣть издали приближеніе непріятеля; на нихъ выросли большія деревья, колеблемыя вѣтромъ. Мнѣ случалось видать, что изъ смертоносныхъ прежде бойницъ нѣкоторыхъ изъ нихъ выраспали кусты пріятной сиринги, которой нѣжные фіолетовые оттѣнки дѣлали пріятнѣйшую противоположность съ мрачными и пещеристыми камнями башни.

Видъ развалинъ бываетъ еще интереснѣе, когда присоединится къ нему какое нибудь моральное чувство; на примѣръ: естьли будетъ извѣстно, что сіи полуразрушенныя башни служили нѣкогда убѣжищемъ разбойникамъ. Таковъ былъ въ области Ко старинной Замокъ Лилебонскій. Высокія стѣны, его окружающія, очень повреждены на углахъ и такъ за-

росли плющемъ, что не видно почти камней, изъ которыхъ онѣ складены. Изъ средины дворовъ, куда, кажется, нѣтъ возможности продраться, возвышаются башни съ зубцами; на вершинахъ ихъ растутъ большія деревья, представляющія издали подобіе густыхъ волосъ какихъ нибудь исполиновъ. Сквозь густоту травы примѣтны изрѣдка Готическія окна, бойницы, проломы, лѣсницы, похожія на устья пещеръ. Вокругъ сего унылаго мѣста летаютъ въ молчаніи однѣ только ночныя птицы; тамъ ничего не слышно, кромѣ свиста вѣтровъ, или стону совы, вьющей гнѣздо въ сихъ развалинахъ. Замокъ построенъ среди узкой равнины, окруженной лѣсистыми горами. Когда вообразилъ я себѣ, что сей Замокъ былъ нѣкогда обитаемъ тиранами, которые, до утвержденія Королевской власти, грабили и проливали кровь какъ нещастныхъ подданныхъ своихъ, такъ и проѣзжихъ: то мнѣ показалось, что я вижу скелетъ какого нибудь огромнаго дикаго звѣря.

(*Изъ Etudes de la Nature.*)

III.

О сосѣдствѣ за столомъ.

Обыкновенно думаютъ, что богатой и щедрой человѣкъ можетъ быть хорошимъ хлѣбосоломъ, не имѣя нужды въ другихъ качествахъ; но люди, углублявшіеся въ сію матерію, удостовѣрились, что Небо малому только числу смертныхъ низпосылаетъ эту благодать.

На сихъ дняхъ обѣдалъ я у М. . ., которой пріобрѣлъ себѣ славу рѣдкаго хлѣбосола, и заслуживаетъ ее по многимъ отношеніямъ. Насъ собралось около двадцати пяти человѣкъ, а обѣдъ былъ изготовленъ по крайней мѣрѣ на 40 персонъ. Кушанья, вины, ликёры, десертъ, кофе, мороженое — однимъ словомъ, все было самое лучшее и не только въ изобиліи, но даже съ излишествомъ. Услуга отмѣнная: хозяинъ не просматривалъ ни одной пустой тарелки, ни одной пустой рюмки; все шло съ рѣдкимъ порядкомъ; наконецъ всѣ гости были достойные, умные и честные люди... Однакожь никогда не случалось мнѣ быть на такомъ скучномъ и продолжительномъ обѣдѣ. Вотъ этому причина:

Никто изъ насъ не зналъ почти другъ друга, что конечно не очень удобно про-

известь взаимную довѣренность; но какъ хорошій столъ весьма споспѣшествуетъ оной, то это было бы ничего незначущее препятствіе, естьли бы всякой сидѣлъ на приличномъ мѣстѣ.

Сіи незнакомые между собою гости были знакомы хозяину; слѣдовательно отъ него зависѣло помѣстить ихъ, какъ надлежало; но, или отъ безпечности, или отъ недогадки, а можетъ быть отъ недостатка ума, онъ оставилъ случаю стараніе разпредѣлять мѣста. Увидите, что изъ этого произошло!

Я уже сказалъ, что насъ было 25 человѣкъ. Въ томъ числѣ находились Банкиры, поставщики, военные люди, Авторы, сельскіе священники, купцы, Артисты, Судьи, Комедіанты, Стихотворцы и Любители Наукъ и Художествъ. Безъ сомнѣнія можно было изъ сего составить очень пріятную бесѣду: все зависѣло отъ сосѣдства; ибо извѣстно, что за такимъ большимъ столомъ разговоръ не можетъ быть общій.

Одному священнику досталось сѣсть между Стихотворцемъ и актёромъ, поставщику возлѣ Судьи, купцамъ подлѣ Авторовъ, военнымъ подлѣ Банкировъ и проч. Такимъ образомъ всякой, имѣя сосѣда, не понимающаго языка его, при-

нужденъ былъ молчать, сдѣлавъ прежде нѣсколько тщетныхъ покушенїй завести съ нимъ разговоръ. Во весь обѣдъ слышны были однѣ односложныя слова; стукъ тарелокъ и приборовъ замѣнялъ разговоръ.

Поэту вздумалось поговорить о своей освистанной и упавшей Трагедїи съ священникомъ, которой на оборотъ сообщилъ ему объ успѣхѣ послѣдней своей проповѣди, и ничего не понималъ, что ему разсказывалъ актёръ. Одинъ изъ Авторовъ заговорилъ о Грамматикѣ съ купцомъ, которой отвѣчалъ ему жалобами на худую продажу сахару и кофе. Артистъ дѣлалъ поставщику описанїе исторической картины, которою готовился онъ заняться; а поставщикъ горько жаловался ему на безкорыстїе нынѣшнихъ Министровъ и ихъ подчиненныхъ, которые не даютъ его братьи ничѣмъ поживиться, между тѣмъ какъ прежде ловили они, какъ хотѣли, въ мутной водѣ рыбу. Военный и Любитель Наукъ болѣе всѣхъ понимали другъ друга; ибо сей послѣднїй, имѣя понятїе обо всемъ, разумѣлъ нѣсколько и военное искуство; но скоро скучно стало ему слушать объ однихъ только бастїонахъ, кронверкахъ, осадахъ, приступахъ и проч., и ему крайне было досадно, что онъ сидитъ не подлѣ Артиста.

Такимъ образомъ отъ сего худаго размѣщенія всякой потерялъ свою цѣну, подобно нулямъ, стоящимъ рядомъ и не имѣющимъ передъ собою числъ. Всѣ встали изъ-за стола, будучи не довольны другъ другомъ и слѣдовательно самими собою, потому что самолюбіе осталось безъ всякаго удовлетворенія. Я замѣтилъ, что сіе дурное размѣщеніе гостей, вмѣсто того, чтобы благопріятствовать аппетиту — ибо что дѣлать за обѣдомъ, какъ не ѣсть, когда не можно говорить? — имѣло вредное на него вліяніе и, къ великому сожалѣнію хозяина, гости ѣли мало, чего бы не случилось, естьли бы каждой имѣлъ приличнаго сосѣда.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего заѣхалъ я опять къ сему хлѣбосолу. Мы разговорились о данномъ имъ обѣдѣ, и онъ жаловался на общую невеселость гостей и на холодность ихъ другъ къ другу. Этого бы не случилось, сказалъ я ему, естьли бы, слѣдуя обыкновенію, принятому въ нѣкоторыхъ домахъ, и которое должно непремѣнно ввести во всеобщее употребленіе въ большомъ свѣтѣ, помѣстили вы гостей вашихъ сообразно съ характеромъ и склонностями каждаго. Поэта надобно было посадить возлѣ комедіанта, которой пожалѣлъ бы о его неудачѣ, и съ сво-

ей стороны занялъ бы его анекдотами своего Театра. Священникъ и Судья, оба люди важные и степенные, были бы очень довольны другъ другомъ. Банкиръ, купецъ и поставщикъ, сидя рядомъ, стали бы говорить о биржѣ, о торговлѣ, о взаимныхъ своихъ выгодахъ, и могли бы подать одинъ другому полезные совѣты. Любитель Наукъ и Художествъ, Артистъ и военной очень бы сладили между собою; первой служилъ бы толмачемъ двумъ послѣднимъ, и втроемъ они бы завели очень пріятной и любопытной разговоръ, въ которой вмѣшивался бы часто и Авторъ. Тогда обѣдъ вашъ былъ бы столько же веселъ, сколько былъ онъ вкусенъ. Гости, довольные другъ другомъ, были бы совершенно довольны вами и благодарны какъ за хорошій столъ, такъ и за стараніе доставить имъ пріятное сосѣдство. Не подумавъ о послѣднемъ, вы отпустили насъ, хотя, правду сказать, и очень сытыми, но не очень довольными: слѣдовательно все зависитъ, какъ вы видите, отъ искуства размѣщать гостей.

Онъ почувствовалъ истину моихъ замѣчаній, благодарилъ меня, и впредь хотѣлъ возпользоваться моими совѣтами. И дѣйствительно черезъ нѣсколько дней далъ онъ другой обѣдъ тѣмъ же особамъ.

Имена ихъ были написаны на билетахъ, украшенныхъ виньетами, и раскладены на приборахъ точно въ такомъ порядкѣ, какъ я совѣтовалъ. Гости были совершенно довольны сосѣдствомъ своимъ; слова лились рѣкою, аппетитъ — по необходимому слѣдствію — удвоился; ибо ничто такъ не возбуждаетъ его, какъ живой и интересной разговоръ; ѣли и пили много; благодарили хозяина за пріятнѣйшее во всѣхъ частяхъ угощеніе, и обѣщались никогда не отговариваться отъ его приглашеній.

IV.

Парижскія моды.

Нынѣ почти совсѣмъ не употребляютъ бумажныхъ обоевъ, какъ бы хороши оныя ни были. Щеголихи обиваютъ комнаты свои сукномъ, или шелковыми матеріями. Иногда искусно въ Греческомъ вкусѣ разписанная кайма замѣняетъ шелкъ и сукно. Сіи каймы составляютъ верхъ щегольства и превосходнѣйшее украшеніе; по сей причинѣ модныя Дамы употребляютъ ихъ только въ будуарахъ своихъ,

гдѣ представляются на каймахъ приличныя сему мѣсту изображенія.

Самыя модныя шляпки, чепцы, ленты должны быть персиковаго цвѣту, или цвѣту Королевиныхъ волосъ. Мущины носятъ фраки, жилеты и нижнее платье персиковаго же цвѣта; модные чулки такіе же. Но къ сему цвѣту примѣшиваютъ бѣлой, для избѣжанія единообразія. Такимъ образомъ когда шляпка и дульетъ персиковаго цвѣта, то платье и чулки бѣлые; когда же дульетъ и платье бѣлыя, то чулки и башмаки цвѣту Королевиныхъ волосъ. Мущины поступаютъ также: естьли фракъ персиковой, то жилетъ можетъ быть такого же цвѣта, но исподнее платье и чулки должны быть черные, и обратно.

Одинъ изъ славнѣйшихъ портныхъ въ Парижѣ объявляетъ *почтеннѣйшимъ* господамъ щеголямъ, что персиковымъ кафтаномъ можно чрезвычайно *отличиться*, потому что во всемъ городѣ ихъ только еще пять или шесть.

Нынѣшніе танцы такъ мудрены и утомительны, что во многочисленныхъ собраніяхъ на двадцать хорошихъ танцовщицъ находится не болѣе, какъ по четыре таковыхъ же танцовщиковъ. Послѣ пяти-или шести-лѣтняго *танцо-*

ванія, самый храбрый *танцовщикъ* выбивается изъ силъ. Дамы же показываютъ гораздо болѣе ловкости, и дѣлаютъ несравненно меньше *усилій*, а можетъ быть, что сіе упражненіе имъ и здорово; Дамы, говорю я, *танцуютъ* хорошо, прелестно, *танцуютъ* много, и что всего важнѣе, *танцуютъ долго*. . . .

Англичане ставятъ въ кареты свои жаровни, а Парижскія щеголихи зеркала и туалеты; слѣдовательно въ переднемъ мѣстѣ никому не льзя сѣсть. Щеголиха можетъ дорогою смотрѣться въ зеркало, сколько ей угодно, и, дѣлая визиты, перемѣнять костюмъ свой, не выходя изъ кареты, или поправлять разстроенный какимъ нибудь сильнымъ толчкомъ. — И такъ въ каретѣ модной женщины нѣтъ мѣста для друга, для любовника, а еще меньше для мужа. Она желаетъ быть въ ней одна съ горничною своею, съ туалетомъ и съ зеркаломъ.

Недавно появилось множество бѣлыхъ перьевъ на черныхъ бархатныхъ шляпкахъ. Парикмахеры употребляютъ также черный бархатъ на дѣланіе тюрбановъ, перевивая его съ чѣмъ нибудь бѣлымъ, или съ кружевнымъ покрываломъ.

V.

СМѢСЬ.

Недавно былъ гдѣ-то данъ очень странной обѣдъ, какъ родомъ яствъ, такъ и особливымъ вкусомъ гостей, которыхъ нашли средство собрать въ довольномъ количествѣ. На примѣръ: за симъ столомъ ѣли однѣ только протухлыя мяса, сдѣланныя свѣжими по предписанїю Гна. Каде де Во; пили одно померанцовое вино; употребляли свекловичной сахаръ, а кофе былъ изъ виноградныхъ зеренъ, и его варили при всѣхъ, для избѣжанїя всякаго сомнѣнїя. Столъ былъ уставленъ блюдами, наполненными студенью изъ разваренныхъ костей, а для предупрежденїя несваренїя желудка и лихорадки, часто случающихся отъ сего кушанья, подчивали гостей за десертомъ конфектами изъ *мездриннаго клея*, которыя изобрѣлъ Г. Сегень.

❦

Нынѣ не однѣ кареты страшны на Парижскихъ улицахъ: не меньше должно беречься молодыхъ шалуновъ, которые, безъ всякаго уваженїя къ женщинамъ и старымъ людямъ, нагло толкаютъ и даже часто сбиваютъ съ ногъ всѣхъ встрѣчающихся съ ними. Недавно одинъ ста-

рикъ, опрокинутой такимъ повѣсою, говорилъ, вставая и охая: „Для чего полиція не принудитъ этихъ господъ кричать, какъ извощиковъ и форрейтеровъ: *лоди! лоди!* или по крайней мѣрѣ носить на шеѣ колокольчики, какіе привязываются къ почтовымъ лошадямъ?"

*

Одна молодая и прекрасная дѣвушка въ Вирцбургѣ отравила себя ядомъ въ глазахъ своего невѣрнаго. Съѣвъ бисквитъ, посыпанной мышьякомъ, она сказала ему: *я отъ роду ничего такъ сладкаго не ѣдала!*

*

Можетъ быть, въ тысячный уже разъ объявляютъ о изобрѣтеніи *вѣчнаго движенія*, и теперь приписываютъ сіе открытіе одному славному Парижскому Артисту. Какова бы ни была машина, на которой основываетъ онъ свою надежду, мы не станемъ съ нимъ спорить; но только приведемъ мнѣніе Фонтенелля, которое, кажется, заслуживаетъ отличное уваженіе. . . „Всякая Наука, говоритъ онъ, имѣетъ свою химеру: Мораль — безкорыстную любовь, Химія — философической камень, а Механика — вѣчное движеніе."

*

Знаменитый Г. Ламаркъ говоритъ, что произходящее въ атмосферѣ достойно вниманія тѣхъ людей, которые принимаютъ участіе въ успѣхахъ Метеорологіи. „Мы имѣли отъ 12 го до 21 го Нивоза тихіе и ясные дни, или, по крайней мѣрѣ, очень изрядные въ разсужденіи годоваго времени. Сія погода продолжилась бы, естьлибъ новый мѣсяцъ 21 го числа не разстроилъ ее. . . .“ Наблюдатель присовокупляетъ: „Я за три мѣсяца впередъ предвидѣлъ, что нынѣшняя зима будетъ очень легка до Февраля, но не хотѣлъ никому объявить о томъ, *ожидая, чтобъ дѣйствительное событіе оправдало мое предвидѣніе* !!!. . “. Это очень благоразумно во всѣхъ случаяхъ.

*

Въ одномъ иностранномъ Журналѣ напечатано слѣдующее: „Англія начала нынѣшнюю войну съ Францїею отъ того, что боялась войны!! — Это походитъ на то, какъ бы кто бросился въ рѣку, боясь, чтобъ въ нее не упасть!

ПОЛИТИКА.

I.

Статья изъ Courier de Londres.

Всѣ письма, получаемыя нами съ береговъ, говорятъ только о пріуготовленіяхъ перваго Консула къ высадкѣ. Всякую недѣлю пріѣзжаютъ къ намъ изъ Голландіи на неутральныхъ корабляхъ путешественники съ извѣстіями о непремѣнномъ намѣреніи Бонапартія произвесть въ дѣйство *великое предпріятіе.* Сіи путешественники заключаютъ о замыслахъ Консула по движеніямъ, примѣченнымъ ими въ Голландскихъ Портахъ. Мы не сомнѣваемся, чтобъ Бонапарте не содержалъ войскъ своихъ въ безпрестанной дѣятельности, чтобъ онъ не выписывалъ ихъ изъ внутренности Франціи на берега, не сажалъ бы ихъ на суда и опять не снималъ, дѣлая родъ *репетиціи* высадкѣ. Легко можетъ статься, что онъ пожертвовалъ уже нѣкоторою частію сей *страшной* арміи, и что Контр-Адмиралъ Вергюель, *Батавскій* Адъютантъ *Корсиканскаго* Героя, и человѣкъ, которой, послѣ *Мамелюка Рустана*, пользуется наиболь-

шимъ уваженіемъ своего повелителя, пустится въ море и согласится утопить нѣсколько тысячь Голландцевъ, для того, чтобъ избавить отъ хлопотъ Консула, снабдивъ его достаточною причиною, отмѣнить *торжественно провозглашенную* высадку, и сказать, что онъ необходимо долженъ былъ уступить обстоятельствамъ, хотя въ самомъ дѣлѣ одинъ только страхъ въ этомъ ему препятствуетъ. Но все это тщетно: ужасная минута для Бонапартія когда нибудь наступитъ; онъ долженъ будетъ тогда признаться, что высадка не возможна; въ ожиданіи же сего времени, нужно ему показывать, что онъ не оставляетъ намѣренія наказать сихъ тирановъ морей, которые хотятъ остаться богатыми и щастливыми, между тѣмъ, какъ большая часть Европы разорена и порабощена. Естьли читатели вспомнятъ прежнія наши мысли о томъ, какъ Бонапарте будетъ вести сію войну: то увидятъ, что до сихъ поръ поведеніе его согласовалось съ нашими догадками.

Хотя Бонапарте и непремѣнно хотѣлъ объявить войну Англіи, но ему не прилично было начать оную въ то время, какъ Англійское правительство потребовало положительнаго отвѣта въ разсужденіи намѣреній, которыхъ Консулъ не

умѣлъ скрыть. Общее мнѣнїе всей Францїи, особливо же Бонапартїево и совѣтниковъ его, было то, что Англїя подписала миръ единственно по причинѣ невозможности продолжать войну. Бонапарте и его совѣтники ошиблись въ заключенїяхъ своихъ о характерѣ нынѣшнихъ Англїйскихъ Министровъ. Умѣренность, показанная ими въ продолженїе мирныхъ переговоровъ и въ требуемыхъ объясненїяхъ, единственно для избѣжанїя новыхъ несогласїй, была сочтена дѣйствїемъ страха. Желая еще болѣе испугать насъ, Консулъ началъ грозить высадкою. Сначала безъ сомнѣнїя былъ онъ нѣсколько времени увѣренъ въ возможности послать къ намъ армїю, когда еще мы не приготовились къ оборонѣ; сверхъ того надѣялся онъ на всеобщее возмущенїе Ирландцевъ.

Удивленные скоростїю, съ какою Англїя привела себя въ оборонительное состоянїе, и худымъ успѣхомъ лазутчиковъ Французскаго правительства въ Ирландїи, совѣтники Бонапартїевы не могли наконецъ скрыть отъ него безразсудности намѣренїя сдѣлать къ намъ впаденїе, и уговорили его не производить онаго въ дѣйство, но продолжать стращать насъ онымъ, чтобъ доходы Англїи

истощились, и народъ бы утомился отъ безпрестаннаго стоянія на караулѣ. Совѣтники Бонапартіевы еще разъ ошиблись. Консульскія пріуготовленія послужили только къ удостовѣренію Англійской націи, что, пока будетъ существовать революціонное правительство во Франціи, оно не престанетъ угрожать независимости Англіи, и что легко можно предвидѣть отчаянныя предпріятія такого правительства, которое не можетъ иначе успоять, какъ возмущая спокойствіе другихъ народовъ. Единственнымъ слѣдствіемъ угрозъ Консула будетъ учрежденіе знатной военной силы въ Англіи и утвержденіе независимости ея.

Что касается до истощенія казны, то мы спросимъ только, къ какимъ насильственнымъ способамъ правительство наше прибѣгало для образованія арміи, состоящей болѣе, нежели изъ шести сотъ тысячь человѣкъ; для покрышія морей 500 кораблями, для блокированія всѣхъ Французскихъ и Голландскихъ Портовъ, для овладѣнія тѣми ихъ Колоніями, которыя только захотѣло оно взять, и наконецъ для принужденія Ст. Домингской арміи просить покровительства Англіи, чтобъ избѣжать мщенія Чернаго Генерала Дессалина.

Консулу столько же не возможно изсушить источники благоденствія Англіи, какъ завладѣть ею. Вотъ еще другая химера, отъ которой ему отказаться должно!

Онъ ласкалъ себя, что принудитъ заперетъ на твердой землѣ входъ въ гавани Англійскимъ купеческимъ кораблямъ. Но естьли бы онъ имѣлъ понятіе о томъ, что происходитъ въ Европѣ: то увидѣлъ бы, что вліяніе его на оную слабѣетъ. Въ гордости своей мечталъ онъ быть повелителемъ Европы послѣ раздѣленія Германіи и почиталъ другихъ Государей Проконсулами, которымъ оставлялъ внутреннее правленіе ихъ Областей, до тѣхъ поръ, какъ вздумается ему объявить ихъ своими вазаллами. Сей сонъ долженствовалъ кончиться въ ту самую минуту, какъ Пруской Король призвалъ въ гавани свои Англійскую торговлю, которую неразчетливая и жестокая Политика отдалила отъ Анзеатическихъ или Ганзейскихъ городовъ. Онъ легко бы могъ предвидѣть, что, оставя симъ городамъ ихъ неутралитетъ, сталъ бы онъ брать съ нихъ ежегодную дань; но снизхожденіе Пруского Короля никогда не простреться до того, чтобъ онъ согласился покупать у него право пускать въ гавани свои

Англійскіе купеческіе корабли. Наконецъ не побудилъ бы онъ Пруекаго Короля сдѣлать тѣснѣйшую связь съ другими Державами, которыя начинали тревожиться, видя Французскую армію въ Курфиршествѣ Ганноверскомъ.

Упоенный успѣхами своими Бонапарте вздумалъ, что Англія *одна* не можетъ ему противиться; вздумалъ, что твердая земля не отважится дѣлать съ нею союзовъ. — Но ему надлежало бы вспомнить, что послѣ Кампо-Формійскаго трактата, Англія *одна* противилась Франціи; что на Нильскомъ сраженіи — и при осадѣ Акрской крѣпости, Англичане одни уничтожили его замыслы; что Англичане *одни* принудили Французовъ очистить Египетъ. Естьли Англичане *одни* освободили Турецкую Провинцію, завоеванную *непобѣдимыми* Французами, то легко можно было предвидѣть, что они будутъ въ состояніи защитить Англію отъ плоскодонныхъ судовъ. Но гордость не умѣетъ ничего предусматривать, и когда поселится она въ такую *тѣсную* голову, то несправедливо требовать отъ нея разсудительности. Когда Бонапарте говорилъ, что онъ завоюетъ Англію, то дѣйствительно этому вѣрилъ; но нѣсколько уже мѣсяцовъ онъ

убѣжденъ въ томъ, что флотилїи его не могутъ даже выттти изъ пристаней — и вотъ для чего онъ медлитъ сажать войска свои на суда! Бездѣйствїе Австрїи и молчанїе нѣкоторыхъ сильныхъ Державъ, по занятїи Ганновера, удостовѣрили его, что онъ на все можетъ пуститься; что сїи Державы желаютъ помогать намѣренїямъ его противъ Англїи, и что онѣ не пустятъ къ себѣ Англїйскихъ купеческихъ кораблей: но контрибуцїи, наложенныя на Анзеатическїе города; утѣсненїе, причиняемое Нѣмецкой торговлѣ пребыванїемъ Французской армїи въ Ганноверѣ и введенїемъ тамъ возбранительной системы, положили наконецъ предѣлъ снизхожденїю нѣкоторыхъ Сѣверныхъ Дворовъ; и вмѣсто того, чтобъ помогать Консулу въ предпрїятїяхъ его противъ Англїи, они стараются уничтожать ихъ. Бонапарте извѣстенъ о сей перемѣнѣ системы помянутыхъ Державъ; и не всѣ войска, собирающїяся на берегахъ, назначаются дѣйствовать противъ Великобританїи.

Такимъ образомъ намѣренїе, овладѣть Англїею, доставило сему Государству двѣ важныя выгоды, а именно: знатную армїю и сильныхъ союзниковъ, которые

видятъ, что честолюбіе Французской Республики опаснѣе Великобританскаго....

Такъ говорятъ Издатели *Courier de Londres*. Много ли тутъ истины и нѣтъ ли пристрастія, мы оставляемъ судить читателямъ! Намъ кажется только, что Бонапартіева голова не такъ *тѣсна*, какъ заключаютъ о ней Гг. Лондонскіе Журналисты. —

II.

Выписка изъ Лондонскихъ Вѣдомостей.

Парижской Сенатъ занимается теперь проектомъ образованія Почетнаго Легіона. Сей проектъ былъ поданъ въ тайномъ засѣданіи на другой день послѣ отъѣзда перваго Консула Государственными Совѣтниками: Іосифомъ Бонапарте, Редереромъ и Порталисомъ. Первой говорилъ рѣчь отъ имени Государственнаго Совѣта, и хотя рѣчь сія была написана, но онъ читалъ ее такъ невнятно и дурно, что всѣ почти ничего не слышали. Теперь многіе сомнѣваются, *умѣетъ ли сей искусной Негоціатёръ грамотѣ!!*

Говорятъ, что Члены Почетнаго Легіона будутъ раздѣлены на четыре класса,

смотря по большимъ, или меньшимъ воинскимъ и гражданскимъ чинамъ, также и по заслугамъ, за которыя будутъ ихъ помѣщать въ сей отличительный корпусъ.

Первой классъ будетъ составленъ изъ вышнихъ Чиновниковъ; но главному Консулу предоставляется право помѣщать въ оный всякаго, кто славными и блистательными подвигами, или важнѣйшими услугами Отечеству, удостоится отличнаго національнаго возмездія. Члены сего класса будутъ носить широкую огненнаго цвѣта ленту съ алмазною звѣздою. Они будутъ пользоваться первенствомъ во всѣхъ публичныхъ церемоніяхъ и одинакими почестями со второмъ и третьимъ Консулами; не станутъ платить никакихъ личныхъ податей: но сіи отличія и преимущества не иначе могутъ сдѣлаться наслѣдственными въ ихъ фамиліяхъ, какъ съ общаго согласія Сенаторовъ и по непосредственному о томъ представленію перваго Консула.

Члены втораго класса будутъ носить такую же ленту, но съ вышитою серебромъ звѣздою; Члены третьяго класса серебреной крестъ въ петлицѣ на узкой лентѣ огненнаго цвѣта; наконецъ Члены четвертаго класса будутъ имѣть въ петлицѣ зеленую ленточку съ серебренымъ

литымъ изображенїемъ того почетнаго оружїя, которое будетъ дано каждому первымъ Консуломъ.

Члены Почетнаго Легїона будутъ пользоваться, всякой по своему классу, разными преимуществами, пенсїями и освобожденїемъ отъ податей. Говорятъ даже, что и судопроизводство надъ ними по уголовнымъ дѣламъ будетъ особенное. Однимъ словомъ, это будетъ новое Дворянство во Францїи.

III.

Извѣстія Парижскія.

Января 22 го, въ одиннадцать часовъ по утру, первый Консулъ принималъ Депутацїю, состоящую изъ 24 Членовъ Законодательнаго Корпуса. Президентъ, г-нъ. Фонтань, говорилъ прекрасную рѣчь. Депутацїя отправилась потомъ къ Гжѣ. Бонапарте.

Въ 2 часа по полудни былъ большой смотръ войскамъ. Консулъ раздавалъ знамена и штандарты двумъ полкамъ Италїанской Республики; послѣ сего Французскїя войска дѣлали манёвры, и два полка оныхъ получили также отъ Консула знамена и штандарты.

Въ 5 часа первой Консулъ принималъ Дипломатической Корпусъ; Министръ иностранныхъ дѣлъ не могъ по обыкновенію своему явиться, по причинѣ болѣзни.

Дѣятельность перваго Консула удивляетъ даже и самыхъ пріобыкшихъ къ ней и близкихъ къ нему людей. Чтобъ дать о ней понятіе, мы разскажемъ читателямъ, какъ провелъ онъ прошедшій четвергъ: онъ ѣздилъ на охоту въ Булоньской лѣсъ; провелъ тамъ четыре часа и заправилъ оленя; въ 4 часа по полудни возвратился въ Парижъ; присутствовалъ въ Совѣтѣ до 8 часовъ и, послѣ легкаго ужина, работалъ 4 часа съ Министромъ морскихъ силъ, а потомъ до 5 часовъ утра танцовалъ на балѣ у Гжи. Бонапарте.

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ экспедиція противъ Англіи отложена еще на мѣсяцъ, а можетъ быть и болѣе. Извѣстно, что войска были посажены на Брестской флотъ, которой однакожь не выходилъ изъ гавани. При первомъ путешествіи къ берегамъ первой Консулъ будетъ наблюдать нѣкоторое инкогнито; день и часъ его отъѣзда будутъ рачительно скрываемы. — Первый Консулъ часто бесѣдуетъ съ Генераломъ Мюратомъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ дол-

жность Парижскаго Губернатора. Увѣряютъ, что Генералъ Мюратъ будетъ имѣть въ семъ званіи большую власть, особливо во время отсутствія главнаго Консула. — Не извѣстно, кто на мѣсто Генерала Мюрата будетъ начальствовать надъ Италіанскою арміею.

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ Лондонѣ въ прошломъ 1805 году родилось 11,054 мальчиковъ и 9929 дѣвочекъ: всего 20,983 человѣка. Число умершихъ простирается до 19,582, а именно, мужеска пола 9799, женска 9783.

❖

Въ Вѣнѣ въ прошломъ году родилось 12,264; умерло 14,385 человѣкъ; бракомъ сочеталось 2728 паръ. Въ числѣ умершихъ былъ одинъ старикъ 104 лѣтъ, а другой 102.

❖

Римско-Императорская армія состоитъ теперь изъ 510 тысячь человѣкъ, въ томъ числѣ 45 тысячь конницы и 10 тысячь артиллеріи. — Пруская армія

простирается до 165 тысячь человѣкъ: въ томъ числѣ конницы 41 тысяча.

Не прошло еще году, какъ въ городѣ Ахенѣ и въ окрестностяхъ его ходили большія толпы нищихъ; старость не имѣла пристанища; дѣти неимущихъ были оставлены въ добычу всѣмъ бѣдствіямъ нищеты; лѣность являла всюду отвратительную свою наготу и оскорбляла зрѣніе, но не меньше оскорблялся и слухъ наглыми и неотвязными прозьбами шатающихся по улицамъ бродягъ. — Для искорененія сего зла, надлежало призрѣть дряхлыхъ стариковъ, отнять у здоровыхъ празднолюбцевъ предлогъ недостатка въ работѣ и возпрепятствовать скуднымъ родителямъ пріучить дѣтей лѣниться и таскаться по міру. Сколь ни трудно было сіе предпріятіе, однакожь оно произведено въ дѣйство просвѣщенными и человѣколюбивыми Особами, которымъ Префектъ поручилъ оное. Правительство назначило бывшій Кармелитской монастырь для сего предмета. — На издержки, требуемыя симъ учрежденіемъ при началѣ онаго, собрана доброволно знатная сумма денегъ. Сей странноприіимный домъ открылся въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ, и съ сего времени не

видно болѣе ни одного нищаго какъ въ городѣ, такъ и въ ближнихъ селенїяхъ. Теперь въ семъ домѣ одѣваютъ, кормятъ и покоятъ 200 стариковъ, обучаютъ 165 дѣтей и занимаютъ работою 100 человѣкъ здоровыхъ нищихъ. — Въ числѣ благотворителей, споспѣшествовавшихъ сему человѣколюбивому заведенїю, должно отличить Гжу. *Дегарсо*, которая прислала 4000 франковъ на покупку постелей, и Бригаднаго Генерала Франчески, опредѣлившаго ежемѣсячную извѣстную сумму на разходы сего дома.

*

Три Англїйскїе военные корабля появились опять при устьѣ Эльбы, для блокированїя онаго.

*

Пишутъ изъ Гамбурга, что славный *Кантъ*, Авторъ Философической системы, носящей его имя, такъ боленъ и слабъ, что не только отчаяваются въ его выздоровленїи, но и ожидаютъ скораго конца его жизни.

*

Похитительница брилїантовыхъ вещей у Гжи. Демидовой была какая-то Нѣмецкая Графиня, которая нашла способъ коротко познакомиться съ сею Госпожею и, въ день бала, подъ предлогомъ надобности, вошла въ ея комнату, гдѣ

нашла Учителя, занимавшагося чтенїемъ съ дѣтьми книжекъ. Она выслала его и отперла ларчикъ, въ которомъ лежали всѣ драгоцѣнныя вещи Гжи. Демидовой. Учитель объявилъ, что Графиня, выславъ его изъ комнаты, пробыла тамъ очень долго. Г. Демидовъ, услышавъ сверхъ того, что Полицїя подозрѣваетъ ее, немедленно къ ней поѣхалъ и нашелъ алмазы изъ дїадимы, а золото и серебро было уже разпущено ею въ крѣпкой водкѣ, которую Графиня вылила въ каминъ, какъ скоро Г. Демидовъ узналъ свои алмазы. Сїю Графиню посадили въ тюрьму, называемую *Сальпетрїеръ*.

❖

Продолжаютъ еще говорить о бракосочетанїи Этрурской Королевы, и увѣряютъ, что Гишпанской Посланникъ получилъ повелѣнїе вручить ей множество драгоцѣнныхъ камней.

❖

Луцїанъ Бонапарте, прїѣхавъ въ Римъ, поцелъ тотчасъ къ сестрѣ своей въ домъ Князя Боргезе и сказался Французскимъ курьеромъ. Принцесса очень удивилась, увидя брата своего въ Римѣ; но онъ не долго тамъ пробылъ и, поговоривъ съ сестрою полчаса, продолжалъ путешествїе свое въ Неаполь. — Генералъ

Гарнье черезъ нѣсколько часовъ за нимъ послѣдовалъ.

❋

Пишутъ изъ Кале, что, не взирая на удивительныя и безпрестанныя пріуготовленія къ высадкѣ, оная не можетъ послѣдовать прежде послѣднихъ чиселъ Марта. Много требуется времени какъ на укомплетованіе толь сильнаго ополченія, такъ и для соединенія всѣхъ дивизій транспортныхъ судовъ въ Булони; число сихъ судовъ должно простираться до 1500. Главный Консулъ не прежде покажется публично на берегахъ, какъ по совершенномъ изготовленіи всего нужнаго для высадки; но сія интересная эпоха хранится въ глубокой тайнѣ.

❋

Извѣстная Гжа. Шталь расположилась жить въ Веймарѣ; она теперь очень занимается Нѣмецкою Литтературою и сочиняетъ путешествіе по Германіи.

Конецъ XIII Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ЯНВАРЬ. No 1.

		Стран.
I.	Гимнъ Богу. - -	3
II.	Альцибіадъ пустынникъ. -	5
III.	Рѣчь о томъ, что изученіе законовъ должно быть главнымъ предметомъ каждаго благовоспитаннаго гражданина. -	28
IV.	Время. - - -	44
V.	Письмо одного Нѣмца къ пріятелю, содержащее критику на драматическія сочиненія Гна. Коцебу. - -	48
VI.	Мысли Лихтенберговы. -	56
VII.	Эпиграмма. - -	60
VIII.	Шарада. - - -	60
IX.	О новооткрытой безцѣнной пользѣ, происходящей отъ прививанія коровьей оспы. -	—
X.	Чудные заклады. - -	61
XI.	Нѣчто о Японцахъ. - -	62
XII.	Плоды просвѣщенія. - -	64
XIII.	Анекдоты. - - -	—
XIV.	Засѣданіе Нижняго Парламента 9 го Декабря. - -	67
XV.	Описаніе города Альтоны. -	81
XVI.	Извѣстія. - - -	88

ЯНВАРЬ. No 2.

Стран.

I. *Къ Парижскимъ Дамамъ.* - 91
II. *Новое путешествіе въ Малороссію.* 97

Балъ. - - —
Красавицы. - - 98
Рѣдкость. - - 100
Поэтъ. - - 102
Удовольствіе. - - 104
Природа. - - 106
Садъ. - - - 108
Левкои. - - 110
Почтенное семейство. - 111
Сердечный вздохъ. - 114
Иппократъ нашего времени. 115
Вечеръ у К* К* * * - 118
Прощаніе. - - 121
Переводъ изъ Гельвеція. - 126
Стихи. - - 130
Стихи къ * * *. - - 131
Вѣеръ. - - 132

III. *Къ К* И* Е — ой.* - - 134
IV. *Бывало.* - - - 135
V. *Скромность.* - - 136
VI. *Романсъ.* - - - —
VII. *Къ любви.* - - - 138
VIII. *О бояхъ быковъ въ Гишпаніи.* - 139
IX. *Парижскія моды.* - - 142
X. *Вольтеровы мысли.* - - 144
XI. *О пребываніи Г. Коцебу въ Парижѣ.* 148
XII. *Анекдоты.* - - - 149
XIII. *Засѣданіе Нижняго Парламента 9 го Декабря.* - 154

Стран.

XIV. Извѣстія Парижскія. - 159
XV. Описаніе Сіерра-Леонской колоніи. 161
XVI. Извѣстія и замѣчанія. - 167

ФЕВРАЛЬ. No 3.

I. Любовь и честность. - 175
II. Критика на драматическія сочиненія Г. Коцебу. (Окончаніе.) 203
III. Вольтеровы мысли. - 214
IV. Апологи Гна. Песталоцци. - 218
V. Новооткрытое дѣйствительнѣйшее лѣкарство отъ гнилыхъ горячекъ. - - 220
VI. Анекдоты. - - 221
VII. О Черкашенкахъ. - - 223
VIII. Моды. - - - 224
IX. Нещастіе. - 225
X. Лондонскія извѣстія. - 227
XI. О частномъ и общемъ населеніи Швеціи, и проч. - - 230
XII. О Статистикѣ. - - 236
XIII. Таблица, показывающая число родившихся и умершихъ въ знатнѣйшихъ городахъ Сѣверной Европы, сравнительно съ населеніемъ Парижа и Лондона въ теченіе 1801 года. - 240
XIV. Извѣстія и замѣчанія. - 241

ФЕВРАЛЬ. № 4.

		Стран.
I.	Добродушный. - -	247
II.	О развалинахъ. - -	292
III.	О сосѣдствѣ за столомъ. -	303
IV.	Парижскія моды. -	308
V.	Смѣсь. - - -	311
VI.	Статья изъ Courier dè Londres. -	314
VII.	Выписка изъ Лондонскихъ Вѣдомостей. - -	321
VIII.	Извѣстія Парижскія. -	323
IX.	Извѣстія и замѣчанія. -	325

ОПЕЧАТКИ

во 2й книжкѣ Вѣстника Европы.

Стран.	Стр.	*Напечат.*	*Читай.*
9	1	вЪ первый!“	вЪ первый разЪ!“
103	7	ему не сЪ кѣмЪ	здѣсь не сЪ кѣмЪ
109	4	украсилась	украшалась
139	16	много	мѣсто
144	3	изЪ бѣлаго	а нарядныя изЪ бѣлаго